Записки
Православного Политического Совещания
(1995-1997)

Оглавление

О Православном политическом совещании 4
Православный идеал государственности и современность 10
К симфонии Церкви и государства 15
Итоги выборов для православных политиков 20
Чеченский сепаратизм и пути его преодоления 24
“Православие и коммунизм... Можно ли их совместить?” 32
Национальная доктрина в установках кандидатов в президенты России 51
Просвещенный патриотизм и православная традиция 65
Духовно-нравственная безопасность России 75
О создании Союза Православных Граждан 89
Православный взгляд на современное состояние российского общества 104
Заявления СПГ 1997 года 120
Христианская политика, или “политическое христианство”? 123
Инициаторы создания Православного Политического Совещания 132

Предисловие

Попытки формирования самодеятельных православных общественных объединений в Российской Федерации в 1990-е годы предпринимались неоднократно. Православное Политическое Совещание (ППС) просуществовало около двух лет и преобразовалось в Союз Православных Граждан, который был активен лишь в течение короткого промежутка времени, в основном проводя православные конференции по актуальным темам.

ППС возникло в Российском общественно-политическом центре (РОПЦ, в дальнейшем – одноименный фонд) на базе семинара «Религия и общество». Мне довелось быть инициатором этого семинара, но вес нашим «посиделкам», несомненно придавал, прежде всего, Владимир Махнач. Духовое водительство осуществлял о. Владислав Свешников, а сбором православной общественности занимался более всего Валентин Лебедев, имевший широки знакомства, благодаря своей многолетней деятельности в качестве издателя православной периодики и журналиста.

Потребность в нерегламентированном диалоге православных общественных активистов и представлении различных православных инициатив в то время остро обсуждалось, поскольку в рамках административного контроля со стороны Московской Патриархии общественники не чувствовали себя свободно. Семинары в РОПЦ быстро обнаружили необходимость в выработке позиций православных людей относительно острых событий в жизни страны.

Сложным для православных общественников и священства оказалась ситуация, сложившаяся на выборах президента в 1996 году. Одно из заседаний ППС неожиданно превратилось в большую пресс-конференцию, когда на ней появился генерал Александр Лебедь – впервые в роли кандидата в президенты. Обычно спокойное собрание стало бурым за счет присутствия массы журналистов и около десятка видеокамер, включая представлявшие ведущие телеканалы. Но нигде материалы с этого совещания в эфир не пошли – слишком уж не укладывались выступления участников ППС в политкорректный формат СМИ, не принимавших православие как фактор политики. И генерал Лебедь в дальнейшем никак не обозначил своей заинтересованности в контактах с православной общественностью.

После моего ухода из РОПЦ весной 1998 года, ППС лишилась материальной базы для своих заседаний, которые стали проходить нерегулярно и в разных местах, уже не собирая православных интеллектуалов и активистов в прежних масштабах. Фактически и СПГ как общественная организация не состоялся и регулярных мероприятий не проводил.

Ядро ППС рассыпалось, и лишь мы с Владимиром Махначом продолжали активно взаимодействовать на базе Конгресса русских общин. Где, впрочем, также не было большого интереса к контактам с православными общественниками – они требовали особого внимания и понимания, и были слишком неудобны для становящегося все более циничным политического процесса.

Активизация образованного на базе ППС Союза Православных Граждан (СПГ) произошло лишь однажды – накануне президентских выборов 2000 года, и предвыборной ситуации была посвящена большая конференция, где экономист Сергей Глазьев, примкнувший к СПГ и декларировавший свою приверженность православию, активно склонял присутствующих к поддержке а выборах лидера КПРФ Геннадия Зюганова. Мне тогда пришлось попросить слово и резко выступить против альянса православных с коммунистами. При этом уровень авторитета и известности Сергея Глазьева заведомо превышал мою известность. Тем не менее, конференция в итоге склонилась к моей позиции, и никакой декларации в поддержку коммуниста Зюганова принято не было.

Составленные мной записки ППС – это изложение выступлении на ППС, которые готовились по горячим следам по звукозаписи. В них отмечены позиции людей, для которых пик активности и популярности был либо в прошлом, либо в будущем. Среди выступавших – бывшие депутаты ВС РСФСР Михаил Астафьев, Виктор Аксючиц, Олег Румянце, будущий лидер оппозиционной фракции «Родина» в Думе, а затем чиновник высшего

звена Дмитрий Рогозин, будущие депутаты «Родины» Сергей Глазьев. Наталья Нарочницкая (впоследствии – глава провластного Института демократии и сотрудничества, базирующегося в Париже) и ваш покорный слуга Андрей Савельев. Выступали на ППС академик Игорь Шафаревич, академик Дмитрий Львов, главный редактор журнала «Москва» писатель Леонид Бородин, бывший министр иностранных дел Александр Бессмертных.

Записки оставлены в данной публикации такими, какими они были – без всякой редактуры. Они позволяют почувствовать дух времени и прояснить существовавшие среди православных политических активистов противоречия, которые постоянно разводили их в различные политические структуры. Когда некоторые из прежних участников ППС встретились в «Родине», это не означало наличия общей точки зрения. После удушение «Родины» в 2006 году пути практически всех, кто мог бы продолжать совместную деятельность, разошлись – многие из православных политиков были прямо-таки куплены антиправославным режимом, получив должности и почести (Рогозин, Глазьев, Нарочницкая).

Записки позволяют понять, то слова и дела расходятся порой вовсе не сразу, а порой через многие годы. Одно дело декларировать свою православность, другое – оставаться последователем Христа, даже когда земная Церковь оказывается пропитанной ересями, а политический режим осуществляет геноцид твоего народа. Многие, кто не достиг «степеней известных», остались со Христом, не обменяв первородство на чечевичную похлебку. И в этом – надежда, что Россия все же спасется, на погибнет в глобальной катастрофе, немалую роль в которой играют отступники от православия.

А.Н.Савелев, 2020 г.

О Православном политическом совещании

Попытка внести ценности православия в политику предпринимались не раз. Практически все из них остались малопродуктивными. Православное политическое совещания - одно из немногих исключений.

Идея создания Православного общественного объединения клубного типа и просветительского характера, и вместе с тем ориентированного на рассмотрение важнейших проблем российской государственности, появилась после проведения в 1994 году конференции "Наши задачи" Ивана Ильина и наши задачи". Поиск формы, в которой могло бы существовать такое объединение, постепенно привел к тому, что более всего подходит его задачам форма совещания. Отсюда родилось и название - Православное политическое совещание. Был сформирован оргкомитет Совещания, в который вошли кандидат богословия протоиерей Владислав Свешников, главный редактор журнала "Православная беседа" Валентин Лебедев, историк Владимир Махнач и политолог Андрей Савельев. В дальнейшем активно поддержали работу оргкомитета просветительское общество "Радонеж" (Е.Никифоров), Всероссийский правый центр (М.Астафьев, Н.Нарочницкая), Конгресс русских общин (Д.Рогозин, С.Глазьев), Аналитический СВР-центр (С.Пыхтин) и др.

Поначалу слово "политическое" казалось организаторам слишком рискованным, учитывая дурную традиция отстранения православных верующих от политики советского государства. Тем не менее, дальнейшая работа показала правильность выбора. Именно ориентация на ключевые вопросы государственного строительства в России, на основы формирования здравой созидательной политики позволили привлечь внимание к Православному политическому совещанию со стороны видных общественных деятелей и средств массовой информации. Важным фактором успеха стал отказ членов ППС от использования Совещания в чисто политических целях. Главное для ППС — нравственно-духовная оценка деятельности политиков и общественных объединений, претендующих на власть.

Первое заседание Православного политического совещания состоялось 25 сентября 1995 года. В дальнейшем заседания проводились ежемесячно и неизменно привлекали внимание общественных деятелей и журналистов. Работа совещания была поддержана руководством Фонда "Российский общественно-политический центр", который помимо организационной поддержки принял активное участие в формировании планов деятельности Совещания.

После принятия Совещанием в феврале 1996 года обращения по поводу планов разрешения чеченского конфликта, оно было поддержано рядом видных общественных деятелей, получило большой резонанс в печати и правительственных органах. ППС ведет работу совместно с руководством Конгресса русских общин, обратившегося к Совещанию за помощью в разработке документов КРО. Накануне президентских выборов 1996 года ППС совместно с КРО провело обсуждение концепций просвещенного патриотизма, совместно с фондом "Реформа" — проблем становления образа современного общественного деятеля.

В настоящий сборник вошли материалы о заседаниях Совещания (сообщения для прессы, публикации в газете "Радонеж") и краткие изложения выступлений основных его участников.

В планах работы Совещания обсуждение проблем национального образования и формирования нравственно-духовного облика гражданина России, вопросы оборонной доктрины и положения российской армии...

Будем надеяться, что вместе со становлением Православного политического совещания в нашу жизнь войдут политики православного мироощущения и православной нравственности.

1996

Три с лишним часа работало первое Православное политическое совещание.

Священнослужители, политики, общественные деятели проанализировали причины хаоса, высказали свое мнение о путях возрождения России. Объединила выступления общая идея - у России нет исторического будущего и русский народ не скажет надлежащего слова в мировой истории, если здоровые политические силы в единстве с народом не поведут общество и государство к восстановлению Божией правды.

По единодушному мнению собравшихся первое заседание не только не должно стать последним, но и играть все более заметную роль в политической жизни. Ну, а выступление преподавателя Московской духовной академии протоиерея Владислава Свешникова, по мнению участников совещания вполне отражает программные цели новой политической структуры.

БЫТЬ ЧЕСТНЫМ

Протоиерей Владислав СВЕШНИКОВ

Известно, что в минувшие времена русский народ был народом глубокой православной веры, пронизавшей все содержание его существования. А потому с русским народом был Бог, а потому русское государство, русское общество и русская культура раскрылись во многих величайших достижениях. Однако ряд внутренних разрушительных ситуаций и целенаправленных и нецеленаправленных действий известных лиц привели к 1917 году, к 70-летней большевистской лжи и продолжающейся ускоренной деградации последнего десятка лет. В результате живую и глубокую веру заменила мертвящая пустота коммунистической идеологии, а затем расхлябанного либерального хаоса. Вместо знания стало мнение, вместо сознания - сомнение, вместо самосознания - самомнение. Вместо строительства государственной политики как осуществляемой этики общественного служения, где власть не более чем инструмент, разрушение государства с постепенным превращением его в антигосударство, где власть безнравственная самоцель и предмет драки.

Свершившаяся в национальном масштабе ошибка открывает продолжение длящегося исторического греха, который может быть преодолен только в практике народного покаяния, но пока два взаимосвязанных настроения господствуют в русском обществе - безысходности и пассивного, тоскливого бесплодного и бессмысленного ожидания неизвестно чего, но, кажется, более всего, по известному патерналистскому принципу, - доброго барина.

На этой социально безвольной волне всплывают и барахтаются люди более активных слоев в своих корыстных интересах - политики, коммерсанты, преступники. Они обрели уникальную возможность за короткий срок получить неслыханные преимущества в нашей стране и добиться любых своих целей. Ускорился развал всех сторон жизни общества, заметнее всего в нравственности, экономике, политике. Особенная роль в этом процессе принадлежит ТВ и газетам.

В условиях настороженной, но бессодержательной апатии политическим слоям любого уровня легче всего манипулировать мнением народа и утверждать, что все их решения предлагаются от имени народа, якобы избравшего их. Уже одно это приводит к невозможности восстановления социального и нравственного порядка, потому что манипулирование и ложь по своей природе разрушительны. Единственное, что можно отметить как положительное начало, - все труднее оказывается создавать общественное мнение, соответствующее партийным представлениям и ощущениям, и представлять его как объективную правду. Даже при оглушительно одурачивающем использовании средств массовой информации. Правда, при этом возрастает и уровень массовой дезориентированности. Не видно, на что опереться при необходимости ответственного выбора или выборов.

Любые экономические, политические и социальные решения, даже при глубокой, честной и системной продуманности, не смогут привести к серьезным положительным последствиям, если не будут опираться на здоровую нравственную связь народа и власти. Для этого прежде всего должны быть найдены и точно обозначены верные нравственные основания и жизненные ориентиры.

Христианское православное сознание, да и любое честное обдумывание, имеет силу и необходимость убедительно доказать, что других оснований для государственного строительства, во всяком случае, для нашего народа, кроме православного национального сознания, нет и быть не может. Поиски и осуществление иных путей неизбежно приведут, как и прежде приводили наш народ и страну, к, может быть, окончательным катастрофам.

Православное сознание исходит из несомненного факта, что Бог есть, и под его водительством находятся личности, народы и государства – творится история. Человек может или бессознательно стремиться искать и выполнять ставимые Божественным промыслом задания, или сознательно противостоять Богу или жить природной, духовно не осмысленной жизнью, при этом он порой случайно попадает в цель, а порой мажет. При этом он может быть и умным, и образованным, и порядочным, и целеустремленным. То же относится к обществу и к народу. В первом случае осуществляется государственное строительство в соответствии с высшей эаданностью, во втором – быстрое и активное разрушение, не всегда, правда, демонстративное, в третьем – энтропийный угасающий процесс с редкими вспышками.

Совершенно очевидно, что в существующей политической действительности невозможно усмотреть ни движений, ни лиц, которые были бы готовы исполнить предложенные русскому народу, обществу и государству заданности. Даже когда политической деятельностью начинают заниматься люди, ориентированные религиозно или хотя бы квазирелигиозно, они почти никогда не понимают ни своих, ни народных задач в их подлинном божественном свете. Потому не видно и тех духовных лидеров народа, которые бы сумели авторитетно открыть ему глаза на его задачи, да не видно и того, чтобы народ захотел открыть глаза.

Вместе со своими политическими руководителями народ должен освободиться от отвратительного груза усвоенных ошибок и болезненно изжить слепую полудетскую доверчивость к разным демагогам и обманщиками, которые в угоду идеологии, собственным интересам и мировым силам зла ввергали и продолжают ввергать народ в пучины бед и зол. И прежде всего в душе народа и его лидеров должны быть преодолены и изжиты идеология и практика векового большевизма в его мировоззренческой тотальной всепронизывающей лжи, в его противогосударственной практике, в его фальшивом патриотизме, в его интернациональной природе и российском осуществлении.

Бесстыдная ложь и разрушительная практика посткоммунистической либеральной псевдодемократии преодолеваются, кажется, в нынешнем обществе быстрее и легче чем ложь коммунистического сознания, продолжающего набирать очки в предвыборной гонке. Стыд и ужас, что народ еще не проснулся, веря прежним полумертвым силам. И это значит, что главные задачи христиански ориентированных людей, готовых или готовящихся к общественному служению ради Божественной правды, ради отечества и совестного чувства собственного долга следует отнести на будущее, если только Богом дано нам это будущее.

Едва ли многим нынешним людям даже среднего возраста доведется дожить до дней, когда вполне образуется это нравственно духовно и национально ориентированный новый ведущий слой, которому будет дано служить делу подлинного преобразования России в соответствии с ее великими духовными и государственными традициями и задачами. И это значит, что главная наша стратегическая задача помочь поиску, открытию, мировоззренческому вооружению и объединению таких людей, которые должны быть организованы как единое и цельное братство, не ищущее для себя лично никаких привилегий, но ведущее страну и народ к покаянному творческому строительству.

Покаяние должно начаться в душе каждого члена этого слоя как личный духовный опыт освобождения от бывших кумиров большевизма ложной демократии и безбожного либерализма квазинационализма с его мертвенным материализмом, гордостью и самодеятельностью, поиском пошлого земного счастья, презрительным равнодушием к народу и национальной исключительностью, где как бы вместо самосознания чаще всего встречается самомнение. Ну и наконец раскрыться во всенародном пространстве.

Вместе с тем нельзя забывать о настоятельно стучащихся в дверь задачах текущего момента, включая и задачи политические. Христиане, чувствующие в своих сердцах долг служения народу и обществу, не имеют права молчать. Да и как молчать, когда от боли разрывается сердце! В этом отношении главное напряжение всех таких людей - это свидетельство, свидетельство прежде всего смиренным и самоотверженным деланием. Каждого на своем месте: врача, педагога, матери, крестьянки, а для тех, кто вышел на дорогу общественного служения, свидетельство и словом, словом истины о правде Божией, правде нравственной, правде исторической и о всех неправдах современного мира.

К сожалению, может быть, но единственное место современного христианина политики - это трибуна, с которой из его уст должно исходить слово правды. И это прежде всего должно быть слово о нравственном здоровье народа и о тех шагах, которые должны быть сделаны им его восстановления. Во всеуслышание должно быть сказано слово о преступлении против народа, которое продолжает совершаться прямым и целенаправленным действием одних государственных и общественных политических деятелей при попустительстве других.

Беспорядочный хаос, беспринципность и всяческое разложение провоцируются или прямо направляются этими деятелями и они, и они ведут народ к нравственной и даже физической смерти. Бессовестная ложь, пронизавшая программу и практику современных политиков, и уже почти никого не возмущающая, должна быть показана во всей ее разрушительной силе. Нравственная грязь и порок, открыто пропагандируемые в средствах массовой информации, должны быть прекращены действенным государственным механизмом. Это должно стать неумолкающим словом в устах православного политика или, по крайней мере, сочувствующего задачам нравственного освобождения нашего общества.

Крайним выражением нравственного одичания нашего народа и общества стала уголовная преступность. Если властные структуры не начнут, наконец, применять все меры по ее искоренению, народ через честных политиков безусловно скажет свое веское слово прогнившей и бездельной власти. Символ современного криминального состояния - преступник на “Мерседесе” - должен исчезнуть из нашей жизни. Также должна исчезнуть глубокая нищета ученых, врачей, педагогов и других деятелей. Пусть знают народные избранники: старушка в переходе им протягивает свою нищую руку. Что они подадут?

Но не одно слово бесплодного и легкого обличения должно раздаваться от православных делателей жизни, но слово благородства, чести, подлинно самоотверженного служения, высоких нравственных традиций народа, духовной высоты. И эти слова следует раскрывать в конкретной содержательности задач нашей жизни, а не в красотах публицистических абстракций.

Мы надеемся и верим, что русский народ пробудится от мрачного навязанного ему сна бесстыдства и безобразия и откроет миру подлинные смыслы народной, общественной и государственной жизни.

Воздвигнем стены христианского града

25 сентября 2005 года в Москве приступила к работе новая общественная структура - Православное политическое совещание. Георгиевский зал Российского общественно-политического центра заполнили священнослужители Русской Православной Церкви, церковно-общественные деятели, политики, предприниматели, публицисты. Состоявшаяся дискуссия была посвящена теме "Нравственные основы государственного строительства".

Православное политическое совещание представляет собой организацию клубного типа, объединяющую склонных к общественной активности священнослужителей Православной Церкви и преданных Церкви мыслителей и политиков из числа мирян. Цель объединения – привнести в общественную жизнь страны тот фермент православной духовности, без которого Россия не сможет выбиться из порочного круга нищеты, насилия и сословной вражды.

Учредители Совещания исходят из того, что именно духовный кризис "составляет сердцевину поразивших страну болезней. Даже самые совершенные экономические и социальные программы бессильны перед стихией стяжательства, вседозволенности и безразличия к судьбам Отечества, овладевшей значительной частью общества. Не повлекут за собой желаемых перемен ни простые призывы к соблюдению этических норм, ни логически безупречная аргументация. Только покаяние в прошлом богоотступничестве и возврат к духовным и нравственным принципам Православия сделают возможной согласную и осмысленную работу миллионов людей.

"...русский народ нуждается в покаянии и очищении, писал наш великий публицист Иван Ильин. – Десятки лет сущедиавольского большевизма уже очистили одних и затоптали в грязь других. И вот, очистившиеся должны помочь неочистившимся восстановить в себе живую христианскую совесть, веру в силу добра, верное чутье к злу, чувство чести и способность к верности. Без этого Россию не возродить и величия ее не воссоздать. Без этого русское государство, после неминуемого падения большевизма, расползется в хлябь и в грязь".

Статья "О возрождении России", из которой взяты эти слова, написана в 1952 г. Сегодня мы видим, насколько они оказались пророческими. Не допустить дальнейшего расползания Отечества "в хлябь и грязь" – забота каждого честного россиянина и прежде всего, конечно, тех, кто имеет доступ к рычагам государственной власти. Но фактически дехристианизации нашей жизни на всех ее уровнях - в том числе и в сфере государственного строительства - не позволит, как когда-то в России, ставить вопрос о "симфонии Церкви с властью". Сегодня предпочтительно вести речь о "симфонии" Церкви Христовой с христианской общественностью - с той частью общества и народа, которая, не растеряв исторической памяти, может стать внешним (для Церкви) орудием христианского преображения и воцерковления мира. Православное политическое совещание готово взять на себя роль посредника в этом диалоге Церкви и общества.

Как подчеркивал русский православный мыслитель Георгий Федотов, "два недуга, которыми больно человечество, – ненависть классов н ненависть наций, - принципиально разрешимы лишь на почве христианства, и лишь в православии даны "предпосылки соборной общественности". Вывод: "Из обломков коммунистической и капиталистической стройки медленно воздвигнутся стены христианского града".

Высший смысл своего начинания учредители Православного политического совещания видят именно в том, чтобы содействовать воздвижению этих стен. Не являясь политической партией и не примыкая к какой-либо партии или движению, Совещание готово к сотрудничеству с любыми из них, кроме экстремистских. Оно хотело бы стать общественным камертоном, выверяющим соответствие партий, движений и отдельных политических деятелей с их программами тем вечным ценностям, на которых уже тысячу лет зиждется русская духовность. Методом такой сверки могут стать регулярные встречи и дискуссии участников Совещания с представителями тех или иных общественных сил. Не

претендуя на политическую всеохватность, избегая чрезмерной усложненности своей структуры, Православное политическое совещание могло бы избрать в качестве девиза слова апостола: "Малая закваска заквашивает все тесто" (Гал. 5,9).

Православный идеал государственности и современность

В предвыборной борьбе все обещают златые горы. Не обманут ли? Некоторые, конечно, и обманут. А нам - все равно выбирать. И надо идти на выборы.

Не хочется произносить громких слов, но выбор-то за нами. Значит, пора и додумать над тем, кому отдать свой голос.

Материал, подготовленный нашим корреспондентом Виктором Волчковым, о научно-практической конференции "Православный идеал государственности и современность", организованной Православным политическим совещанием совместно с Российским общественно-политическим центром, дает пищу для размышления. А главное - читатель найдет в нем некоторые критерии, по которым можно сделать выбор в пользу того или иного кандидата в депутаты. Если, конечно, подумать...

Члены Совещания исходят из того, что главной задачей, смыслом общественного служения и государственного существования России является воплощение в жизнь высоких духовных начал, бессмертным хранителем которых выступает из века в век Православная Церковь.

Любые попытки двинуться в ином направлении, оставляя в стороне Православие, чреваты моральной деградацией общества и полным параличом всей государственной системы.

Новое поколение российских политиков, искренне желающих блага своей стране, должно в полной мере осознать, что всякая позитивная политическая деятельность в России начинается с творческого осмысления тысячелетней государственной традиции русского народа, создавшего уникальную по своим масштабам и принципам строения православную державу.

Моральное право на власть дает не закон, который может быть несовершенен, но приверженность традиционным святыням и ценностям нашей жизни.

Российская история учит, что во времена общественных потрясений, когда зримо прерывается традиция христианской государственности, главной силой, позволяющей преодолеть смуту, является широкое народное движение, вдохновляемое и направляемое Церковью.

Православное политическое совещание видит свою задачу в том, чтобы способствовать возрождению традиционных для России форм народовластия, в переходе от безнадежной парламентско-партийной борьбы к народному Земскому Собору, который и должен будет решить наиболее важные вопросы, связанные с национально-государственным устройством страны.

"Радонеж", № 13, 1995

Из выступлений на Совещании

КАЖДЫЙ ДОЛЖЕН ДЕЛАТЬ СВОЕ ДЕЛО

Евгений НИКИФОРОВ
председатель общества "Радонеж"

Святейший Патриарх благословил нас баллотироваться в Государственную Думу. Безусловно, мы намерены представлять интересы Церкви. Я говорю нам, потому что Церковь - это не некая политическая организация, группировка. Церковь – не часть, это целое, то, что объединяет всех нас, отражает общие интересы народа. Церковь – это совесть народа.

Сейчас я езжу по избирательному округу, встречаюсь с людьми. Это замечательные люди, с ярким умом, образованные, способные мыслить, разумно оценивать ситуа-

цию, вести производство. Неожиданно они оказываются не у дел- разваливаются производство, институты... Практически округ существует натуральным хозяйством.

В Дмитрове мы выступали в школе перед десятиклассниками, которые еще не являются выборщиками. А нам, собственно, не это важно, наше дело – духовное просвещение. Так что, если выборная кампания послужит духовному просвещению, принесет духовную пользу, это будет наш успех. Полмиллиона населения, которые составляют Дмитровский избирательный округ, будут лучше представлять себе, что такое Церковь. Это уже наши люди.

Конечно, у нас разработана прагматичная экономическая программа. Но все-таки это не наша специфика. Пусть Сергей Юрьевич Глазьев занимается экономикой, если пройдет в Думу. Все должны заниматься своим делом. Мы же, если Господь приведет нас туда, прежде всего возьмемся за просвещение, духовное оздоровление нашего народа.

Нас спрашивают, что же мы, православные, можем дать России?

За этим вопросом известное предубеждение – православие вне политики, православным нечего вообще участвовать в государственных и политических делах. Этот вопрос достаточно подробно освещался в газете “Радонеж” и на радио “Радонеж”. Там говорилось, что политика - не грязное дело. Просто делается она очень часто грязными людьми. А миф о грязной политике зачастую раздувается теми, кто не хотел бы допустить очищения политики, кто не хотел бы допустить в политику нравственность.

Так что же мы, православные, можем дать России? Прежде всего – свет просвещения. Народ наш готов принять христианство, русский человек еще дышит православным духом. Это очень важно. Люди узнают друг друга, по духу узнают. И когда мы приходим в аудиторию, любые предрассудки исчезают. Это для меня главный довод, это меня вдохновляет.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РОССИИ

Владимир МАХНАЧ, *историк*

Для христианина в истории прежде всего действуют две воли – божественная и человеческая. Каждый раз, когда тот или иной политический замысел дает неудачные результаты, есть основания подозревать, что человеческая воля разошлась с промыслом Божиим.

Много говорится в последнее время о демократических традициях России, К сожалению, в хоре голосов преобладают две неудачные ноты: западническая - “у нас демократических традиций нет” или “демократическая традиция в России ограничена несколькими месяцами 1917 года между февралем и октябрем” (тогда-то как раз демократии не было, а было олигархическое управление) – и квазиславянофильская - “никакой демократической традиции нет и не надо”. Значит, мы искони монархисты? Еще в Х1Х веке ученые отмечали, что сказать “монархия” или “республика” - значит не сказать ничего, не рассмотреть не только конкретную форму ее, но и историческое воплощение, историческую модификацию. Несомненно, у нас многовековая, более чем тысячелетняя монархическая традиция и многовековая, более чем тысячелетняя демократическая традиция.

Мощный вес демократии в нашей политической системе наблюдался в эпохи высочайшего расцвета России. Это домонгольский период, древняя Русь. С X по первую половину XIII века мы были процветающей страной, считались непобедимыми, не опасались соседей, обладая высочайшей культурой. Но дело не только в том, что это была страна великой культуры. Это была страна высокой цивилизации. По моим подсчетам, от одной пятой до одной четвертой населения тогдашней Руси жило в городах. Городское население Руси было почти поголовно грамотным, в то время, как на Западе грамотность была монополией духовенства. Политическая система состояла из монархического элемента (княжеская власть), аристократического (боярство) и демократического, представленного

не только вече, но и многими другими институтами - сходами, старостами и пр. Сельское свободное население в гражданском отношении было полноправным, но политической власти не касалось.

С разрушением городов (мы почему-то все время помним Орду, хотя самые страшные вторжения были с Запада) была подорвана демократическая традиция.

Второй период расцвета демократических институтов относится к XVI-XVII векам. Уже существовало единое русское государство, однако как только из княжеств мы превратились в большую державу, узость социальной базы правящего слоя стала очевидной, и к середине XVI века мы восстановили демократию на общенациональном уровне. Опять возникла триада: монархия (теперь царская власть), аристократия и Земский собор.

Была ли бюрократия в эти периоды? В домонгольский период мы вообще ее не замечаем. Что же касается XVI и XVII веков, то в это время у нас была профессиональная бюрократия (она же и профессиональная интеллигенция), представленная классической фигурой дьяка. Много ли было дьяков? В уезде с городом масштаба Нижнего Новгорода было два чиновника - воевода и дьяк. Но существовал, тем не менее, земский староста, управляющий волостью вместе с помогавшими ему выборными целовальниками. Существовал губной староста – “шериф”, занимавшийся уголовными делами совместно с губными целовальниками.

Таким образом, два периода бесспорного процветания проходят у нас с мощным элементом демократии, которые, кстати, нисколько не мешают существовать монархии. Ведь Земский Собор собирал монарх.

Мы достигли определенных высот государственного могущества в бюрократической системе Петра. Петр пользовался тем, что было наработано в XVII веке. Сверхбюрократическая держава Петра не могла существовать, и после его кончины неформальные легальные связи нашего земства начинают замещаться неформальными нелегальными связями, то есть коррупцией - реакцией на бюрократизацию.

Легализовать их догадалась Екатерина II, но, к сожалению, в односословном дворянском правлении. Расплатой за кажущееся великолепие XVIII века являлось то, что Россия с начала XIX века попадает в число отстающих стран и закономерно приходит к Крымской войне. После нее в великих реформах, как традиционно именуются реформы государя-освободителя Александра II, мы восстанавливаем демократические институты на муниципальном уровне в земской реформе 1862-64 гг., а двадцатью годами позже готовы восстановить и на обшегосударственном уровне. Проект введения Государственной Думы был уже на подписании у монарха. Но по известным причинам это решение сорвалось.

В начале XX века мы к этому возвратились и все-таки созвали Государственную Думу. Даже сохранили место для аристократической палаты. Но вместо того, чтобы возрождать отечественные, национальные традиции демократии, в России создали Государственную Думу, сплошь зараженную ядом партийности. Мы получили вместо демократии земской (в идеале соборной), демократию партийную. И наказаны за это безобразиями последних трех четвертей века.

РАБОТАТЬ РАДИ БЛАГА НАРОДА

Александр БЕССМЕРТНЫХ
председатель международного совета
бывших министров иностранных дел

Когда мы говорим о потенциале России, то вспоминаем прежде всего о ее недрах и о ее вооруженных силах. Но мы не отдаем себе отчет в том, что важнейшим элементом потенциала государства является способность сохранять преемственность, связь с лучшим, что было в его истории.

Мы восприняли все западническое в формах и не наполнили русским содержанием. Мэр – это не мэр, а городской голова, и действует чисто по-русски. И бюрократы действуют по-русски, хотя названия чинов носят либо французские, либо английские. Поразительная тяга к пустому заимствованию, слепой подражательности. Россия - страна с богатейшими традициями, вдруг стала страной-подражательницей?

Из нашей воспитательно-духовной работы исчезло одно из прекрасных понятий, которым была богата русская политика - а именно, понятие "народного блага". Посмотрим на программы партий. Нигде нет понятия "народного блага". А оно было близко всему – и религии, и верованиям, и .добрым делам. Все должно быть соединено.

Православие, наша восточно-христианская цивилизация в условиях сильнейшего разброда, раздрая, раскола, отсутствия традиций должна сыграть, по крайней мере, две задачи помимо основной – воспитательной. Первая - объединительная. Православие может сейчас всех объединить, будь то крестьянин, работник ВПК или житель развалившихся академических городков. И вторая – очистительная. Православие в политике может очистить и политику, и политиков.

О земстве как форме народовластия. Земство приходится заново внедрять в сознание. потому что мы пережили отчуждение от земли. Землю ценят и в Индии, и в Голландии, и в Испании. Но у русских понятие и ощущение земли всегда было особое. Оно несло в себе не просто некое экономическое, физическое значение, но еще и нравственно-духовное. Ф.М.Достоевский в этой связи говорил, что для русских земля - это все. От земли и из земли исходит для русского и его государство, и его семья, и его детишки, и Церковь - то есть все то, что ценно.

НЕ В ПРОГРАММАХ ДЕЛО

Сергей КОНДРАХИН
начальник отдела Управления по связям с общественными объединениями администрации Президента

О системе представительства много писал русский философ Иван Александрович Ильин. На мой взгляд, он точно определил, что такое политические партии. Это группы людей, договорившихся о захвате государственной власти. Нынешний политический фарс у нас – не исключение.

Более половины российского населения, по подсчетам социологов, не придут голосовать на выборы в декабре 1995 года. Почему? Не потому, что они не верят партийным программам. Ведь никто не призывает к развалу России, никто не говорит о необходимости угнетения собственного народа. Лозунги у всех более чем положительные. Но заметьте, с каким остервенением грызут друг друга люди, партийные программы которых столь схожи.

В чем же дело? В чем противоречие? Казалось бы, объединитесь и идите вперед к единой светлой цели. Но этого нет. Невольно наталкиваешься на мысль, что не в партийных программах дело. Прав был Иван Александрович, это всего-навсего ширма, которую выставляют люди, договорившиеся о захвате власти.

Не претендуя на абсолютную истину, могу предположить, что для России наиболее подходит корпоративное представительство. Раньше оно носило сословный характер. Сейчас сословий нет, и едва ли имеет смысл их искусственно создавать. Мы уже "прокололись" с политическими партиями, пытаясь их создавать.

Нужно ли ломать представительную систему в лице Государственной Думы, Совета Федерации и тут же заменять ее на корпоративную систему? Думаю, нет. Человек все-таки слаб и не может предугадать всех последствий такого слома.

Сейчас мы пытаемся, не всегда успешно; создавать консультативные органы на основе корпоративного представительства при президенте. Последняя неудачная попытка - Совет по делам местного самоуправления. Попытка неудачна, поскольку туда пригласили

людей по должностному принципу. Это главы администраций крупных городов, назначаемые сверху. Вот и создали клуб чиновников - не более того. Ни о каком местном самоуправлении речи нет.

В марте этого года моим отделом была подготовлена записка по этому вопросу на имя Сергея Александровича Филатова. К сожалению, она не подействовала по причинам, мне не ведомым. А ведь мы предлагали совершенно иную схему создания Совета по делам местного самоуправления при главе государства. Предположим, какая-то область имеет 25 районов. В координационный совет входят 25 избранных глав органов местного самоуправления. Эти люди собираются с определенной периодичностью и решают возникающие вопросы, не отвлекаясь от работы на местах. Они делегируют одного человека в центральный орган при президенте, который действует уже в Москве с периодичностью раз в квартал или в два месяца - тоже не отвлекаясь от своих основных вопросов, приезжая в Москву и решая те самые насущные проблемы, которые возникают на местах. Эта схема, конечно, далека от совершенства, но, на мой взгляд, она лучше, чем нынешняя.

Одно из основных отличий земского самоуправления от действующего сейчас местного - в принципе принятия управленческих решений. В земском варианте решение принимает выборная сторона, а чиновник исполняет его. Тогда как нынешнее местное самоуправление, избрав чиновника главой администрации, доверяет ему принятие управленческого решения. Это главная ошибка.

Если сумеем перейти от принципа принятия решения местного к земскому, мы подвинемся к традиционности в государственном строительстве. И лишь тогда мы сможем говорить о реальном народном представительстве. Это также позволит на несколько порядков сократить бюрократическую составляющую в нашем государстве, которая. как известно, превысила все мыслимые пределы.

К симфонии Церкви и государства

23 ноября 1995 года состоялась научно-практическая конференция “К “симфонии” Церкви и государства”, организованная Православным политическим совещанием совместно с Российским общественно-политическим центром. В конференции приняли участие православные пастыри, ученые-богословы, церковно-общественные и политические деятели, публицисты.

Члены Совещания рассмотрели и обсудили законопроект “0 социальном партнерстве государства и религиозных организаций”, представленный председателем Комитета по экономической политике Государственной Думы РФ, одним из лидеров Конгресса русских общин С.Ю.Глазьевым и его рабочей группой.

Православное политическое совещание подтвердило, что в основу указанного законопроекта следует положить теорию “симфонии” (согласия) государства и Церкви, выработанную тысячелетней историей взаимоотношений светской и духовной властей в Византии, восточнохристианских странах и России.

В середине XVI века теория “симфонии” была изложена в 42 главе Кормчей книги, изданной Патриархами Иосифом и Никоном, став общим местом российского законодательства. Однако в Синодальный период в связи с упразднением патриаршества эта концепция более не учитывалась. Лишь Поместный Собор 1917-1918 гг., восстановивший патриаршество и принявший определение “0 правовом положении Православной Российской Церкви”, открыл путь к возрождению “симфонии” властей, но установившейся режим не позволил осуществиться благим начинаниям.

Православное политическое совещание констатировало, что демократические преобразования в нынешней России открыли широкие перспективы установления гармоничных отношений государства и Церкви. Вместе с тем, Совещание отметило наличие правового вакуума при сотрудничестве государства и Православной Церкви, который вызван принципом отделения Церкви от государства, зафиксированным в 14 статье Конституции РФ. Принятие упомянутого законопроекта о партнерстве государства и религиозных организаций заложило бы правовую базу для сотрудничества светской и религиозной властей.

Совещание отметило особую необходимость разработки юридической основы партнерства в охране и реставрации принадлежащего Церкви движимого и недвижимого культового имущества, кооперации в издательском деле, взаимодействии в сфере религиозного образования, доступе традиционных конфессий к средствам массовой информации, проведении просветительской работы в армии и органах правопорядка.

Вместе с тем, было отмечено, что обсуждаемый проект носит черновой, предварительный характер и потому нуждается в серьезной доработке. Необходимо четче согласовать понятие “традиционной религиозной организации” с положениями 14 статьи Конституции, а также уточнить порядок использования имущества, принадлежащего Церкви. Подготовка упомянутого законопроекта должна вестись в более тесном контакте с православной общественностью.

Совещание признало целесообразным вернуться к обсуждаемым вопроса после выборов в Государственную Думу. Широкая дискуссия на тему отношений светских властей и Церкви должна способствовать консолидации православных политиков в деле возрождения традиционных форм национально-госу-дарственного устройства страны.

“Радонеж”, №15, 1995

Из выступлений на Совещании

Наталья Нарочницкая

Идея Всемирного русского собора выстрадана. Мы хотели создать духовный форум русского народа, который разделен, разбросан по всему свету. Стремились заявить всему миру, что несмотря на эту разделенность, есть нация, которая хоть и утеряла национальное тело, тем не менее дух и душа его живы, и благодаря этому мы, может быть, с Божией помощью восстановим и само тело.

Если первый Всемирный русский собор скорее стал криком души, где было больше эмоций и ярких выступлений, - это, безусловно, было явлением- в русской общественной жизни, - то второй Собор представил пакет документов, которые я, как достаточно опытный обществовед, знающий состояние документов по русской проблематике у нас в стране, считаю непревзойденными в постсоветской русской общественной мысли.

В "Акте о единстве русского народа" русский народ в юридически предельно выверенных формулировках был объявлен разделенным народом, имеющим право на воссоединение в едином государственном теле. Обосновывалось это право тем, что народ наш не рассеян сейчас как диаспора на территории государственности других народов, как если бы русские переселились, скажем, во Францию, а является разделенным на собственной исторической территории и поэтому никак не может согласиться, что его теперь рассматривают как национальное меньшинство, живущее на территории государственности другого народа. Чем больше мы очищали этот документ от эмоций, тем беспощаднее он звучал.

Во втором документе, принятом на соборе, просто и ясно сказано, что монархия в России может быть восстановлена лишь как русская национальная власть, которая опирается на воцерковленный народ, и только Земский собор во главе с Православной Церковью и с Божиим промыслом может указать на избранника Божия, а до этого никто не может.

Позднее среди руководства Собора возникли разногласия. Одни считали недопустимым отречься от этих документов, принятых под бурные аплодисменты на пленарном заседании Собора, и предлагали их опубликовать. Другие предложили эти документы как бы забыть. И если бы только забыть. Что касается "Акта о единстве русского народа" – написать новый документ, в котором идея права на воссоединение в едином государственном теле была бы подменена идеей стремления к интеграции, то есть горбачевско-сахаровская модель конфедеративного устройства, где полностью интересы русских отдаются на милость местных элит.

Результатом разногласий стали публикации двух вариантов документов. Газета "Русский вестник" (специальный выпуск) опубликовала полностью идентичные первоначальным документы, а в сборнике, изданном "Роман-газетой" под руководством опытного советского работника Валерия Николаевича Ганичева, "Акт о единстве русского народа" был подменен документом, который никогда Собором не рассматривался.

Люди, которые стояли у истоков Собора и отстаивали бескомпромиссную линию в указанном отношении, сейчас как бы отходят от него. Поэтому я честно и открыто говорю об этом.

В очередном Соборе, по-видимому, будут участвовать из известных фигур те, которых мы сами пригласили, чтобы, простите меблировать президиум. Надеюсь, что благословение Патриарха озарит души и умы участников, и подвигнет их на то, чтобы действительно сделать много хорошего. Я желаю успехов этому новому форуму, он может заняться более общими и не вызывающими такого острого отношения вопросами, (например, чисто просветительской деятельностью) и на этом поприще сделать немало хорошего.

Виктор Саулкин

Избирательная кампания навязана нам по чуждым правилам, это понятно. Нам приходится с Никифоровым сейчас выезжать в дальние деревни под Дмитров, Талдом, Сергиев Посад, Должен вам сказать, что польза от общения с людьми большая. Мы встречаемся в школах с учителями, старшеклассниками, и вы себе не представляете, какую это доставляет радость. Народ наш оторван от Церкви, но он православный по духу. Думаю, от нас, православных людей, сейчас зависит, будет ли идея Земского собора понятна русскому человеку. Надо идти и разъяснять.

Нет информации не только о монархии, ее нет вообще. Мы говорим об истории с учителями, которые ее не знают... Но я вас уверяю, в тех школах, где мы побывали, люди уже не будут голосовать ни за "Выбор России", ни за другое подобное .движение. Во время этих встреч я почувствовал большую нашу вину, что мы до этих людей не дошли...Надо сделать так, чтобы Земский собор в народе не воспринимали как партию. Земский собор ведь должен представлять весь народ.

Давайте подумаем над тем, чтобы нас понимали.

Василий Моров

Что касается проекта закона, господа, преамбула его напоминает сочинение семинариста третьего класса. Здесь содержится джентльменский набор всех ныне принятых сентенций на тему отношений государства и Церкви.

Что такое "традиционная конфессия"? Судя по тексту, это "религиозная организация, сохраняющая и развивающая в своей деятельности исторические обычаи и традиции народов Российской Федерации, их национальную культурную самобытность, фольклор, народно-песенное самодеятельное искусство, кустарные промыслы". Хлысты, например, или скопческая какая-нибудь организация вполне подпадают под эту дефиницию.

Далее обсуждать этот текст представляется не совсем оправданным по той причине, что основное понятие определено из рук вон плохо. Скажем, поклонники Перуна, тоже подойдут под эту дефиницию. Они ведь развивают у нас Бог знает что и могут также поощрять песенное творчество.

Не надо заниматься политиканством. Если вы создаете закон о протекции Русской Православной Церкви (а ведь такова цель и таково намерение разработчиков этого закона) имейте мужество на титульном листе написать: "Договор" или, если угодно, "Закон о партнерстве государства Российского и Русской Православной Церкви".

Все мы прекрасно понимаем, что на ближайших выборах собрать более 5 % имеет шанс разве что Конгресс русских общин из более или менее нормальных политических движений. Перед каждым православным человеком встает серьезная проблема - голосовать или нет. И в этой связи было бы очень не худо, если бы Сергей Юрьевич Глазьев, покинувший нас, ответил бы на несколько недоуменных вопросов.

Я очень болезненно отношусь к символике и прекрасно понимаю, что просто так символы для себя "склепать" невозможно. Их точно так же нельзя с себя снять. И когда я вижу рекламный ролик КРО, который открывается советским венком – серп и молот, пятиконечная звезда, земной шар расплющенный, то у меня возникает вопрос - я голову в гильотину не просовываю, если собираюсь голосовать за Конгресс Русских общин?

Когда я слышу выступление господина Скокова, которое начинается со слов "уважаемые товарищи"... До революции словом "уважаемый" обращались к половому в трактире, к извозчику. "Уважаемый товарищ" - это советизм классический. У меня возникают серьезные сомнения могу ли я голосовать за этого политика?

Когда я читаю, что у молодежи сейчас, оказывается, отняли стремление к успеху, творчеству, сузили поле возможностей, не допускают к высшей культуре и политике, по тексту программы КРО получается, что это произошло за последние 5 или 7 лет. Я хочу знать, а 20 лет назад, когда я учился в университете, у меня были эти возможности?

Все это создает впечатление, что текст сочинен большевистскими спич-райтерами, а потом уже декорирован, что называется, на потребу текущей политике - от каких-то “крайних” высказываний текст избавляли, какие-то украшения на этот текст навешивали. Хотя текст очень неоднородный и здесь есть вполне здравые, вполне грамотные высказывания.

Я очень хочу понять (и ради этого, собственно, явился на совещание), что за этим стоит. Либо в очередной раз из меня балбеса, пытаются сделать и предлагают мне проголосовать за некую программу, которая потом выродится элементарным образом в более или менее советскую систему, либо это программа, которая действительно отвечает российским, а точнее русским интересам?

Читая текст, я этого понять не могу. Я бы очень хотел, чтобы мы на совещании на этот вопрос все-таки ответили. Может ли православный человек за это голосовать? Можем ли мы своим знакомым, друзьям, православной публике говорить, что стоит проголосовать за Конгресс русских общин?

Андрей Савельев

Я имею прямое отношение к созданию Конгресса Русских Общин в 1992 году. Должен сказать, что с начала 1995 года это уже абсолютно другая организация. Там не осталось ни одного человека, кто создавал эту организацию, за исключением Дмитрия Рогозина.

Если бы вам предложили сейчас проголосовать за Федерацию товаропроизводителей, перемешанную с частью “Нашего дома...”, я думаю, что все присутствующие отказались бы от голосования. А ведь избирательный список КРО именно таков.

Вывод мой совершенно однозначен - наши голоса ничуть не убавят тех процентов, которые позволят Лебедю или еще кому-то из верхней части списка пройти в Думу, но кого мы поддержим, если будем голосовать за КРО? Нижнюю часть этого списка, которая сплошь составлена из обиженной номенклатуры, не попавшей в черномырдинский блок?

Не удивлюсь, если сразу после выборов этот КРО развалится. Скоков и прочие подобные политики пойдут на президентские выборы под флагом Союза народов России, где каждой твари будет по паре. Этот Союз, выросший из КРО, будет еще одним из вариантов “Нашего дома...” - не более того.

Владимир Махнач

У нас есть блестящая работа выдающегося православного историка Антона Владимировича Карташева “Воссоздание святой Руси”. Автор обращает внимание на несколько принципиальнейших вещей. Не затронуть их никак не могу, потому что некоторые интонации в разных публикациях, в том числе у достойных православных людей, бывают, как мне кажется, недопустимыми. Например, утверждения, что “симфония” Церкви и государства есть идеал, к которому надо стремиться, но она недостижима. Но дело в том, что она была достигнута!

В “симфоническом” существовании пробыла 1000 лет так называемая Византия, а на самом деле империя ромеев. И став ее преемниками, мы пробыли в этом качестве до Петра. Даже оттенки этой византийской “симфонии” в какой-то степени освещали безрадостный бюрократизм последующих веков до разрушения России революционерами в 1917 году.

Конечно, петровские антицерковные реформы не позволяют сказать, что у нас и дальше Церковь и христианский государь были в “симфоническом” содружестве, но остатки были, и идея была. Более того, начиная с императора Николая I и до последнего убиенного императора мы возвращались назад к этой идее.

Даже Запад долгое время, до окончательного торжества папизма, существовал в установлениях “симфонии”. Это, не чуждо всему христианскому миру, в том числе западному. До тех пор, пока они оставались христианами. Но, Антон Владимирович был прав, с

христианским государством может быть в симфонии Церковь, а с любым другим, в том числе даже и с благожелательным к Церкви, может появиться только какофония. Надо прямо сказать, что с нынешними властями, симфония недостижима. В той же книге Карташев пишет, что Церковь может совершить "симфонию" с православной общественностью. В этом утверждении содержится некоторое внутреннее противоречие. Ведь православная общественность это и есть Церковь. Как можно говорить о "симфонии" с самим собой?

Тем не менее мы, как совокупность милостью Божией христиан церковных, образующих Церковь с нашей иерархией и нашим клиром, можем образовывать "симфонию" с христианской общественностью, подразумевая в ней также и политиков. Степень их воцерковления меня не касается, меня касаются их добрые политические намерения.

Итоги выборов для православных политиков

Последнее Православное политическое совещание было посвящено итогам выборов в Государственную Думу. И хотя официальные данные к 25 декабря еще не были обнародованы, было уже известно, что среди неудачников, увы, оказались Никифоров, Астафьев, Нарочницкая, Пыхтин и другие. Не сумели попасть в Думу Земский собор, блок Станислава Говорухина, КРО, "Держава" и другие объединения, которые изначально могли рассчитывать на поддержку православных избирателей, а также всех, кому не чужды национальные русские интересы.

Причин, как и всегда бывает в сложных процессах, тем более, если в них вовлечены огромные массы людей, сталкиваются различные интересы, - великое множество. Со временем мы, вероятно, узнаем, как и почему произошло то, что произошло. А пока возможны лишь поверхностные оценки. Это однако не означает, что мнения, высказанные участниками совещания, не имеют ценности для политиков и рядовых избирателей. Жизнь не закончилась 17 декабря, и нам еще не раз предстоит делать свой выбор.

"Радонеж" №1, 1996

Из выступлений на Совещании

ВЫБОРЫ ПРОИГРАЛИ РУССКИЕ

О том, что именно русские оказались в проигрыше, говорил, в частности, *Дмитрий Рогозин* (КРО): "Меня поразило, что в русских регионах - центральной России, на Урале, в Сибири - люди стесняются, что они русские. Практически везде нам говорили: хорошо если бы вы назывались Конгрессом российских общин. Лично для меня это печальный факт. Он показывает, что впереди еще огромная работа, в результате которой русские, наконец, должны стать русскими и перестать стесняться своего происхождения."

Почему КРО не набрал необходимых 5 процентов? Д.Рогозин считает, что объединению не хватило времени. В августе оно было известно лишь в ближнем зарубежье. Так что результат 4,3 процента в целом по России едва ли можно считать поражением. К тому же пришлось преодолеть много препятствий. Чего, например, стоит путаница с номером списка блока Джуны (34) и КРО (31), в которых была внесена одна и та же фамилия - Александр Иванович Лебедь. В последний момент Центризбирком принял по этому поводу специальное постановление и разослал в избирательные комиссии телеграмму с предложением вычеркнуть фамилию Лебедя из списка 34. В результате телефоны в штаб-квартире КРО не смолкали несколько дней до выборов: сообщали, что Лебедя вычеркивают из списка 31. По мнению Д.Рогозина, это была хорошо спланированная провокация с целью "потопить" Лебедя и КРО. Причем это лишь один фрагмент войны, которую вели против Конгресса русских общин.

Были у КРО и политические просчеты. Прозвучавшие на совещании реплики *Н.Нарочницкой, М.Астафьева, О.Румянцева* помогли внести ясность в такие, например, начинания КРО, как попытка перетянуть на свою сторону голоса избирателей в Татарстане (в федеральном списке КРО были не только русские, но и татары). В результате татары не стали голосовать за название "Конгресс русских общин", а заодно были потеряны и практически все голоса русских избирателей Татарии.

ГОЛОСОВАЛИ ЗА ИМЯ

Весьма многозначительным на Православном политическом совещании оказался факт знакомства избирателя и кандидата в депутаты.

Сергей Пыхтин баллотировался в Черемушкинском округе Москвы, но проиграл. Вполне естественно, что он, как никто другой, знает расклад политических сил в своем округе. Поэтому с цифрами в руках С.Пыхтин показал, что москвичи голосовали отнюдь не случайно, как пытаются представить дело некоторые политики, а вполне осознанно. По

данным С.Пыхтина, примерно одинаковое количество голосов (от 62 до 64 тысяч) получили в его округе американисты (например, ДВР, возглавляемая Гайдаром), западники (Явлинский), интернационалисты (Зюганов) и партия власти (НДР). Вдвое меньше (31 тыс. голосов) получили "полупатриоты" (КРО), а около 7 тысяч маргиналов голосовали за другие блоки и партии. Это, по мнению С.Пыхтина, свидетельствует о сложившихся интересах. Причем интересы эти достаточно определенно выражены, и их не поколебать никакими телевизионными передачами или листовками.

Ко всему прочему, упомянутые политические силы достаточно хорошо консолидированы. Наиболее консолидированными оказались интернационалисты и партия власти - коэффициент 0,95. Например, за КПРФ голосовали 57 тыс. человек, а за примыкающие к ней блоки лишь 5 тыс. У партии Гайдара аналогичный коэффициент 0,8, у Явлинского – 0,7, у "полупатриотов" - 0,5 (16 тысяч голосовали за КРО, 15 – за 5-7 примыкающих к нему политических группировок).

Проведенный анализ позволил сделать вот такие выводы. Нация не владеет национальной идеей, национальными интересами, национальной доктриной. Иначе не было бы такого равенства в голосах избирателей, поданных за столь разные политические силы.

Хотя представленный анализ соответствует голосованию в столице, примерно тот же процесс наблюдается и в провинции. Картина там иная, но это не мешает убедиться, что нации, как таковой, на сегодня у нас не существует.

Очевидно, что идет расчленение государства. Половина его уже отчуждена, а оставшаяся часть распадается на регионы. Тем не менее, большинство населения поддерживает силы, которые, собственно говоря, и реализуют эту политику. Между интересами страны и субъективными интересами людей - огромная пропасть (голосуют за свои интересы, а не за общие). Между столицей и провинцией наблюдается раскол. Поскольку политику всегда определяет столица, а провинция не собирается меняться, раскол этот будет углубляться. Нет доминирующей политической силы. Те силы, о которых шла речь выше, непримиримые политические противники. Нет также и явного национального лидера.

Так как выборы определялись деньгами (а они, как показывают результаты, неконсолидированы в какой-либо политической группировке), значит, нет и национального капитала. Вместо этого существует чудовищный разброс интересов в мире бизнеса.

И если перевести ситуацию из категории "что хотелось бы" в категорию "что есть на самом деле", заключил Сергей Пыхтин, то картина получается суровой и печальной. Требуется серьезный прорыв, потому что в сложившейся системе политических координат ничего хорошего не просматривается ни для страны, ни для государства.

Эдуард Афанасьев отреагировал на выступление своего коллеги весьма своеобразно: "Прежде всего я рад, что увидел одного из кандидатов. В своем Новочеремушкинском округе я голосовал не за него, а за заместителя главного редактора газеты "Сегодня" Леонтьева, которого знал как квалифицированного экономиста. А кто такой Пыхтин?.. Однажды по пути на работу на одном из столбов я увидел бумажку, на которой было написано "Конечно, Пыхтин!". Этого для знакомства с кандидатом было недостаточно. Власть так просто, без боя не дается. Сердца избирателей надо завоевать".

Последний тезис очевиден. Но что делать, если предвыборная ситуация подпадает под определение "узость политического меню"? Нет лидера, который одновременно был бы либералом как Явлинский, волевым как Жириновский, соединял все лучшее в одном лице. Вот и получается, что, в Нижнем Новгороде люди проголосовали за губернатора Немцова и список ЛДПР. Что может быть более противоестественным?

ЕСТЬ НАДЕЖДА

Православного человека не может не интересовать, как относятся победители выборов 17 пекаря к религии и высшим ценностям. По мнению *Андрея Савельева*, чтение избирательных платформ и программ может повергнуть в уныние самого отъявленного

оптимиста. Высшие ценности не поняты и не рассматриваются в качестве ключевых практически ни одной политической группировкой. Отдельные фразы по поводу культуры, религии, нации демонстрируют непонимание природы духовности. В лучшем случае связывают духовность с почвенностью.

Культурные ценности во всех политических программах отделены от ценностей духовных и носят служебный характер, являясь лишь средством экономической эффективности.

Ни в одной программе не ставится задача воцерковления государственных деятелей, возвращения в политику духовных ценностей. Под “духовностью” обычно понимается высокий уровень образования и формальное следование нормам морали. (В связи с этим *В.Махнач* напомнил, что в пору горбачевской перестройки “Комсомолка” просто не брала статьи, в которых не было терминов “духовность” или "бездуховность". Все об этом писали. А спроси автора, что это такое, он бы подумал, что вы его хотите оскорбить.)

Подавляющее большинство политических сил не выделяет Православия из конфессиональной разноголосицы и даже не видит различия между традиционными и нетрадиционными конфессиями.

Православные политики (если о существовании таковых можно говорить) растворившись в массе неправославной публики, не смогли повлиять на содержание предвыборных программ. Православным избирателям голосовать было не за кого. Совершенно запутавшись они подчас голосовали даже за коммунистов.

На выборах православные избиратели не проявили себя либо в силу своей малочисленности, либо в силу неправильного понимания своей миссии в политическом процессе. По крайней мере, они не проявили себя ни в избирательных округах, ни при голосовании по партийным спискам. В результате чуждость проводимой парламентом политики ценностям Православия в целом сохранится.

Тем не менее ситуация небезнадежна. Положительным результатом выборов 1995 года можно считать, что в сравнении с выборами 1993 года электоральные предпочтения явно склонились в пользу политических группировок, которые не склонны к радикальным экспериментам над Россией и в той или иной мер обозначают приверженность национальным интересам (исключая “Яблоко”, программа которого носит совершенно отстраненный от национальных интересов характер). Есть надежда, что через восприятие традиции эти группировки (или те, которые смогут вытеснить их) придут к истинному пониманию духовных ценностей и взаимоотношений Церкви и государства.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Ответ лежит на поверхности - надо учесть собственные ошибки и не допустить их в будущем.

“Посмотрите, - говорил *Д.Рогозин,* - предвыборная кампания показывает, что русские не смогли понять фальшивость новых спасителей русской идеи, появившихся в красном обличии и лишь подменяющих сегодня реальные задачи здравого патриотизма. Сегодня коммунистическая идея будет в Думе ассоциировать себя с русской идеей. Зюганов часто говорит о русской идее, отзываясь уважительно о Православии, о защите отечественного товарного производства, о национальных интересах, о том, что нужно аннулировать Беловежские соглашения. Это означает, что коммунисты не ведут пропаганду на своем собственном идеологическом поле. Они работают на поле патриотов, на поле национальных сил. Их высокий результат свидетельствует о своевременно понятых настроениях избирателей. Но тем самым создана масса вопросов для нас. И первый - правильно ли мы действуем, если на нашем поле работает тот, кто к национальным ценностям не имеет никакого отношения?”

Алексей Сенин сказал по этому поводу: “Без газеты все наши встречи и обсуждения бесполезны. До тех пор, пока мы не осознаем, что надо вложить средства не только в организационную работу, но и в газету, ничего не добьемся.” Слова другого участника со-

вещания - *Виктора Селиванова*, посвященные православным печатным органам, прозвучали еще острее. Он, в частности, заметил, что “Русский вестник” - не общественно-политическая газета, а альманах, “Русский Восток” в Иркутске, “Русь державная”, “Радонеж” в Москве - это тоже не общественно-политические газеты. Они направлены на узкий круг воцерковленных людей. А большая категория православного населения - крещеных, но не воцерковленных, людей не имеет своих газет. Надо им дать аргументированную точку зрения комментатора, которому они доверяют.

Чеченский сепаратизм и пути его преодоления

5 февраля 1996 года в Фонде “Российский общественно-политический центр” при участии Православного политического совещания, Всероссийского правого центра других общественных объединений, ориентированных на православные ценности, состоялся семинар на тему: “Чеченский сепаратизм и пути его преодоления”. Поводом к проведению семинара послужила инициатива ряда политических объединений, потребовавших немедленного вывода Вооруженных Сил России с территории Чечни и приступивших к сбору подписей в поддержку такого требования.

Участники семинара рассмотрели различные сценарии развития событий в случае вывода войск с территории Чечни и иные предложения по стабилизации положения в этом мятежном регионе России. Итогом семинара стала поддержка инициативы подписания Обращения к президенту Российской Федерации, которое в дальнейшем было направлено в силовые министерства, Миннац и Министерство печати и информации. Ряд газет опубликовали Обращение полностью. Особенно внимательно к Обращению отнеслись в Миннаце, сообщив о своем намерении использовать изложенные соображения при подготовке Концепции национальной политики в Российской Федерации.

Из выступлений на семинаре

Андрей Хохлов

Модели сепаратизма тесно связаны с политикой государства. Один из вариантов политики, порождающей сепаратизм — сверхцентрализация, направленная на унификацию стандартов культуры, экономики, политических ритуалов, делающая акцент на подавление региональных элит. Эта политика достаточно эффективна, но нужно понимать к каким последствиям она ведет. Она вызывает столкновение между общенациональной и региональной идентичностью. Начинает формироваться этническое самосознание и мобилизация этнического фактора направляется против воображаемого центра. Второй вариант политики центра основан на поддержке доминирования территориальной идентичности в самосознании. Тогда борьба с центром ведется на уровне государственно-административных образований. Третий вариант политики инициирует борьбу периферии с географическим центром, который является носителем чуждого самосознания.

Бывшие союзники СССР вовсе не были так уж заинтересованы в коммунизме или советской модели. Они видели в СССР некий центр борьбы с тем, что ассоциировалось с модернизацией по-американски и определенным типом культуры, чуждой самосознанию этих стран или их элит. Эту же модель взаимоотношений центр-регионы можно спроецировать на некоторые территории внутри России. Если проанализировать некоторые интервью Дудаева за 1991-1993 гг., можно увидеть метаморфозу генерала советского образца в одного из главарей сепаратизма демократической эпохи. Мы увидим, что ощущение экспансии, которое проводится географическим центром, стимулирует возникновение территориального сепаратизма. Этому способствует и жесткое членство в тейповой структуре, тейповая и территориальная идентификация, ставшие равноценными.

В результате мы видим региональный сепаратизм - борьбу региональной элиты за обладание ресурсами регионального центра.

Модели решения чеченской проблемы, которые предлагают современные политики, часто сводятся к тому, что Чечне необходимо предоставить самостоятельность, создать вокруг Чечни жесткий санитарный кордон, наказав чеченцев этой самостоятельностью. Другая модель, присущая “демократическим” группировкам предполагает, что главное - вывести войска и признать независимость Чечни. Это логичная модель, последовательно ведущая к образованию на части территории России национальных государств в европейском смысле слова. (Культурная и историческая обусловленность этой модели, к сожалению, не обсуждается.) Промежуточная модель, которую использует правительство,

состоит в поддержке политической элиты, заинтересованной в контактах с Россией. Здесь проявляется старая марксистская идея, что главное - накормить народ, а уж все остальное не важно. Это предполагает огромные затраты в надежде, что сепаратизм сам рассосется.

Политика задабривания сепаратистов нарушает правила взаимоотношений государства с криминальными организациями. Не учитывается также фактор разнообразия интересов местных элит, а также реальное социально-экономическое положение в Чечне. Те же пороки присущи и варианту создания жесткого кордона вокруг Чечни. Одно обустройство границы потребует около 3 трлн. рублей.

Михаил Астафьев

Нашей страна почему-то становится полигоном для проведения экспериментов. Мне бы хотелось, чтобы при аргументации в пользу каких-то сценариев преодоления сепаратизма приводились ссылки на чей-нибудь опыт в этой области. Опыт этот достаточно хорошо известен. Нам же говорят: “Все, что угодно, только не применение силы! Только переговоры!” Хотя совершенно ясно, что ни одна страна, желающая сохранить себя, не должна действовать вопреки логике выживания. Эта логика подсказывает, что в случае агрессии нужно давать отпор, соразмерный масштабу этой агрессии.

Какие могут быть соглашения, когда горец прикрывается женщинами и детьми? У таких людей нет совести даже по законам гор! Какие они могут предложить гарантии выполнения соглашения?

Как только командующим войсками в Чечне был назначен генерал Тихомиров, который отказался от переговоров с бандформированиями, начались “мирные инициативы”, сбор подписей, поднятие “волны народного гнева”.

Попытка навязать нам представление о чеченской войне, как о братоубийственной, ложна! Братьями можно называть тех, кто хочет жить с нами в одном доме и строить единое государство. В Чечне же происходит противостояние с откровенными врагами России. При этом Чечню и Россию ставят на один уровень. Но бандиты с нами ни о чем договариваться не собираются, они стремятся лишь выиграть время. И эта ситуация признается терпимой!

Жесткий курс заключается вовсе не в том, чтобы бомбить деревни, в которых находятся заложники. Жесткость курса состоит в том, чтобы предпринимать наступательные операции против бандитов, уничтожать их оперативные базы.

Ксения Мяло

Процесс в Чечне шел абсолютно по тому же сценарию, что и в Прибалтике. Это тот сценарий, который в свое время разрушил СССР, а теперь ставит под вопрос существование России. То есть процесс в Чечне носит вовсе не региональный характер.

Конфликт в Чечне вписан в геополитический макропроцесс, который разворачивается на всем постсоветском пространстве. Факт участия иностранных наемников на стороне Дудаева и зарубежная финансовая помощь сепаратистскому движению подтверждены многократно. Нам показывали документы, взятые при щтурме дудаевского президентского дворца, которые свидетельствовали о получении Дудаевым миллионных кредитов из США. Захват теплохода “Аврасия” также демонстрирует выход конфликта в Чечне за пределы данной территории. Известен факт присутствия Ш.Басаева в лагере пакистанской контрразведки. Добавим к этому международную конференцию в Грозном, которую Дудаев провел еще до всех деклараций о суверенитете, где основной темой были проблемы международного суда над политикой России начиная с XVII века.

Проблема сепаратизма ставится сегодня точно в такой же формулировке, в которой она ставилась ранее республиками в составе СССР, — Россия есть некая “империя зла”, отрицательная геополитическая и цивилизационная величина, которая не имеет права на существование и должна быть вытеснена из истории.

Владимир Махнач

Мы должны ответить на вопрос, представляет ли Дудаев чеченскую сторону, является ли он национальным лидером. Если мы отвечаем положительно, то России противостоит чеченский народ. Следовательно, придется отрезать от России ту территорию, которую мы признаем чеченской и депортировать чеченских мигрантов с остальной территории. Если же Дудаев не представляет чеченский народ, то с ним или его представителем не может быть никаких переговоров. Не может быть даже уголовного следствия, может быть только простое истребление. Так действовали все страны в подобных ситуациях. В таких случаях от властей истребовались лишь средства на ловлю. В свое время Рим не заключал мирных договоров с непобежденной стороной, а Спартака он вообще не признавал в качестве “стороны”.

Если мы признаем, что конфликт на территории Чечни носит национальный характер, то русские в этом конфликте — третья сторона, ибо правительство России не является русским. Тогда представители русской нации должны участвовать в переговорах. Если признается, что эта война носит еще и религиозную подоплеку, то дело может дойти до признания конфликта с исламом. Такую позицию могут заявлять национальные государства, но империи так себя не ведут.

Важное замечание состоит в том, что мусульмане относятся к нам пренебрежительно тогда, когда они подозревают, что мы неправославные, что мы никто. Чеченцы не бог весть какие герои, но есть по отношению к ним не заявлено жесткой позиции, они будут относиться к нам с презрением. Их, кстати, трудно признать мусульманским народом, а Дудаева просто нельзя признать мусульманином. За спиной у Чечни стоит не ислам, а Турция - страна западного мира, в которой динамики выносят из мечетей на улицу, потому что туда никто уже не заходит.

Олег Бельков

Если вести борьбу с сепаратизмом только в Чечне, успеха вряд ли добиться. Следует спросить, кто в чеченском конфликте является стороной, противостоящей сепаратизму? Ведь нынешний режим начался с проекта Конституции А.Сахарова, предлагавшего создать на территории страны 40-50 государств. Поэтому апеллировать к власти напрямую бесполезно. Политическая технология должна принуждать президента считаться с тем, что есть другие силы и другие мнения, отличные от тех, которые способствую сепаратизму, способствуют разрушению России.

Один раз вывод войск из Чечни состоялся, когда там было брошено оружие, впоследствии обратившееся против России. Отсутствие войск в Чечне привело к криминализации Чечни. К чему приведет второй вывод войск?

О выводе каких войск то и дело говорится? Имеется ли в виду ОМОН, разведка, части постоянной дислокации или речь идет только о тех, кто ведет войсковые операции? Еще вопросы. Смогут ли вернуться в Чечню после вывода войск русские беженцы или эта проблема остается? Не возникнет ли конфликта между чеченскими тейпами после вывода войск? Если разделить Чечню на “дудаевскую” и “завгаевскую” части, то согласятся ли эти части на предложенную им территорию и не начнут переносить границы? Выступления против насилия означают ли требование отказа от какого бы то ни было насилия - судебного, экономического, таможенного? Даже сама формулировка этих вопросов уже многое проясняет.

Сергей Пыхтин

Нелепость предложения вывести войска из Чечни доказывается специалистами. Но в обществе возобладал пацифизм. Чудовищная фраза “лишь бы не было войны” приобрела почти что силу закона общественного сознания.

Происходит то же самое, что и в 1917 году, когда предпосылки победы уже вполне проявились, но страна уже не желала воевать.

Российская общественность мечтает о реализации программы Сахарова и Ельцина, мечтает об уничтожении “империи лжи”. Она мечтает жить как в Европе, но не как в России.

Мы тоже, критикуя власть, можем невольно подыграть сценарию разрушения России, аналогичному разрушению Союза. Если мы вспомним как повлияла на ситуацию критика Горбачева, то увидим, что она способствовала распаду страны. Сегодня нас снова затягивают в политическую комбинацию, в которой мы должны критиковать еще сохранившуюся центральную власть России. Мы невольно становимся соучастниками сценария.

Из этого следует, что из чеченского конфликта нет рационального выхода, пока не произойдет взрыв, меняющий всю политическую парадигму. Этот взрыв должен произойти не в Чечне, а в Москве.

Наталья Нарочницкая

Цели и средства разрешения чеченского конфликта вытекают из трактовки его характера. Конфликт можно рассматривать в свете борьбы с сепаратизмом, как проблему борьбы с уголовниками или как-то иначе.

Помимо самого Дудаева влиятельным силам в нашем государстве очень хочется представить дудаевский режим в качестве легитимной стороны в этом конфликте. На это указывают переговоры с террористами в Буденновске, темой которых сделали тему о государственном суверенитете. Ни в одной стране мира это немыслимо. Можно указать на то, что введение армии в Чечню не было подготовлено с пропагандистской точки зрения. Государство, начиная военные действия, не дало своей интерпретации событий, не показало ужаса дудаевского правления. Между тем, средства массовой информации исходят из представления о России, как об отвратительном государственном формировании и любые меры против него должны вызывать сочувствие.

Конфликт в Чечне необходимо интерпретировать как уголовно-мафиозный мятеж. Но в этом мятеже проявляется и международный геополитический аспект, поскольку имеются силы, заинтересованные в уничтожении России. Здесь и идея исторического реванша Турции, и складывание предпосылок создания исламского пояса от Адриатики до Великой Китайской стены. Здесь наблюдается единство интересов панисламской и атлантической политики, которые, например, совпадают в поддержке создания в Боснии мусульманского государства.

Во имя защиты прав законопослушных граждан государство должно применить к уголовникам и бандитам всю свою мощь. Необходимо прекратить шельмовать армию. Ставить на одну доску защитников Отечества и бандитов - немыслимо! Вывод войск из Чечни будет означать в глазах всего мира полный исторический крах России, которая оказывается не в состоянии защитить ни своих граждан, ни свои рубежи от бандитов. Это будет демонстрировать полный распад государственной воли и позволит шантажировать Россию по самым различным аспектам международной политики.

Павел Попов

В исламском мире есть своя субординация. Поскольку ислам принят в VI веке, а чеченцы начали принимать ислам в XVIII веке, есть народы более верные Корану, которые не будут всерьез воспринимать претензии чеченцев на лидерство в исламском мире.

Православный мир тоже огромен и неоднороден. Нельзя согласиться с утверждениями о том, что в православном мире могут быть всегда солидарны православные чува-

ши, православные алеуты и православные молдаване, например, защищая права православных греков у которых турки отнимают острова. Такая же картина наблюдается в отношении чеченцев и в исламском мире.

Сейчас в Чечне убивают в среднем от 5 до 10 российских солдат в сутки. Если войска будут выведены из Чечни, то война перекинется в русские города и Комитет солдатских матерей увидит, что им не удалось спасти своих детей от пуль бандитов.

Азер Алиев

Мусульман в Чечне просто нет, потому что восстановить илам гораздо труднее, чем православие. Необходимо образование на арабском языке — труднейшем языке мира, выучить который в наших условиях просто невозможно. Я знаю, что муфтий Кавказа посылал в издательство “Прогресс” документы для перевода, которые потом посылались в Саудовскую Аравию.

Не надо думать, что ислам — враг. Наоборот, это единственный геополитический союзник в данной ситуации. Чистый ислам на государственном уровне представляет только Иран. В Иране прекрасно понимают, что противостояние в Чечне чревато глобальным противостоянием России и исламского мира, не хотят этого и не собираются помогать террористам из Чечни. Другое дело, что Пакистан и Турция, не являясь исламскими государствами, выполняющую роль подставных фигур в этой очень сложной игре и способствуют тому, чтобы чеченцы не остались без помощи.

Можно понять чеченцев, которые настрадались в условиях Империи не меньше других. Но другие народы тоже настрадались, хотя это вовсе не отрицает Империю. Без Империи может быть только хуже. Вопрос же о том как решить чеченскую проблему упирается в то, что Россией правят нерусские люди.

Обращение
представителей русской православной общественности
к президенту Российской Федерации Б.Н.Ельцину

Действия дудаевских бандитов на суверенной территории России являются тяжелым испытанием национального и государственного сознания русского народа. Вслед за убийствами русских воинов, мирных жителей, женщин и детей, террористы совершили еще одно преступление, похитив двух православных священников: представителя Патриарха отца Сергия и настоятеля грозненского храма Михаила Архангела отца Анатолия. Перед каждым русским человеком, каждым лояльным гражданином России встает мучительный вопрос: **способны ли власти предержащие выполнить свой конституционный долг по сохранению целостности государства, подавлению вооруженного мятежа на южной окраине России, действенному пресечению вакханалии убийств, грабежей и насилий, чинимых вооруженными бандитами? Намерено ли нынешнее правительство остановить уголовный террор или оно будет по-прежнему расточать усилия в поиске мнимого согласия с криминальной средой?**

Сложившееся положение является прямым следствием преступного попустительства и нерешительности властей, три с лишним года поощрявших создание уголовного заповедника на Северном Кавказе. Еще предстоит выяснить, кто из высших должностных лиц государства повинен в передаче оружейных арсеналов Дудаеву. Руководство страны при сочувственном молчании "четвертой власти" мирилось с практикой геноцида русских, уничтожаемых, либо изгоняемых из своих домов в провозглашенной уголовниками "республике Ичкерия". В это же время высшие чиновники России вели закулисные переговоры с бандитами о "разграничении и взаимном делегировании полномочий".

Совершенно необходимые и правомерные, но запоздалые и далекие от совершенства силовые меры по восстановлению суверенитета России оказались преступным образом не доведенными до конца. И дело не в серьезнейших проблемах армии (хотя для ее намеренного разложения и уничтожения в общественном мнении было сделано все мыслимое и немыслимое). **Оболганные, униженные, дурно укомплектованные и снабженные российские войска сумели выполнить свой долг перед Родиной, перед народами России. Прошедшему Грозный, Ведено и Самашки русскому солдату нечего стыдиться**, сколько бы над ним не глумились профессиональные "гуманисты", готовые поддержать все, что во вред исторической России. **Трагедия - в отсутствии политической воли и государственной ответственности облеченных властью деятелей, заинтересованных, похоже, не столько в восстановлении полноты российского суверенитета, как в сокрытии следов своего сотрудничества с дудаевским режимом или в совместном с ним пользовании международными субсидиями из исламских стран на восстановление "замиренной" на дудаевских условиях Чечни.**

В Буденновске свершилось обвальное падение ответственной национально-государственной воли. Армия была парализована самим правительством, которое вместо окончательной ликвидации бандитских очагов приступило к переговорам с террористами под вездесущим контролем мировых сил в лице ОБСЕ. Басаев и его убийцы остались безнаказанными, уголовники вместо кары получили право обсуждать вопросы целостности России, ее суверенного права размещать свои вооруженные силы на всей территории страны. Своими действиями “миротворцы” из высших эшелонов власти предали и обессмыслили жертвы, понесенные армией, выдали на растерзание террористам русский и другие народы Кавказа.

Дудаев и его окружение откровенно издевались над "блоками" достигнутых "договоренностей". Вместо разоружения бандитских отрядов началась вооруженная охота на русских солдат (едва ли не безнаказанная в силу безбрежной, с открытой датой президентской амнистии). Террористические акции перекинулись на территорию Дагестана, бросая вызов мирной жизни народов, связавших свои исторические судьбы с Рос-

сией. Судорги "жесткости" при проведении не имевшей шансов на однозначный успех первомайской операции (оставившей много вопросов), не могли стратегически изменить ситуацию на фоне отсутствия общей установки на неукоснительный разгром бандитов.

Взяв в заложники православных священников, уголовники пытаются придать конфликту несуществующий религиозный аспект. В очередной раз оставляя без последствий совершенное надругательство над духовным и национальным достоинством России, правительство перед лицом всего мира свидетельствует о глубоком внутреннем вырождении существующей власти, неспособной оградить основы национального бытия.

Господин Президент! **Ваш долг покончить с губительной и беспомощной политикой умиротворения криминального образования.** В отличие от измученных и голодных обывателей, сбитых с толку антиармейской и антигосударственной истерией СМИ, **Вы обязаны сознавать, что политическая капитуляция, вывод войск из Чечни, и тем более признание ее независимости, не приведут к миру.** Став новым “субъектом международного права” “Ичкерия” немедленно превратится в форпост борьбы против России. Это будет означать полный исторический крах российской государственности, которая не способна защитить ни русских, ни народы, осознанно соединившие свою судьбу с Россией и сохраняющие ей верность. **Сопредельные русские земли станут ареной крупномасштабной уголовной агрессии "державной Ичкерии", весь Кавказ будет ввергнут в кровопролитную междоусобицу и войну против России, а любые попытки адекватно пресечь терроризм приведут уже к открытому геополитическому и военному шантажу России со стороны третьих стран, заинтересованных в ее ослаблении**.

Симптомы такого будущего нам продемонстрировал подготовленный с участием иностранных спецслужб захват теплохода "Аврасия" с помощью турецких граждан, воевавших в банде Ш.Басаева. Участие на стороне Дудаева граждан Афганистана, Пакистана, Иордании, истерия в некоторых исламских странах показывает, что уже сегодня тление уголовного очага ведет к опасному втягиванию Кавказа в орбиту исламской политики, неконтролируемой на уровне государств. **В Чечне на карту поставлены двухсотлетняя державная работа России на Юге, баланс сил в Средиземноморье, судьба Крыма, восточно-христианского мира, всех, кто тяготеет к России на Кавказе и за его хребтом.**

Недопустимой политической близорукостью представляются и нынешние упования на "внутричеченский диалог". Подобный диалог приобретет действенную перспективу лишь в условиях обеспеченного правопорядка, для чего необходимы беспощадное уничтожение боевиков, неотвратимое уголовное преследование их пособников, а также всех лиц, незаконно владеющих оружием. Следует прекратить возмутительные разглагольствования об "особом" чеченском "менталитете", служащем якобы достаточным основанием для безнаказанного нарушения общероссийского уголовного законодательства и претензий на особый статус. Террористы, убийцы, грабители и их покровители, будь они с чеченским, русским, татарским или каким-либо иным "менталитетом" должны быть одинаково караемы со всей строгостью закона.

Сегодня в России нет гражданской войны и нет партии войны: в России имеет место уголовный мятеж и потворствующая ему партия мятежа. **Последняя наряду с колоссальными финансовыми ресурсами пользуется полной поддержкой средств массовой информации, которые давно отданы под контроль сил, по своему происхождению и взглядам сомнительных с точки зрения их верности исторической российской государственности.** Но только им дано право публично интерпретировать события. **Они же совершают моральный геноцид нации, последовательное разложение нравственных, культурных и государственных устоев русского народа, ведут немыслимую ни в одной стране бесстыдную кампанию по шельмованию армии и исторической российской государственности.** Законные действия по защите целостности и суверенитета России они объявляют "гражданской и братоубийственной войной",

оспоривая саму правомерность подавления уголовного очага и уравнивая бандитов и солдат, защищающих неделимость Отечества.

Господин Президент! **Уголовные мятежники - не братья гражданам России. Их нескрываемые цели - отторжение российских территорий, изгнание и уничтожение русских, превращение их в рабов (о чем свидетельствует кошмар трехлетнего дудаевского "правления"). С убийцами недопустимы и невозможны никакие политические переговоры. С бандитами возможен лишь один язык - язык твердой государственной воли, жестоко карающей любое посягательство на основы государства и коренные права его граждан.**

Пора оставить пугливые оглядки на морально изолгавшихся "правозащитников" и покровительствующую им мировую закулису, заинтересованных в насаждении двойных стандартов для продолжения губительной национальной политики, закрепляющей правовую, культурную и политическую дискриминацию русского народа - основателя и стержня российской государственности. **Ответственный перед историей глава государства должен в столь критический момент руководствоваться не сомнительными и мнимыми выгодами предвыборной кампании, а предпринять решительные меры по подавлению криминального мятежа в Чечне, изобличению и наказанию московских сообщников Дудаева, восстановлению полноценного суверенитета России, утверждению законных прав всех граждан страны. Иное станет преступлением против Отечества.**

Участники Православного политического совещания и поддержавшие их:

Юрий Алехин, Алла Андреева, Александр Анисимов, Михаил Антонов, Игорь Артемов, Михаил Астафьев, Валерий Балабанов, Виктор Балашов, Анатолий Балтрукевич, Александр Бельчук, Галина Богатова, Владимир Большаков, Елена Бондарева, Павел Бордунов, Леонид Бородин, Николай Бурляев, Антон Васильев, Наталья Величко, Тамара Воронина, Александр Гора, Владимир Гусев, Игорь Дьяков, Ирина Егорова, Константин Ершков, Юрий Ефремов, Георгий Жженов, Дмитрий Жуков, Владимир Заманский, Роберт Иванов, Александр Казинцев, Валерий Камшилов, Александр Камчатнов, Татьяна Карпова, Борис Карпов, Нина Карташева, Вячеслав Клыков, Вадим Кожинов, Игорь Кольченко, Сергей Королев, Владимир Крупин, Владимир Кудрявцев, Аполлон Кузьмин, Юрий Кукушкин, Станислав Куняев, Валентин Лебедев, Наталия Лебедева, Аристарх Ливанов, Николай Лисовой, Владимир Логинов, Сергей Лыкошин, Владимир Махнач, Василий Моров, Ксения Мяло, Анатолий Набатов, Наталия Нарочницкая, Александр Недоступ, Евгений Никифоров, протоиерей Александр Досаев, протоиерей Владислав Свешников, Владимир Осипов, Евгений Павлов, Николай Павлов, Алла Панкова, Татьяна Петрова, Андрей Печерский, Петр Проскурин, Сергей Пыхтин, Олег Рапов, Валентин Распутин, Валерий Рогов, Евгений Ряпов, Андрей Савельев, Алексей Световарский, Виктор Селиванов, Светлана Селиванова, Алексей Сенин, Григорий Серов, Валентин Сорокин, Всеволод Софинский, Юрий Спиридонов, Раиса Степанова, Александр Стрижев, Татьяна Тоболина, Виктор Тростников, Николай Филимонов, Ольга Фомичева, Анатолий Цверкун, Зураб Чавчавадзе, Игорь Шафаревич, Эльвира Шугаева.

“Православие и коммунизм... Можно ли их совместить?”

19 марта 1996 г. в Москве состоялась очередное заседание Православного политического совещания на тему “Православное отношение к коммунизму”.

Совместимы ли идеи коммунизма с православной верой? Этот вопрос, и вообще для России далеко не праздный, приобретает особую значимость в канун президентских выборов. Ведь лидер КПРФ претендует на первый государственный пост в стране, половина населения которой, согласно вопросам, причисляет себя к православным христианам. Конечно, эта статистика условна: те же опросы показывают, что регулярно посещают церковь и участвуют в богослужениях только 8 процентов россиян. Но и их мнение может склонить чашу политических весов в ту ***или*** *другую сторону, определяя тем самым судьбу Отечества.*

Казалось бы, десятилетия жестоких преследований за веру, разграбления храмов и физического истребления духовенства навсегда воздвигли непроходимый ров между последователями Маркса и христианами. Все, однако, непросто. Применяясь к обстановке, коммунисты отредактировали часть своих лозунгов в сторону некоторой веротерпимости, а также патриотизма - в противовес пролетарскому интернационализму, который еще не так давно имел в их глазах решительный приоритет. В ответ часть патриотически настроенных христиан проявляет готовность если и не предать забвению прошлые грехи ВКП(б) - КПСС, то по крайней мере смотреть на них сквозь пальцы. Эти люди подчас благосклонно выслушивают разговоры о наличии "точек соприкосновения" между Христовым Евангелием и марксистской доктриной "социального обновления" и считают диалог православных с марксистами принципиально полезным.

Подобным взглядам подыгрывают и некоторые публикации последнего времени. Пример - статья философа Бориса Мееровского "Коммунизм и религия совместимы" ("Независимая газета", 4 марта 1996 г.). Автор цитирует Энгельса, который обнаруживал сходство между христианством (особенно первых веков) и рабочим движением, поскольку, дескать, то и другое "проповедуют грядущее избавление от рабства и нищеты". Правда, развивая идеи классика, г-н Мееровский находит и различия между обеими "проповедями": христиане, мол, ищут свой идеал в мире потустороннем, "социализм же - в этом мире, в переустройстве общества".

Обойдя молчанием вопрос о конкретной практике и результатах "переустройства", автор заключает свои раздумья на оптимистической (в смысле христианско-марксистского братания) ноте: "... эволюция коммунистических партий по направлению к социал-демократии обусловлена не столько предвыборной тактикой их руководителей, сколько теми объективными процессами, которые происходят в современном мире".

Сторонники противоположной позиции в историческое прозрение коммунистов не верят, их заигрывание с православием рассматривают как тактическую уловку наподобие известных посул 1917 г. - "Земля - крестьянам!", "Фабрики - рабочим!" и т.д. Сходство же между верой в Маркса и верой во Христа видят не больше, чем между двумя одинаковыми цифрами, одна из которых помечена знаком "минус". Коммунизм, говорят они, представляет собой христианство, вывернутое наизнанку: водрузив творение Божье - человека - на место самого Творца, марксисты, не выдумав более никаких принципиальных новшеств и нередко дублируя даже религиозную терминологию, с точностью до наоборот скопировали христианскую модель мира. В их арсенале - свои апостолы, проповедники, иерархи, свои святыни, иконы, даже свои места паломничества и нетленные мощи. И на этом "фотонегативе" мира Божьего добро обернулась для человека злом, а любовь во Христе - классовой и "просто человеческой" ненавистью.

В обществе, в том числе и среди верующих, наметилось, таким образом, несогласие. Оно и стало темой слушаний в рамках Православного политического совещания. На дискуссию об отношении православных к коммунизму были приглашены деятели различных политических направлений. Какие сделаны выводы?

Полного единодушия не обнаружилось и в ходе встречи. Одни полагают, что, хотя идеология коммунизма органически чужда христианству и противоречит интересам Отечества, нет реальной политической силы, которая бы способствовала его возрождению. А коли так - все партии, претендующие на власть, "одним миром мазаны" и коммунисты - лишь одна из этих партий. Другие убеждены, что "наследников Октября" никак нельзя смешивать с прочими, ибо нет знака равенства между безбожием и богоборчеством. Компартия много раз демонстрировала не просто безразличие, а непримиримую вражду ко всему, что не отвечает ее собственным переменчивым лозунгам. И нет гарантий, что, оказавшись опять у власти, она в конечном счете не ликвидирует уже достигнутые после ее крушения политические свободы. В том числе свободу людей верить в Бога...

Выступления на Совещании

Протоиерей Владислав Свешников

Можно полагать, что подход, основанный на нравственных оценках любого серьезного и длительного общественного события оказывается единственно правомерным, потому что каждое такого рода явление основывается прежде всего не на комплексах идей, а на некоторых предвзятостях. И эти предвзятости всегда либо имеют нравственный мотив, либо по крайней мере пронизаны нравственным содержанием, нравственными темами. Поэтому оценки и перспективы на будущее могут быть даны только с нравственных позиций. Причем, с объективных нравственных позиций, каковыми могут быть только позиции вышечеловеческие, то есть данные Богом, Божественным откровением.

Кроме того, нравственный подход, в отличие от всяких других, не унижает, а возвышает человека, потому что позволяет обо всех явлениях судить не с плотско-материальных (тем самым унижающих человека) позиций, не с позиций дешевой и пошлой экономики (если она не оказывается направленной на человека, на личность и на общественные слои).

Разумеется, такой нравственный подход был выражен многократно многими людьми прозорливого сознания еще тогда, когда социалистическая идеология и практика только пробивали себе дорогу в Россию. Достоевский, Победоносцев, Леонтьев, а впоследствии особенно полно Бердяев и Ильин, сказали о нравственных целях, перспективах и содержании коммунистической доктрины и практики. Хотя, целостного нравственного подхода не было дано. Он не может быть в полноте дан и сейчас, и в лучшем случае будет обозначено нечто вроде мозаичной схемы.

Прежде всего, хотелось бы, если это только возможно, отнестись априорно доброжелательно к тому явлению, которое, кажется, еще совсем не прошло, и попытаться увидеть хоть какие-то положительные нравственные истоки.

На первый взгляд, они есть. И прежде всего это если не комплекс идей, то по крайней мере комплекс чувств, упирающихся в ощущение социальной справедливости. Людям, ощущающими необходимость воцарения в мире социальной справедливости, настоящая ситуация представляется как неприемлемая. То есть их самосознание работает по типу реактивного психоза. И понятно, что сознание лишь потом обрабатывает и предлагает аргументацию для того психологического ощущения, которое представляется ценным.

На деле оказывается, что даже и в самой коммунистической доктрине дело обстоит совсем не так.

Социальная справедливость оборачивается одной из форм вполне тривиальной социальной несправедливости. По замыслу идеологов просто-напросто меняются местами социальные слои. И почему-то более нравственно высоким представляется тот слой, который на самом деле нравственно не высок. Более того, что касается дальнейшей практики, то она показывает, что и этот слой оказывается лишь фикцией - никакой диктатуры проле-

тариата никогда не получается. Вместо диктатуры пролетариата получается диктатура номенклатуры, которая и становится единственно ценным слоем.

Как высокая нравственная ценность декларируется социальное равенство. Но еще Леонтьев, а потом и Ильин показали пошлость такого эгалитарного подхода. В равенстве, если оно не ориентировано на духовную и божественную реальность, представляет собой доктринальную нелепость, которая на деле никогда и не осуществляется. Практика эгалитарного равенства всегда мифологична.

Декларируется “свобода”. Но на самом деле то понимание свободы, которое предлагается в псевдофилософском ощущении коммунизма, оказывается чрезвычайно далеким от тех подлинных глубоких серьезных и объективных пониманий, которые предлагались христианским самосознанием. Да и на практике свобода, как мы знаем, оборачивается зоной - либо зоной, окруженной проволокой, либо зоной, в которой народ живет без этой проволоки, но не чувствует, что он все-таки находится в зоне.

Декларируется “коммунистическая общинность”. Кажется, что сознание общинности исходит из реальных нравственных и духовных предпосылок понимания единства человеческого общества и коренных традиций русского народа. На самом деле общинность коммунистического сознания и коммунистической практики превращается в колхоз, который всегда является карикатурой на общинность, на подлинный соборный строй. Потому что соборность есть понятие и реальность основывающаяся исключительно на религиозном знании, в религиозном бытии осуществляемое.

Декларируется лозунг "все во имя человека". Но этот лозунг может действовать только при понимании духовной ценности человека, человеческой личности, которая может быть только при сознании того, что человек есть образ Божий. В коммунизме, в коммунистической доктрине, а тем более в практике (мы это знаем хорошо по опыту), что возможно только полное равнодушие, неведение и непонимание личности при ложной, хотя и напряженной, но вместе с тем пониженной соборности. В западной модели, которая к нам сейчас активно протискивается, в основном наоборот - искаженный персонализм и совершенное неведение и непонимание соборного, общинного единства сознания.

Из этого непонимания ценности человеческой личности коммунистическая идеология и практика предлагают единственно возможный в ней равнодушный подход к ценности человеческой жизни. И потому вполне возможно уничтожение не только отдельных личностей ради осуществления неких идеократических целей, но даже и целых социальных слоев.

Таким образом, в коммунистической доктрине, а тем более в практике, положительные нравственные интенции - это все что можно набрать из положительного. И все это оказывается карикатурой, неверным, ложным по мотивам или пронизанным ложью. Всегда и в коммунистическом сознании, и в практике нам предлагается мифология, утопия, предвзятости, страсти, ошибки - то есть то, что составляет коренной нравственный принцип коммунистической идеологии и практики - ложь.

Ложь самая разнообразная, пронизывавшая и пронизывающая весь строй минувшей жизни. Начиная от лжи многообразных мифов. Так всем хорошо был известен вдалбливающийся в сознание миф добренького вождя, который тоже, пожалуй, скорее был списан не с вождя, а с исполнителя его роли - Штрауха.

Изысканнейшая ложь проявилась даже в самом названии главной коммунистической газеты "Правда". Как должен был хохотать дьявол, услышав эту замечательную выдумку! Я думаю, и продолжает еще хохотать, потому что более изощренного издевательства над правдой, чем название газеты, в которой и по информации, по интерпретации и по нравственным подходам могла содержаться одна ложь, и быть не может.

Более всего писалось и говорилось о тотальной утопии коммунистической идеологии. Единственное, что здесь стоит еще раз отметить, - слово "утопия" должно заменить его более определенным аналогом - словом “ложь”.

Во всех видах и формах общественной жизни (и это уж мы знаем тоже совсем хорошо) проехали через нас, через нашу практику, через наши жизни все разнообразные виды лжи, начиная от университетов марксизма-ленинизма и кончая поездками на картошку. Пронизано ложью воспитание от детских садов (“я маленькая девочка играю и пою”) и до институтов, где все вынуждены были проходить пронизанные ложью диамат, уж не говоря об истмате. Лжива статистика -все только знали, что она врет, но как и насколько, какие формы и какие цифры лжи, никто не знал. Кажется, не очень хорошо даже знали в ЦК. Особенно принципиальная и целенаправленная была ложь СМИ, которые, собственно, были исполнителями музыки, которую им заказывали. Особенно приходится говорить о лжи продажной интеллигенции в советское время, которая лгала иногда с таким смердяковским вдохновением (включая, кстати говоря, с большой печалью и некоторых высших церковных деятелей).

Наконец, самая существенная ложь, которая чрезвычайно исказила весь строй нашего народа, русского человека - это ложь воинствующего атеизма. Это была нравственно-духовная ложь на свой народ и о своем народе. В результате этой лжи выработался как бы особый тип человека развитого социализма. Это тип, в котором соединяются шутовство, дурость, трусость и алкоголизм. Главным результатом этой нравственной ситуации, которая сложилась за годы коммунистического, стало безразличие к правде и генетическое нечувствие этики, этических проблем вообще, непонимание этических оценок или принятие оценок совершенно ложных и односторонних. Затем, как следствие этого, скептицизм, самый пошлый индивидуализм (как реакция на минувший пошлый коллективизм), наглость, и более всего наглость чиновничья - безразличие к людям, высокомерие, чинопочитание, безответственность, беззаконие.

Вот на этой-то почве вырос тот новый тип человека, о котором приходится как о "советском человеке”, в котором отразилось презрение к духовным богатствам, непонимание и нечувствие собственной истории, которая даже не то что тенденциозно излагалась в советских учебниках, но излагалась без подлинной любви к тому, что могло оставить хоть остатки некоторой любви человека, который уже прекращал свое существование.

Воинствующее невежество, расточительство природных богатств, ограниченность, которая выражалась в совершеннейшем непонимании или пустом понимании смысла жизни. Смыслы обессмыслились. Патернализм и холуйство с особой силой выразились в сталинскую эпоху.

Самое печальное, что оставшиеся еще невырубленными явления патриотизма (при том что идеология коммунистическая интернационализм свой уже растеряла) оставались чиновничье-номенклатурными. Патриотизм советский тоже становился патриотизмом номенклатурным. Подлинный патриотизм, подлинный национализм мог быть только духовным и основанным на духовных знаниях и духовных реальностях. Без духовного подхода патриотизм мертв и неконструктивен.

Кратко пробежавшись по прошлому, можно бы спросить: прошлое ли оно совсем? Вскрытие покажет. Вскрытие как нынешней коммунистической догматики, так и практики. Сейчас догматика скорее скрыта, чем вскрыта в программных документах. Но те, кто читал программы, сквозь строки этой скрытости могут вскрыть уже и теперь то, что там осталось. Вскрытие практики, если, не дай Бог, она случится еще в нашей истории, тоже покажет, каков коммунизм стал на деле. Скорее всего, насколько мы знаем его сущность - и доктринальную, и его проявления - очень непохоже, чтобы он мог когда-нибудь измениться.

Один из вернейших признаков нравственного релятивизма (а это значит и безразличия к жизни и судьбе своего народа) является безразличие или даже снисходительное подталкивание к тем совершенно безобразным явлениям массовой пропаганды растления, которые совершаются безнаказанно, несмотря на жалкие законы. Где в программе нынешних коммунистов забота о духовном здоровье народа? Был бы хоть этот признак!

Вместо крика, когда надо кричать, слышно одно молчание или добродушное похмыкивание.

Не видно готовности к жертвенному служению. Не видно даже хотя бы начального простого, но серьезного (пусть не покаянного, а просто хотя бы информационного) признания своих ошибок. И пока открытого признания ошибок нет, говорить о том, что коммунистическое мировоззрение, идеология и практика могут быть восприняты русским народом как реальная программа жизни, не приходится. Разве что в той безумной предвыборной ситуации, в которой мы оказались сейчас, в которой предлагается как будто бы есть единственный выбор, когда две стороны этого выбора строят возможность своего прихода к власти только на вероятной ненависти или недовольстве народа к противоположной программе.

Ничего другого нет ни у коммунистов, ни у нынешних пошлых либералов. И выбор, который предлагается нам сейчас, это тот выбор, который, как известно, похож на обычный дьявольский выбор когда дьявол показывает две руки и говорит: "Выбирай! В какой?" А ни в одной руке нет правды. В обеих, как и может только быть у дьявола, - только зло и ложь. Поэтому выбор невозможен.

Кажется, вырисовывается некоторая возможность ситуации, когда на поверхности нашей текущей истории появится третья сила. Ведь для этого не так уж много нужно! Ведь так ненавистно это ностальгическое прошлое и так ненавистно это либеральное настоящее, что столкнуть их с парохода истории кажется нетрудным. Но посмотрим...

Виктор Аксючиц

Наши радикал-демократы, которые называют себя антикоммунистами, сделали (именно они) очень много, чтобы коммунистические уравнительные идеалы вновь стали популярными в России, чего не было уже несколько десятилетий. Это закономерно. Ведь если мы присмотримся к антикоммунистам, радикал-демократам, то окажется, что они вовсе и не антикоммунисты. Это по всем признакам необольшевики - тот же менталитет, то же отношение к жизни, то же отношение к высшим духовным ценностям .

Это когорта людей (я называю их "интернациональный люмпен"), сформирована в ложном социуме коммунистического прошлого и изначально оторвана от исторической органики России. Этот интернациональный люмпен за все периоды антирусской перманентной революции, которая длится в России вот уже около 100 лет, преследует одни и те же цели. Он готов мимикрировать, менять свою форму не изменяя содержания. Эту мимикрию мы видим и сегодня.

Вместе с тем, неокоммунизм масс - это все-таки не классический коммунизм. Скорее всего, это левопатриотическое мировоззрение, которое совершенно синкретично и которое совершенно неестественно - вплоть до противоположности - объединяет различные мировоззрения. Язык коммунистической риторики для многих рядовых коммунистов - единственно доступный язык. Другого они просто не знают. И на этом языке они иной раз выражают совершенно иные реалии, нежели коммунистические. Для обездоленных масс борьба за социальную справедливость сегодня может выражаться во многом только на языке коммунистической риторики. Для миллионов людей красный флаг - уже не символ коммунизма, а это символ потерянной и растерзанной родины.

Все эти факты не превращают классический коммунизм, с которым мы имели дело, не делает его лучше. Ни в коем случае не оправдано то, что пытаются сделать современные идеологи неокоммунизма. Расширяя коммунистическое мировоззрение, делая его более привлекательным, они оправдывают и коммунистическое прошлое. Вот отсюда и появляется развиваемый сегодя тезис о родственности коммунизма и христианства. При этом больше всего удивляет не изощренность идеологов неокоммунизма, а то что подобные взгляды имеют распространение среди православной и церковной общественности.

В этой связи я хотел бы остановиться на трех основных как бы положениях.

Первое. Во всех библиотеках стоят на полках классики марксизма-ленинизма, которые по отношению к религии были всегда преисполнены совершенно инфернальной ненависти. Лучшее, что они могли писать о религии и Церкви - это ругань. Цель, которая стоит за всеми их писаниями - уничтожение религии и церкви.

Второе. Идеология марксистского коммунизма - это не только атеизм, и не столько атеизм. Это концепция самого агрессивного во всей мировой истории богоборчества.

Третье. Историческая практика коммунизма сегодня (она у нас перед глазами, хотя и фальсифицируется) продемонстрировала самые свирепые во всей мировой истории антихристианские гонения. Цель коммунизма, которая декларировалась и осуществлялось в истории, - полное уничтожение религии и церкви. Вспомним пятилетку атеизма 1928-1933 годы. Историческая практика коммунизма - это реализация богоборческой утопии, которая была направлена на разрушение традиционного религиозного уклада жизни.

Теоретическая концепция коммунизма сегодня более чем что-либо другое подвергается фальсификации современными ее апологетами. Расхожее представление состоит в том, что практика коммунизма якобы искажала идеологию коммунизма. Мол, марксизм-ленинизм изначально был хорош и правдив, но был искажен.

Коммунизм очень часто принимал ложнорелигиозное обличье, чтобы под этим обличьем завоевывать души. А душа человека - от рождения христианка. Коммунизм и коммунистическая идеология паразитировали на религии во имя ее уничтожения. Коммунизм имел свое священное писание, свои догматы, свои заповеди и свой путь спасения. Он предлагал даже своего спасителя! Социалистическая псевдорелигия имела свой культ, обряд, и многие действа коммунистического прошлого впрямую напоминают о христианском быте. Скажем, парады, демонстрации - это пародии на крестный ход, пение интернационала - пародия на молитву и т.д.

Можно сказать: если антихрист это обезьяна Христа, то коммунизм - это обезьянничанье над Христианством, над Православием, это глобальное перевирание бытия и жизни. Но какой из этого следует основной вывод? Вывод один: предельная цель коммунизма - разрушение Церкви Божией, то есть от Бога установленного общества верующих во Христа.

Истинному обществу, то есть братству в любви, социализм-коммунизм противопоставляет товарищество в ненависти и лжи. Поэтому-то и вся историческая практика социализма-коммунизма была направлена на разрушение религиозных в своей основе исторических реалий и традиционного образа жизни.

Ложное мировоззрение ложно-тотально во всех отношениях, и не только в том, что оно перевирает все сферы жизни человека (в том числе не имеющие прямого отношения к религии). Оно тотально ложно, потому что оно ложно внутри себя. Оно совершенно противоречиво. Детальный анализ коммунистической доктрины вскрывает ее абсолютную самопротиворечивость, ее самообессмысливание.

Скажем, “научный коммунизм” утверждает, что жизнь каждого человека абсолютно конечна, что человек ни в какой форме не имеет никакого бытия после смерти. Естественен из этого вывод, что индивидуума после смерти ничто ни с чем не связывает. Однако человек, который абсолютно конечен, жизнь которого абсолютно конечна, должен согласно “научному коммунизму” быть абсолютно подчинен тому, с чем он никак не связан - то есть с жизнью бесконечно далеких от него и отчужденных будущих поколений. Получается, что каждое поколение играет роль своего рода удобрения для взращивания других “счастливых поколений”, которые и должны жить в отдаленном счастливом обществе - обществе коммунизма. Это само по себе совершенно бессмысленно. Логически бессмысленно. Но эта бессмысленность утверждается основной догмой диалектического материализма, который утверждает, что не только человек, но и человечество, и мир, космос, вселенная - тоже абсолютно конечны. Вот что говорит об этом Энгельс: “Круговорот, в котором каждая конечная форма существования - безразлично Солнце или туманность, отдельное животное или животный вид, химическое соединение или разложение - одинако-

во преходящи, конечны.” Таким образом, конкретная человеческая жизнь не имеет никакого итога, включая жизнь тех самых будущих поколений, ради которых живущий ныне человек должен приносить немыслимые жертвы. Жизнь и бытие человека тем самым совершенно обессмысливаются.

Какие выводы сегодня можно из этого всего сделать? Коммунизм в своей доктрине, теории и исторической практике был и остается самой радикальной антихристианской силой мировой истории. Доминантой коммунизма было и остается богоборчество. Но то, что сегодня происходит, не обязательно есть коммунизм.

Синкретическое лево-патриотическое мировоззрение очень искусственно. А для многих рядовых коммунистов совершенно, казалось бы, естественно мыслить одновременно и в категориях дореволюционной России, и в реалиях советского периода истории коммунизма - и в образах православия, и в образах антихристианского коммунизма. Чего больше в каждый данный момент определяется конкретной политической конъюнктурой. Что в конечном итоге будет доминировать тоже определится общим ходом истории России. Но в целом это синкретическое мировоззрение, еще раз утверждаю, не есть уже собственно коммунизм.

Поэтому стремление к солидарности общества, к объединению различных сил, в том числе политических, сегодня вовсе не требует примиренческого отношения к коммунизму и апологии коммунизма как доктрины и пошлой практики. Стремление к окончанию гражданской войны, как войны между белыми и красными, тоже не требует признать мифы и фикции коммунизма. Общее у нас с нынешними коммунистическими соотечественниками - небесное отечество Православия и земная родина Россия. Если категории небесного отечества для них скрыты в силу их идеологической установки, то реалии земной родины для них открыты. И вот здесь есть общий язык, на котором мы с коммунистами можем говорить.

Стремление говорить на общем языке вовсе не означает соглашательства с коммунистами или с коммунистической доктриной. Безусловно, степень духовного возрождения России во многом будет отмерена степенью изживания коммунизма.

Игорь Шафаревич

Одной из основных причин победы коммунизма в нашей стране и его продолжавшегося господства была единодушная поддержка коммунизма и социалистических учений западной интеллигенцией. Это я испытал на собственной шкуре. Двадцать лет назад в своей книге я излил антикоммунистические чувства, книга была переведена на основные языки и встретила дружную отрицательную реакцию. Мои друзья присылали мне вырезки из газет, среди которых я едва мог найти одну-две сочувствующие рецензии. Я не был бы удивлен, если бы мне указали на какие-то исторические ошибки. Но на деле было лишь раздражение моей позицией. Я затронул “священных коров”.

Теперь западная интеллигенция немарксистская и не левая. Произошел загадочный поворот. Марксизм как мировое течение умер. Причина этого - его гибель в России. Народ России сумел преодолеть марксизм и социализм как психологию. По крайней мере, в том смысле, что сочувствующих ему практически не осталось.

Это было видно и в период “преображенской революции” (или ельцинского путча) в 1991 году. Тогда правительство Москвы решило захватить здание Союза писателей России. Туда пришел какой-то человек и сказал писателям, что это здание им больше не принадлежит. Поэт Станислав Куняев спросил: "А у вас бумага есть?" “-Да, бумага есть.” - “Дайте”. Он взял бумагу в руки, разорвал и бросил в лицо пришедшему человеку. Человек ушел и больше не рискнул возвращаться. А писатели устроили оборону своего дома. Устроили там баррикады, принесли какие-то доски, чтобы это выглядело очень страшно, дежурили по ночам. Через два дня человек пришел и принес извинения.

Ни в одном райкоме, как я слышал, ничего подобного не произошло! Не оказалось людей, которые этому строю сочувствовали бы. Он выгорел в нашей стране. Маркс и Эн-

гельс писали в свое время: “Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма.” Так вот не ходит больше этот призрак. Призрак нашел свой конец в нашей стране.

Есть один вопрос, который осложняет понимание практики коммунизма в нашей стране. Вопрос этот связан с тем, что в эпоху коммунизма была выиграна Великая Отечественная война, был совершен колоссальный народный подвиг.

Святой Александр Невский сказал: “Не в силе Бог а в правде”. Это есть некая духовная максима. Но, как и всякая максима, она имеет некое вполне материальное выражение в нашей жизни. Она заключается в том, что побеждает не тот, кто лучше вооружен и лучше тактикой владеет, а кто способен на большие жертвы.

Этим способом русский народ и победил, принеся колоссальные жертвы - в том числе и духовные. Воевали мужики из деревень только что прочищенных коллективизацией и раскулачиванием. Они не пошли по пути Ленина - пути борьбы за поражение своего правительства, чуждого им в классовом отношении. Они поставили любовь к своему отечеству выше. Как и солдаты 1812 года они встретили нашествие новой пугачевщиной.

Теперь, после переворота левая интеллигенция хохочет над этими ветеранами и говорит, что они защищали эту постылую жизнь. Так 100 лет назад хохотала левая интеллигенция над ветеранами 12-го года, говоря: “Вот, защищали матушку-Россию, а потом пошли чтобы их на конюшнях пороли.” Да, пошли, но Россию защитили.

Идея антикоммунизма принята на вооружение врагами не коммунизма, а врагами России, теми, кто на самом-то деле являлся самыми настоящими коммунистами. Эта идея используется в качестве палки против русского народа, который на основании этого аргумента является духовно ущербным, неполноценным народом, согласившимся жить в коммунистическом обществе, покорно его переносить. Радио "Свобода" как-то сказало, что цель перестройки - вызвать духовную мутацию русского народа. Значит, социализм вызывал мутацию в одну сторону, а теперь нужно было заставить русских мутировать в другую сторону.

Сейчас странное положение - все стали патриотами, государственниками. Кто не так давно был демократом совершенно интернационалистского толка и поносил “эту страну”, а сочувствие к ней характеризовал как имперские амбиции и имперские традиции, сейчас стал государственником-патриотом. Это какой-то парад масок. Как их различить - совершенно непонятно.

Что касается до оппозиции, то ее патриотизм тоже вызывает ряд вопросов, потому что подавляющая часть оппозиции - это КПРФ и примыкающие к ней лица и организации. Они с одной стороны патриоты, с другой - ленинцы. Ленин говорил: “Мы антипатриоты”. Как это соединить с патриотизмом?

Ленин в период кровопролитной войны, когда народ наш понес потери в несколько миллионов, работал на поражение своего правительства и подчеркивал: “Это не должно быть пустой фразой, это должно выливаться в действие, - как он говорил, - подходящее под закон о государственной измене”. Эта мысль казалась ему очень важной, и в нескольких своих произведениях он ее повторял.

Каким же образом расшифровать тогда патриотизм? Мне кажется, что единственный способ, которым мы могли бы помочь, например, будущим избирателям, да и вообще людям осмысливающим жизнь, это попытаться найти некоторые лакмусовые бумажки, предложить некоторые контрольные вопросы, при ответах на которые, с нашей точки зрения, можно было бы отделять патриотизм от антипатриотизма. Мне кажется, что заявление, которое мы написали по поводу Чечни, как раз и есть тот оселок, на котором можно оттачивать понятие патриотизма. Мы видим очень неопределенные высказывания на этот счет со стороны самых разных политических сил, желание уйти от ответа на вопрос. Правительство говорит, что будет соединять все методы - мирный метод и силовое воздействие. КПРФ все время говорит, что войну в Чечне надо кончать. Но если не указывать, на каких условиях кончать, то это очень похоже на капитуляцию.

Подобных вопросов много. Например, вопрос о границах России, о том, в какой мере нынешние границы России являются окончательными. На западе это фактически границы Брестского мира. После краха Германии большевистскому правительству не было смысла ничего менять, потому что все равно оно господствовало и по ту и по эту сторону границы. Только Крым был позднее передан Хрущевым Украине. Благодаря этому, а также благодаря тому, что передали в Киргизскую республику, как тогда называли Казахстан, ряда русских земель, 25 млн. русских оказались сегодня вне России - каждый шестой русский. Так вот, считают ли партии, называющие себя патриотическими, эти границы окончательными?

Можно говорить также о поддержке русских национальных обществ, о введении русского языка как второго языка в республиках СНГ и Балтии, о двойном гражданстве, о статусе Севастополя. Последний вопрос - не просто геополитический, не только вопрос присутствия России в Черном море и защиты юга России. Севастополь - это святыня для русского сердца. Отдача Севастополя - это частичная капитуляция России. Когда новый командующий Черноморским флотом сказал, что Севастополь - чужая земля и хватит будоражить флот, у меня было ощущение, как будто по лицу кто-то ударил.

Приднестровье - узкая полоска героической земли, которая борется за то, чтобы не быть оторванной от той России, частью которой она была. Есть целый ряд действий, которые могут ее поддержать - дипломатическое признание, включение в рублевую зону и т.д.

Если бы мы высказали свою точку зрения по этим проблемам, оказали бы услугу очень широкому кругу людей, которые бьются в окружение какого-то маскарада масок, вокруг которых пляшут будто бы одни патриоты.

Александр Лебедь

Я вырос в атеистической среде. Большую и лучшую часть жизни провел в воздушно-десантных войсках. Грешников в них было всегда много. На святых всегда был дефицит. Они там не держались. В силу этих обстоятельств я не церковный человек, но я глубочайшим образом убежден в трех вещах.

Первое. Одним из мощных столпов, на которых стояло государство Российское, была, есть и будет духовная мощь Русской Православной Церкви.

Второе. Родится каждый сам. Каждый сам умирает. И к Богу каждый сам приходит. Никому здесь не помочь, не подтолкнуть.

Третье. Я никогда ни при каких обстоятельствах не буду стоять в Церкви со свечкой как со стаканом, преследуя какие-то конъюнктурные соображения. Для меня это недопустимо, немыслимо, неприемлемо, недостойно.

В 19 лет я был членом Коммунистической Партии Советского Союза. Был настолько серьезным коммунистом, что в 1992 году от ВДВ вместе с командующим был избран на XXVIII съезд КПСС.

Вопросов было много и ранее. Я потому и на съезд этот попал, что ставил эти вопросы на всех собраниях. Это было ново, звучало красиво - кому-то резало ухо, кому-то ласкало.

Вот там - на Съезде - я увидел вблизи всех маразматиков, которые нами правили, и понял, что мы обречены рухнуть. И мы рухнули. Это было логично. Меня поразило тогда одно обстоятельство - почему они нами правят, а мы за ними идем?

Мне надоела ложь. Ложь Афганистана, когда политики войны завязывали, солдаты их прекращали. Навоевавшись две недели, ты возвращался и надо срочно написать расписание занятий за эти недели, указав чем ты тут благостно занимался - уставами, физкультурой, огневой, строевой... Мы скрывали войну. Ложь этих горячих точек. Ложь, ложь, ложь... Мне надоело.

У меня двоякое отношение к коммунистам. Они делятся по горизонтальной черте. Над чертой примерно 10 процентов - члены ЦК, политбюро и их прихвостни - те, кто дав-

но уже жили в персональном коммунизме и хотели бы продолжить эту жизнь далее. А под чертой 90 процентов людей, которые воевали, работали, восстанавливали, поднимали страну, получали выговоры и инфаркты, никогда не видели никаких привилегий и льгот, а часто и не знали об их существовании. Это мои товарищи, это люди, которые будут жить, трудиться на благо государства российского. И ностальгия у большинства из них не потому, что раньше было так замечательно хорошо, а по простым и понятным правилам жизни. Вот главное что заставляет их поворачивать голову назад. Когда перед тобой стена, поневоле начинаешь искать, что же, куда же податься.

Сегодня у нас у власти один член ЦК, его стремится сменить второй. Это не две силы, это одна сила в двух лицах, две стороны одной медали. Противостоять им может только сила здравого смысла - вторая сила. Она обозначена. На выборах в Думу на флангах оказались суммарно примерно 40 процентов, а в середине 60 процентов - большинство. Половина вообще не пошла на выборы, а половина раздала свои голоса всяким маленьким партиям. Вот эти 60 процентов - люди, которые хотят жить на своей земле, быть на ней хозяевами, не хотят никого убивать или чтобы их убивали. Они хотят нормально жить. Жить сегодня, а не в светлом будущем под названием “коммунизм” или под названием “демократия”. Это один и тот же горизонт - сколько ни топай, не дойдешь.

Нас подталкивают чтобы мы выбрали из двух зол меньшее. Я глубоко убежден, что мы совершенно не обязаны выбирать зло. Зачем? У нас есть другой выбор. Время разрушителей уходит. Фактически уже ушло. Многое развалено, но страна готова к росту - площадка расчищена. Любой шаг с этой площадки будет шагом по пути к прогрессу.

Сергей Глазьев

Игорь Ростиславович прав, когда говорил, что коммунизм в нашей стране выгорел. И идеологически, и на практике коммунизм продемонстрировал чем оборачивается этот дьявольский соблазн.

Став жертвой соблазна в 1917 году - дьявольского соблазна построить рай на земле - мы в 1991-1993 году стали жертвой другого соблазна - соблазна столь же быстро перестроить этот “рай” в “рай” другого типа. На самом деле, как это ни печально, вслед за крахом коммунистического режима в обществе обнаружилась ужасающая духовная пустыня, которая стала очень быстро заполняться новой ложью, ненавистью, злобой, войной всех против всех, развратом и насилием. Этому мы, вобщем-то, ничего политически серьезного не противопоставили.

Сейчас власти изо всех сил пытаются вызвать из гроба призрак коммунизма, чтобы оправдать свое собственное существование. В значительной степени это удается, потому что находятся в оппозиции люди, которые подыгрывают этой мифологии. И мы вновь сталкиваемся в общественном сознании с искусственно навязанными мифами, которые упали, правда, на весьма благоприятную почву.

Миф первый заключается в том, что якобы все демократические силы объединяются вокруг нынешнего президента, которого очень трудно причислить и к демократам, и к государственникам, и вообще к каким-либо ценностям, которые мы уважаемы в нашем обществе.

Миф второй состоит о том, что вся оппозиция неконструктивна, что она сплачивается вокруг прошлых идей, вокруг ностальгии по “светлому коммунистическому прошлому”.

Самое неприятное, что главная причина возникновения этих мифов связана с отсутствием политической воли у здравомыслящих людей, достойных и патриотически настроенных. Нет недостатка в идеях, нет недостатка в понимании, нет недостатка в программах. Всем образованным, здравомыслящим людям понятно, что мы сталкиваемся опять с мифологией, которая насаждается исторически случайным космополитичным режимом, похожим на тот, который был раньше - только в несколько других красках. Он жив лишь тем, что вызывает из гроба своего брата, рисует из него антипода.

Мы просто обязаны ответить на этот вызов в ближайшее время, потому что, к сожалению, запас прочности в нашей стране исчерпан. В том числе и с экономической точки зрения. Мы сегодня уже не большая экономическая страна, а очень маленькая - по уровню внутреннего валового продукта меньше Италии. Мы исчерпаны в демографическом смысле - известно, что население страны уменьшается на 1 млн. человек каждый год, и по прогнозам демографов мы можем оказаться маленькой страной и в смысле народонаселения, сократившись до размеров современной Польши лет через 40. Мы исчерпали ресурс и в духовном смысле, потому что подрастающее поколение, к сожалению, столь же отрезано от живительных истоков наших традиций, нашей культуры, как и раньше. Если раньше оно было отрезано идеологической линией райкомов партии, то сегодня оно отрезано развратом, культом насилия и пошлости, которые идут со стороны значительной части средств массовой информации и направляются тем же властвующим режимом.

На этот вызов нужно отвечать. Ради этого мы и затеяли политический проект под названием "третья сила". Название условное в значительной степени, потому что оно призвано показать, что вовсе нет такой безысходности и безальтернативности выбора из двух зол, что можно объединить людей, которые действительно переживают за свою страну и понимают - наше возрождение возможно только на основе восстановления наших культурных ценностей и традиций, здравого смысла, того опыта, который накоплен и в среде наших практиков и в среде наших ученых.

Я далек от иллюзий, что все будет просто. Мне кажется, во многом процесс создания “третей силы” может быть направлен и поддержан именно Православным политическим совещанием и широкой общественностью. Для того чтобы политические лидеры, не желающие уступать друг другу, все-таки смирили свою гордыню и договорились ради общего блага, необходимо давление общественного мнения.

Леонид Бородин

Один из самый устойчивых мифов - это понятия “советская власть” , “советский человек” и прочее. Иллюзорность этого мифа проверяется это очень легко на основе самого русского языка. Например, есть пары понятий “коммунист” - “антикоммунист”, “демократ” - “антидемократ”. А для слова “антисоветчик” позитивной пары нет. Так же как и само понятие “советской власти” вызывает вопрос, где и когда была власть Советов? Ее никогда не было. Это только модный стереотип общественного сознания до сих пор срабатывающий в некоторых слоях населения.

Академик Шафаревич поставил вопрос об изживании марксизма в России. Но ведь есть состояние кокона, из которого может появиться новая бабочка. Если иметь в виду деление сатанизма на два лика по Вяч.Иванову, то мы видим, что часть людей ударилась в чистое ариманство, другая осталась в чисто сатанической коммунистической идейности, которая возрождается сегодня в новом виде.

По роду сове деятельности я просматриваю массу публицистики. часто она недостаточно профессиональна, но достаточно характерна. В последние полтора года я все больше сталкиваюсь со статьями, в которых происходит новое теоретическое обоснование социализма (я предпочитаю пользоваться термином “социализм”, а не “коммунизм”). Это обоснование идет безумств наших бесспорных патриотов, проверенных на патриотизме, засвеченные этим “грехом” еще в прежний исторический период.

Суть этого обоснования такова. Запад прогнил, бездуховен, единственное место духовности - России, сущность этой духовности - социальная справедливость. Итак, духовность - идейность - идея. В итоге этих обоснования читается, что смысл “русской идеи”, противостоящей бездуховному западу, - социализм. Запад же погряз в индивидуализме, хищничестве, наживательстве. Только Россия сохранила представления о духовности в смысле социальной справедливости. Никакого представления о христианской духовности здесь уже нет. Речь о духовности ведется как о всеобщей социальной справедли-

вости, присущей только нашему народу и только в нашем народе способная реализоваться.

Таких статей через мои руки прошло не менее десятка. некоторые из них наивны, некоторые очень профессионально сделаны. Идет новая, очень осторожное, оригинальное обоснование социализма. Все, кто пишет об этом, говорят, что Россия изжила коммунизм, теперь наша задача - осуще5ствить вековую мечту русского народа - идею социальной справедливости.

Это новое обоснование хилиазма, попавшее в руки талантливых и популярных публицистов и возникшее не на пустом месте.

Все знают высказывание Достоевского: “Социализм не прав, потому что есть Бог.” Если Бога нет, то социализм прав. Большинство нашего народа - атеисты. Следовательно, для них социализм прав. Это не просто соблазн или грех. Это момент идейности.

Ситуация представляется мне гораздо более сложной, чем это иногда представляется теми, кто говорит о реванше коммунизма. мне кажется гораздо более важным то, что получилось из кокона марксизма - без сомнения интернационалистской, коммунистической идеи. Кокон лопнул и отброшен, но появилась новая бабочка - новый вариант социализма.

В период 70-х годов мы это явление называли национал-большевизмом. Это эмоциональное, неточное название, потому что большевизм - это термин скорее литературный, чем политический.

Сегодня дать этому явлению определенное название. Но сегодняшние коммунисты стоят на суперпатриотических событии и это очень точно согласуется с новой концепцией, новой теорией, которая сейчас вылупляется из голов наших искренних патриотов. Большинство из них атеисты и лишь отдает дань церкви, демонстрируя, что они не враждебны христианству и православию. Они и вне церкви, он они хотят быть идейными, во что-то верить, быть убежденными, им не нравится тот меркантильный дух, который вторгся в нашу страну вместе с перестройкой. Этих людей нельзя просто так оттолкнуть, сказа, что они подпевалы большевистской идеологии. Это люди искренние.

Сомневаюсь, что до решающих выборов мы сможем чем-то ответить на сложившуюся ситуацию. Третей силы нет, поскольку нет идеи. Государственность? Это сегодня исповедуется всеми. Россия? Все говорят сегодня о России.

Те, кто ощущают в себе потребность творческого осмысления действительности, не должны просто ругать коммунистов и коммунизм. Можно провести десять совещаний и обсудить как плох был коммунизм. Сегодня нужно смотреть на чем и что вырастает из коммунизма. Это не просто “колбасная концепция” - зарплату не платят, кушать нечего. Хотя это тоже существенная причина для социализм. Но есть и другая. Часть населения привыкла быть идейной и им по душе отвратна психология накопительства, стяжательства, погони за процентами.

Атеистическая часть нашего народа потенциально будет склоняться к тому или иному изощренному и виртуозному варианту социализма.

Михаил Астафьев

Выступление Леонида Бородина созвучно моему ощущению проблемы. Сегодняшнее наше собрание началось с лобовой атаки на коммунизм. На мой взгляд (мне легче об этом говорить, что я и прежний период не был коммунистом) это не очень убеждает нашего среднего гражданина, который слышал то же самое по телевидению из уст очень развязных и бесчестных людей.

Я не хочу сказать, что наши первые докладчики пользовались теми же приемами. Но я хочу подчеркнуть, что лобовая атака на коммунистическую идеологию продолжается с 1991 года - практически пять лет. при этом высказано много верных тезисов, но человеческое сознание таково, что мы иногда упускаем суть и остается только эмоциональный фон - кто говорил, когда и как. Известное свойство русской души сочувствовать гонимым

распространяется и на порицание коммунистов. Чем больше их ругают, тем больше на эмоциональном уровне к ним возникает сочувствие. Сколько бы мы не метали в них стрелы на наших очень узких совещаниях с весьма нешироким освещением в средствах массовой информации, гораздо больше будет сказано против коммунистов по телевидению. Люди привыкли к этому, и у них уже отключается сознание для восприятия этих аргументов.

Проблема, затронутая Леонидом Ивановичем очень сложна. У людей есть потребность в идеале. Рядовые коммунисты, утверждая, что они материалисты, не верящие ни во что, не данное нам в ощущениях, вдруг обнаруживают тягу к символике - красные звезды, серп и молот, смена флага. Все связанные с этим вопросы для них чрезвычайно болезненны. Это доказывает, что здесь имеется элемент псевдорелигии, стремление к квазидуховности. При этом неприятие нынешней власти и средств ее пропаганды возникает именно на уровне нравственном.

Это можно отнести к той самой “преображенской революции” в которой мы с Виктором Аксючицем весьма активно участвовали. Что касается революционности, то ее можно сравнивать разве что с Февральской революцией, в том числе и по вовлеченности народных масс. Это была чисто московская разборка, а провинция осталась к ней полностью глуха. Как мы теперь знаем, все народно освободительные движения в Прибалтике, Азербайджане и проч., занимались тем, что прятали пишущие машинке, но не организовывали сопротивления.

Получилась так, что идеи этой “революции” были перехвачены людьми крайне безнравственными. Когда они сейчас в средства массовой информации несут свое видение событий, им не верят изначально, видя ложь, которая даже не ограничивается даже периодом до 1991 года. Если сегодня приводится пример продажной интеллигенции тех времен, то сегодняшняя продажна куда ы большей степени. Если в сталинское время человек, не подписавший какое0то письмо рисковал довольно серьезно, то нынешних интеллигентов никто не загонял в Бетховенский зал Большого театра и принимать постыднейшее постановление или подписывать постыднейшие письма о необходимости чистки судов и прокуратуры через два года после “победы 1993 года”. Под этим письмо поставили подписи сто человек. Именно эта безнравственность и лживость вызывает отторжение.

Цель нашего сегодняшнего собрания состоит в том, чтобы найти различия между православным пониманием государственности и коммунистической державностью.

Просматривая газету “Советская Россия” я, как и другие, замечаю хаос и эклектику. Мы читаем то цитаты из Ленина, представляемые как идеальные модели решения всех проблем, то статьи, с которыми вполне можно согласиться. Можно подумать, что коммунисты, находясь в оппозиции, хватают все, печатают любые концепции, не имея внутреннего стержня. Где тот стержень, вокруг которого у коммунистов строится идеология государственности? Его не обнаруживается и это само по себе очень опасно.

Если мы говорим снова о концепции интернационализма, вопрос сводится к тому, чтобы воссоздать тем или иным методом СССР любой ценой, немедленно и на любых условиях опасно. То, что было в СССР хорошего уже утрачено, а плохое может быть сейчас воссоздано. Мне это проще говорить, поскольку я всегда был противником разрушения СССР.

Православное понимание державности зиждется на духовном стержне. Государство не должно быть образованием, где присутствуют все идеологии, дуют все ветры, а секта АУМ-синреке так же досточтима, как и Русская Православная Церковь. Это как раз либеральное понимание, которое нам навязывают.

Здесь были сделаны очень интересные заявления лидерами “третьей силы”, которые после этого тут же ушли. Если говорить от имени пятых, шестых и седьмых сил, то я бы сформулировал такую проблему. Если есть большой клин сил коммунистических и сил либеральных, то третьей силой можно считать патриотическое движение. Если вы выходите из недр патриотического движения, то сама концепция какого-то творческого диало-

га с Григорием Явлинским становится весьма спорной, ибо он является наилучшим олицетворением ныне правящей силой. А вот Борис Ельцин уклонился, стал своего рода оппортунистом. Нам была представлена “третья сила” в варианте 1991 года.

Владимир Махнач

Я собираюсь отстаивать то, что один из основоположников единственно верного учения назвал “готтентотской логикой”. Говорить я буду об аспектах внешней политики, а о внутренней только в той степени, насколько она меняет границы осуществления власти русским народом и другими православными народами.

Существует политика Поместной Церкви в интересах христиан данной местности. И существует политика Вселенской Церкви в интересах всех ныне живущих христиан, а также и тех христиан, которые будут жить. Церковь надпартийна, внепартийна (она целая, а партия - часть), но политична. Поэтому я точно знаю какой счет я предъявляю коммунистам - абсолютно лобовой.

Если где-либо жили православные христиане, а потом жить перестали - это однозначно зло, и меня не интересует здесь ни “мировой заговор”, ни что-либо подобное. Если же стали жить православные христиане там, где раньше не жили - это добро. Это и есть вариант “готтентотской логики”.

Со мной Кирилл и Мефодий - просветители славянские, ибо Константин-философ - будущий Кирилл - однажды так и сказал, полемизируя с мусульманами: “Мы за мир, но будем драться с вами мечом, потому что иначе вы наших братьев принудите отказаться от истинной веры”. Вот и совершенное оправдание христолюбивого воинства и праведной войны.

Теперь посмотрим на безбожную революцию. Февральская и октябрьская революции - это вообще одна революция, но именно большевистский режим, выведя Россию из победоносной войны, не только лишил нас заслуженных плодов победы, но лишил нас возможности избавить от чрезмерного унижения Германию, чем готовился будущий гитлеризм.

Если и другой пример - Турция. В 1916 году были подписаны секретные параграфы послевоенного расчленения Османской империи. Предательский удар большевиков в спину русской армии спас для турок будущее запланированное греческое Траперзундское государство вдоль южного берега Черного моря, спас для них Великую Армению до озера Ван и предотвратил утрату европейской части Турции, которую она как азиатская страна и должна была утратить. Кипр, к сожалению, доставался подмандатно Англии. Но мандат в Сирии мы должны были осуществлять вместе с французами, и хотя Палестина становилась подмандатной Великобритании, Россия должна была стать одним из трех протекторов Иерусалима.

Чем кончился вывод России из войны большевиками. Ливан был искусственно изъят Францией из Сирии - такого исторического государства не было - по местам преимущественного обитания католиков в ущерб православным сирийцам, в Палестине было организовано так называемое государство Израиль. Христианское государство не могло бы признать Израиль из-за названия, ибо для любого христианина Церковь - новый Израиль. Мы также не осуществляли протекторат над Иерусалимом.

Последствия известны - государство Израиль оккупировало арабскую палестинскую территорию. Но Палестину надо было причудливым образом разделить на государство еврейское и арабское. Это примерно как сейчас в Боснии - сербы воюют с мусульманами! Ведь еврей - это религиозная общность, а араб - этнос. Почему же тогда деление произошло не на государство еврейское и мусульманское государства? Это следствие того, что Россия не осуществляла протекторат в Палестине.

В 1921-1922 Кемаль-паша, начинающий Ататюрк воюет с нашими многовековыми союзниками греками и дашнакским армянским правительством. Вечная защитница армян и греков Россия наносит прямой военный удар в спину дашнакскому правительству и фи-

нансовый удар в спину грекам, предоставляя колоссальный золотой заем Кемалю. Кстати, за счет изъятия. церковных ценностей. Результат - греки теряют сектор Смирны, а Турция приобретает тот опасный геополитический характер, который она имеет сейчас.

Большевистский режим всегда был западничеством.

Посмотрите как ведет себя Советская Россия, а потом Советский Союз по отношению к этносам. Российская Империя никогда не стремилась владеть Туркестаном, лишь осуществляя там свое влияние. территориальный захват Туркестана - это число советское деяние. Это не Россия, здесь территории ее вассалов - эмиратов. Зато какая трогательная нежность к Прибалтике, где живут захолустные ошметки западного “цивилизованного мира”. Там в государства превращаются немецкие оккупационные зоны 1918 года. Более того, ни один латышский националист не осмеливался помыслить о том, что Латвии достанется Латгалия, но ее подарил им первый лидер большевистского режима. Теперь Латгалии будто бы и нет, хотя исторически это орденские земли, потом - три великих герцогства.

Как проходила нарезка республик и автономий нам известно. Она проводилась не только антирусским способом, что мы видим на Украина, в Казахстане (области четырех казачьих войск), в Прибалтике, но и постоянно антиправославно. В силу этой причудливой нарезки у нас еще в 80-е годы появились мусульманские народы и даже мусульманские республики в составе СССР и России, и до сих пор не появилось ни православных регионов, ни официально признанных православных народов. Зато все это стало фразеологией политиков, журналистов, демонстрирующих последовательное антиправославие.

Сталина время от времени подозревают в восстановлении имперской внешней политики. Легко продемонстрировать ложность этих подозрений. Например, Сталин дарит Чехословакии Пресшовскую область, не позаботившись о том, чтобы русинам этой области была дарована та самая автономия, которая была им обещана еще в 1918 г. Сталин дарит Холмщину и Белостокское воеводство полякам. Теперь это целиком ополяченные территории, больше там нет русских православных людей. Сталин, кроме того, дарит Литве не только Виленский округ, но и два района Белоруссии.

Как можно оценить весь этот конгломерат решений? Как последовательно антирусский! А ведь русские - стержневой православный этнос, опора империи, если таковая будет, и опора Церкви.

“Великий советский патриот” Сталин ухитрился создать сверхугрозу на Дальнем Востоке, небрежно подарив режиму Мао Маньчжурию, Внутреннюю Монголию и Тибет. Мог бы хоть народно-демократические Маньчжурскую и Монгольскую республики создать!

Обратим внимание насколько антиправославными были социалистические режимы в Восточной Европе. У Сталина была возможность улучшать отношения с греками и опираться на прорусские настроения в Сербии. Но это его не интересовало. Его интересовал коммунистический лагерь. В результате антиправославный режим и последствия деятельности режима Тито мы имеем сейчас. В том числе и искусственность нарезки территории. В данном случае меня не интересует был ли Тито действительно хорватом или хорватским евреем. Меня интересует его политика. Она антиправославна.

Антиправославной оказалась политика Венгерского коммунистического правительства, что все давно забыли? Казалось бы, там православных мало, это католическая земля, а вот — посмотрите. По соглашению церковных кругов Венгрии с венгерским режимом Кадора в государстве было оставлено десять религиозных школ, остальные сделаны атеистическими. Из этих школ восемь были римо-католическими, одна реформатская, одна иудейская гимназии. А ведь православные в Венгрии есть! Чем же реформаты и иудеи оказались выше православных? Если бы в этой ситуации последовал хотя бы тихий голос из Кремля, такая школа была бы.

Коммунистический режим упустил возможность улучшить свое геополитическое положение в момент оккупации турками части Кипра. А ведь у нас руки были развязаны

тем, что в противостоянии участвовали две страны НАТО, плюс у нас был формальный повод вмешаться - присутствие на Кипре третьей по численности кипрско-армянской общины.

Вторая мировая война была счастливым образом использовала инстинкт этнического самосохранения. Если бы нам противостоял не нацистский режим, а любой другой - монархический, республиканский, даже фашистский - мы проиграли бы войну за несколько месяцев. А так оказалось, что после всех кровопусканий коммунисты смогли сказать, выражаясь фразой одного лесничего: “Вставай, русский дурак, и защищай нас!” Теперь же без единого выстрела мы раздариваем те регионы, которые обошлись примерно в 27 миллионов жизней русских солдат.

Последний акт коммунистической группы в Думе - акт о денонсации Беловежских соглашений. Они очередной раз навредили и православным, и русским. Дело в том, что беловежское упразднение СССР де-юре восстанавливало ситуацию до 1922 года и законными становились границы Российской Империи. Де-факто мы их получить не могли, но могли бы на этом стоять де-юре. Коммунисты, даже бессильные, лишившиеся власти очередной раз предали православных и русских людей.

Они могли бы искупить свою вину, но тогда им надо было бы всем добровольно записаться в штрафные роты и идти отвоевывать для русских и православных, то, что они у нас украли.

Евгений Никифоров

Мне хотелось бы остановиться на причинах явной неудачливости нашего национально-патриотического движения. Многие разводят руками и это напоминает старый анекдот про чукчу, который с уверенностью берется за скальпель и пытается делать операцию. У него не получается. Почему? Не получается - и все. Точно так же и у нас. Вроде бы мы все бородатые, вроде все в традиционных поддевках, вроде и с иконами ходим, а народ нас почему-то не принимает.

Здесь главная причина в том, что, пропагандируя православие, мы забываем о самом главном. Народ отпал не от православия, народ отпал от Бога — это самое важное.

Отпадение от Бога и сознательно возведение стены между Богом и человеком во всех сферах нашей жизни продолжается. Пока мы не заметим, что это происходит, не будет поставлен настоящий диагноз и, соответственно, нет будет назначено и надлежащее лечение.

Недавно очередной скандал возник вокруг нашей православной гимназии. Казалось бы, лучшая гимназия, одна из лучших негосударственных школ в России, самая большая. Но некая Софья Михайловна Пипман в департаменте образования вдруг через шесть лет после возникновения гимназии вспомнила, что был ленинский декрет об отделении Церкви от школы. Это вспоминается и начинается нервотрепка, в результате которой нам отказывают в аккредитации.

Это связано с тем, что стоящие за всем этим люди ясно понимают свои цели - для того, чтобы разрушить русского человека, нужно школу оторвать от источника бытия, который есть Бог.

Именно о Боге нужно говорить. Хотя хорошо говорить и о культуре, традициях, нашем образе жизни - это необходимое, вечное. Но не нужно забывать о самом главном - о Боге. Если мы вернемся к Богу, все будет хорошо. Хотя и есть искушение, как у лягушки-путешественницы, сказать правду-матку, но, скрепляясь, понимаешь, что нужно работать прежде всего на ниве духовного просвещения нашего народа.

Если мы восстановим связь школы и Церкви в духовном смысле, если мы просветим наш народ, тогда начнется возрождение России. Пока же не стоит утешаться золотым главам Храма Христа Спасителя. Хорошо конечно, что кто-то противостоит распаду и строит на века. Но не нужно утешаться. Для храмов нужны прихожане. И не те, что будут ходить туда по обязанности или по идейным соображениям.

Дмитрий Рогозин

К сожалению, пафос Владимира Леонидовича Махнача мог бы быть вложен и в уста Геннадия Зюганова при некоторой корректировке оценок, терминов и интонаций. Действительно, посмотрите о чем говорят, на чьем поле работают сегодняшние "демократы" и сегодняшние коммунисты? Порой они высказывают идеи очень близкие к тем, которые звучат в этой аудитории.

Сегодня я порадовался за Сергей Глазьева, когда он заговорил о необходимости "третьей силы". Но речь идет о том, что даже "второй силы" в реальности не существует. Нет более страшной гражданской войны, чем между первыми и третьими секретарями ЦК КПСС. Именно эта война происходит на наших глазах, а мы удивляемся, что у России сейчас нет выбора.

Кто такие "демократы"? Ведь обвинение их в большевизме - не просто яркий публицистический оборот. Это те же коммунисты, истинно преданные своему делу. Поняв, что двигаться дальше прежним манером невозможно, они постарались окончательно унаследовать тот капитал, который был изъят в 1917 году. С кем боятся сегодня эти продолжатели коммунистического дела? Они борются с третьими секретарями, которые не успели к этому разделу капитала, но хотели бы успеть и сегодня надеются сколотить собственную силу. Даже риторика Зюганова и Купцова сводится к тому, что они разберутся между собой, с Анпиловым и другими силами. Главное, о чем они сегодня говорят - национальные интересы, "русская идея" (даже книжка с одноименным названием вышла) , православие. А что говорят "демократы"? Они каждый день показывают себя по телевизору разрезающими красные ленточки перед новыми храмами, они говорят о защите соотечественников в ближнем зарубежье, о том, что надо создать класс отечественных предпринимателей, противостоящий западному засилию на российском рынке.

Можно сказать, что мы теряем инициативу, давно ее потеряли. Все идеи, которые сегодня звучат в политических аудиториях, это наши идеи. Говорить сегодня о "третьей силе" сегодня невозможно. Я уж не говорю о том, что Григорий Явлинский совсем не вписывается в эту когорту. Тем не менее, говорить о "третьей силе" в условиях, когда нет даже "второй силы", которая действительно могла бы заявить о себе именно как о силе, нелепо.

В вспоминаю октябрь 1992 года, когда я вносил запрос в Конституционный Суд о неконституционности беловежских соглашений. Этот запрос был потом поддержан группой депутатов ВС РФ на VII Съезде народных депутатов. Почему-то тогда я не видел активности по этому вопросу от Коммунистической партии Российской Федерации. Они могли бы поддержать этот запрос или, как минимум, добиться выполнения Закона о Конституционном Суде, который требовал рассмотрения внесенного вопроса в течение полугода. Вопрос не был рассмотрен. Сегодня же он поднимается в рамках политической кампании.

Кстати, я не хочу сказать, что соотечественники, которые оказались в результате беловежского сговора заложниками этой ситуации, очень симпатизируют коммунистам. как раз наоборот. Об этом говорит, например, судебный процесс против русской общины Севастополя. Против русской общины судился Мороз и другие украинские социалисты, которые сегодня проводят политику удушения русского движения на Украине. Кто сегодня возглавил все эти национальные республики — Казахстан, Узбекистан и другие? Это те же самые люди. Поэтому инициатива КПРФ будет поддержана. В измененном виде идея воссоздения Советского Союза будет принята, потому что она лишний раз закрепляет существующие границы и закрепляет власть за теми людьми, которые сегодня руководят обломками СССР.

У нас интересная дискуссия и Православное политическое совещание имеет огромное значение, но вопрос в том, как перевести наши оценки ситуации в организационные действия. Мы страдаем отсутствием организации. Там, где у нас нет своих людей, мы

всегда будем проигрывать. Необходимо работать не только в этой аудитории, но и с общественным мнением. Иначе мы окажемся сектантами, которые лишь оплодотворяют своими идеями демократов и коммунистов.

Валерий Шленов

Все горят о третьей силе. На самом деле мы - единственная сила, а все остальное - вихри, фракции одной расколовшейся силы, которая была номенклатурной. демократы говорят, что Ельцин не может справиться с номенклатурой, то же самое говорят и коммунисты.

Если поглядеть на социальный фундамент, то в этих вихрях веет одно и то же. Причем безнадежность, в которую мы впадаем, смешна. Ибо сила, сконцентрированная в этих вихрях, уже потерпела духовное поражение. В сложившейся ситуации равновесия она могла бы еще лет сто пятьдесят находиться. Азарт, правда, оказался выше соображений стабильности, поскольку появилась возможность разделить собственность.

Если в каждом русском человеке есть храм Божий, путь разваленный, но есть, если его хотя бы чуть-чуть обновить, то это уже будет совсем другое состав.

Россию границами все равно не разгородишь. Наши эмигранты к 1937 году в Париже становились православными патриотами. Раньше они никакими белыми не были - были только чуть-чуть розовыми.

Мы сейчас все оказались отчасти за границей. Ну и слава Богу. Может быть от этого мы, наконец, придем в себя.

Василий Моров

Меня всегда очень смущают разговоры о том, что в советское время мы имели дело с государственностью на территории России. Кто бы объяснил, что это была за своеобразная форма государственности. Формой реализации сатанинской власти была, а государственности не было! Если ответственно относиться к этому понятию, как оно сложилось в традициях европейской культуры, идущей от Солона, то государственность предполагает воплощение ценностей права в органически сложившемся строе народной жизни. Когда это коммунисты уважали органический строй народной жизни, когда они уважали право?

Я берусь доказать, что правовые новации, правовые системы коммунистов строились таким образом, чтобы из своего контекста можно было вывести все, что угодно. Сохранялась только монополия на интерпретацию этого права.

По сей причине можно ли называть советскую технологию власти государственной властью - большой вопрос.

Что касается нынешней патриотической мимикрии. Наши политики все собираются с чистого листа творить. Мне же кажется, что у нас тысячелетняя история, великая культура и государственность. Как же тут с чистого листа? Так вот, можно быть патриотом исторической России, а можно быть патриотом идеологического оборотня. Этот оборотень - советский патриотизм, агрессивно не принимающий любые формы противостояния выработанной советским режимом технологии власти.

Следуя устоявшемуся шаблону, усвоение и избирательное пестование этого благоприобретенного рефлекса в случае победы коммунистов на выборах объявят вселенским заданием России.

Нужно оставлять разглагольствования а-ля-Бабурин: “Великая Россия возродилась в форме СССР.” Что возродилось? С моей точки зрения великая Россия своих государственных традициях и государственных институциях в советское время не могла возродиться.

Сегодня у нас происходит тотальная профанация, профанизация национальной идеи. У нас постоянно идею русского патриотизма подменяют идеей определенного типа власти. До тех пор пока мы отчетливо не разделим эти две составляющие - патриотизм

власти и здоровый патриотизм, пока мы не поймем что такое русская государственность и что такое технология власти, мы вперед не двинемся.

Наталья Нарочницкая

На православном политическом совещании мы должны ставить вопрос не только в плоскости противопоставления идей марксизма-ленинизма православию. Здесь нет противоречий между нами. Проблема в том, насколько на разных этапах исторического развития наше государство было носителем этих сил мирового зла, направленных против русского и православного, почему вдруг на определенном этапе мировые силы зла перестали поддерживать Советское государство, как делали они это? Почему антирусское и антиправославное государство объявили “империей зла” именно тогда, когда историческая Россия начала прорастать сквозь советскую государственность? Кто является сейчас главным инструментом сил мирового зла и в какой мере нынешняя КПРФ является носителем зловещих черт марксизма-ленинизма?

Если мы ответим на эти вопросы, мы сможем положительно воздействовать на сложившуюся политическую ситуацию, реально указать где наши враги. Нужно разделять, особенно православным, грех грешника, силы мирового зла и их инструменты, которые изменяются с течением времени. Я сомневаюсь, что нынешняя КПРФ является носителем мирового зла.

Отвергая несостоявшиеся доктрины, нельзя позволить себе опуститься до греха библейского Хама и глумиться над жизнью трех поколений отцов - честных и бескорыстных людей, которые в тяжелейших условиях (кстати, и потому что Господь попустил) жили, любили, страдали, заблуждались, воевали за свою страну. Не судите, да не судимы будете! Он грешили, мы грешим.

С экранов телевидения доносится хор глумления не над тем, над чем и надо было бы поглумиться - над этим они глумиться не могут, потому что они исповедуют тот же воинствующий космополитизм, антиправославие, антирусское. Они глумятся над тем, над чем глумиться стыдно.

Сейчас под флагом либерализма и прав человека сделали именно то, что было задумано большевиками - пламенными революционерами. Просто тогда у них руки оказались коротки - та Россия была еще слишком могучим монументом. Современная Россия уже не справилась бы с таким вливанием зла.

Национальная доктрина в установках кандидатов в президенты России

Наталья Нарочницкая, Всероссийский правый центр

Ощущается отсутствие в политике православного политического крыла.

Что есть государство, нация в собственной и мировой истории ни либерально-западническое, ни коммунистическое ничего вразумительного не дает. Они даже смыкаются между собой в понимании мира, как развивающегося стадийно по единому образцу. Либеральная доктрина видит впереди вестернизацию России под эгидой мирового “цивилизованного” сообщества, где все нации, отбросив свои “архаичные”, “имперские”, “фундаметалистские” воззрения придут к западному образу жизни. Марксизм использует формационный подход, во многом аналогичный либеральному. Лидеры нынешней КПРФ об этом предпочитают не говорить и готовы были бы избавиться от этих догм, но в силу политической конъюнктуры не могут себе этого позволить.

Обе доктрины ведут к тому, что все богоданное многообразие мира, в котором каждая нация, получившая дары святого духа и претворившая их, по-своему ищущая путь к истине, исчезает. Мы, русские видим утрату своих корней, истоков, духовной миссии (а следом за ней и геополитическую миссию, которую Россия выдерживала в течение нескольких веков). Русские перестают быть субъектом собственной, а значит и мировой истории, а историческое государство Российское, особенно в результате XX столетия, к концу века приходит к разрушению и мы не видим признаков его подлинного восстановления и приобретения импульса к полноценному государственному бытию.

Исполненные драматизма и утрат годы поставили вопрос о разработке фундаментальной национально-государственной доктрины, которая решала бы проблему исторического и государственного продолжения целей и ценностей русского национального бытия и продолжения национальной истории России.

Успешная государственность создается не общечеловеками и не интернационалистами, а национальными героями, следующими национальным идеалам. Этим идеалам соответствуют самопрозвания. У русских общественным идеалом, и одновременно, самопрозванием стал идеал Святой Руси.

Нация — это не народонаселение, не совокупность граждан, не гражданское сообщество индивидов (общечеловеков хомо-глобалис, освобожденных от самоидентификации по духовным и религиозным, историческим и государственным, семейным признакам). нация — это преемственно живущее коллективное целое, связанное с духом, миропониманием, общими представлениями о добре и зле, историческими переживаниями. Если это исчезает, то нация, как субъект мировой истории, который несет свой ответ на главные вопросы бытия, исчезает, а государство разрушается.

Материя без духа не способна творить историю. Только одухотворенная национальная идея державотворящего народа наполняет целями и ценностями географическое пространство, делает его живым организмом и устремляет его в будущее. Мы видим, что сами по себе материальные, экономические ценности, территория, оружие, не являются политическими факторами, не имея за собой духовного импульса. Об этом свидетельствует международное унижение, которое испытывает Россия, обладая целым рядом факторов материального плана.

Постановка вопроса о том, что же есть Россия, в современной государственной деятельности отсутствует. Нет даже намека на понимание, что любая государственная доктрина (концепция экономики, политическая концепция, концепция национальной безопасности и пр.) имеет философскую основу, исходит из определенного понимания мировой истории и своего места в ней.

Проблема возрождения России и устремление ее в будущее — это проблема выживания русского державного народа в мировой истории, восстановление его роли как субъекта мировой истории. Требуется найти новые современные формы обретения государственности, которая продолжила бы русский православный замысел. Мы же видим, что из-

биратели проявляют удивительное равнодушие к постановке такого рода вопросов. От этого предпочтение отдается либо коммунистам, либо либералам-западникам, а патриоты всех мастей на последних выборах провалились, остались невостребованными. Сказанного за последние годы так много, что имеющий уши мог бы услышать. Но этого не происходит.

Следовало бы подвести итог потерь и поражений русского народа на рубеже веков.

Во всем христианском мире нет, пожалуй, другого такого народа, который бы так отчетливо демонстрировал исполнение библейских пророчеств о народе Божием с его грехопадением, обретением истины и ее утратой. Пока наш народ демонстрирует, несмотря на все его взлеты и падения, что есть соборная народная душа.

Триединство духа, души и тела народа — его вера, культура и национальная государственность. По состоянию этих ценностей на пороге XXI века можно сказать, что русский народ находится в состоянии национальной катастрофы. 25 млн. наших соотечественников лишены национальной государственности и превращены в национальные меньшинства, не сойдя со своей исторической земли. Культура народа, основанная на православном понимании мира, православной нравственности — быт, взаимоотношения между мужчиной и женщиной, родителями и детьми, трудовые отношения, нравственные мотивации к экономической деятельности, основанные не на протестантской этике, а на отношение к ростовщичеству как к греху — все это подвергается второму разгрому на протяжении XX века. Православная вера, тяга к которой налицо, но роль православия в общественной жизни подвергается искажениям. Мы не можем добиться того, чтобы православная вера была принята в государстве как нравственная основа русского народа. Очередной всплеск неообновленчества поддерживается либеральной интеллигенцией, чем совершается посягательство на Предание — на живую конкретную историю народа, получившего дары Святого Духа, историю русского народа в Боге.

Из всего этого вытекает и концепция национальных интересов. Ведь физическая безопасность нужна только для того, чтобы беспрепятственно воспроизводить из поколения в поколение присущие своему народу цели и ценности национального бытия и продолжать свою историческую национальную жизнь. Разложение национального самосознание есть причина разрушения национальной безопасности. В отсутствие национального самосознания невозможно найти согласия ни по одному вопросу внешней и внутренней политики. С такой нацией можно делать все, что угодно. Вопиющее равнодушие, безмолвие русских людей по отношению к потерям таких исторических святынь как Севастополь, к позору Буденновска, к продвижению НАТО к границам России говорит об этом.

Главное — вопрос о судьбе русского народа в мировой истории, что он может предложить другим народам и себе самому. От этого зависит захотят ли другие народы быть вместе с ним. получать из рук русских вторичную американщину никто не захочет.

Посягая на божественный замысел о многообразном мире концепция единого общечеловеческого мира крушит в гибельном всесмешении цивилизаций, из хаоса которого выходит князь тьмы. Противопоставить тому мы можем только концепцию мира как гармонии многообразия. Мир един лишь в том, что никто не может позволить себе проводить политику национального эгоизма.

Дмитрий Рогозин, Конгресс русских общин

На Всемирном русском соборе, состоявшемся в декабре 1995 года я с удивлением обнаружил в зале таких политических деятелей как Гайдар, Шумейко, представители КПРФ, Аграрной партии и других. что заставило их прийти в это святое место и почему они смогли выступать не стесняясь произносить слова, которые мы раньше произносили в узком кругу.

Сегодня на тему патриотизма, национальных интересов говорят практически все, даже пренебрегая своими политическими программами, перебегая на сторону российского (русского) патриотизма. Помимо чисто конъюнктурных соображений здесь есть своя ло-

гика. Она состоит в том, что любая политическая сила, находящаяся во власти, неминуемо эволюционирует в сторону национальных ценностей, национальных интересов, потому что иначе она подрубит сук, на котором сидит. Будучи во власти нельзя полностью отречься от национальных интересов.

Национальную доктрину следовало бы рассматривать в следующей логической цепочке: через решение русского к обеспечению национальной безопасности, от решения проблем национальной безопасности — к решению вопроса об обеспечении международной безопасности.

Я воспринимаю русскую идею как идею ответственности великого русского народа за сохранение уникальной российской цивилизации, способной играть ключевую роль в духовном и материальном развитии человечества.

Русский вопрос можно обсуждать в двух планах — проблема соотечественников за рубежом (17.4% русских — такого рода потери не имел ни один народ), место русских в Российской Федерации, их роль в принятии решений, в государственных институтах, восстановление государствообразующей роли русского народа. Это не только полемические вопросы. Речь должна идти о серьезной конституционной реформе.

О русскости и русских нельзя говорить в отрыве от реальной экономической ситуации, в которой оказался русский народ. Можно долго говорить о восстановлении русских национальных корней, о восстановлении русской национальной истории в то время, когда в то время, когда русские едят комбикорма. Можно ли всерьез рассуждать о русском вопросе когда средняя продолжительность жизни в России упала в течение короткого времени более чем на 10 лет? Можно ли говорить о возрождении русского самосознания, когда в Чечне формируется очаг мятежа, допускается изгнание русских со своей земли, а потом с помощью русских солдат исправляются грубейшие политические просчеты?

О русском самосознании можно говорить лишь в связи с целями проводимых в России реформ.

При подходе к построению национальной доктрины необходимо рассмотреть такие вопросы:

1.Механизм принятия и исполнительных политических решений в России. Старый механизм, основанный на всесилии КПСС, обязательности решений, партийной дисциплине разрушен. Выдернут и стержень Комитета государственной безопасности. Поэтому государственность и была рассыпана.

2.Реформа государственности. Что представляет собой Российская Федерация, насколько возможно ее членение, что такое политические субъекты Федерации? По всей видимости, эти субъекты должны быть политически и экономически едины вне зависимости от своего этнического состава. В экономических взаимоотношениях необходимо принимать во внимание разнообразие российских регионов.

3.Проблема восстановления самоуправления. С его помощью можно решить массу проблем.

4.Защита гражданина Российской Федерации вне зависимости от места его проживания или пребывания в настоящий момент времени. Россия должна следовать международному праву и практике других государств в этом вопросе. Надо понять, усвоить и законодательно закрепить, что посягательство на жизнь и достоинство российского гражданина должно быть приравняно к посягательству на безопасность государства. Меры по защите соотечественников должны носить профилактический, превентивный характер и рассматриваться как меры самообороны. Необходимо принять решение о неизменности российских границ. Их изменение должно решаться только на референдуме.

5.Укрепление гражданской ответственности за участие в формировании власти и деятельность государственных институтов. Необходимо восстановление обратной связи между народом и государством. Если в Конституции записывается, что народ — источник власти, то давайте дадим ему возможность эту власть контролировать.

Национальная идея демократична по своей сути. Но и сама по себе демократия в России должна быть национальной. Дальнейшие реформы в России должны проводиться национально ориентированными силами.

Марк Масарский, помощник Президента РФ

Необходимо уточнить некоторые исходные понятия, которые звучат, меняясь знаками — народ, нация, этнос.

В западных традициях нация шире народа. нация — это государственно оформленные народы. Американская нация и американский народ — это практически одно и тоже. Но когда говорят "народы", предполагают этнические корни. У нас же слово народ несет скорее политологический смысл. Оно используется тогда, когда хотят включить механизм репрессий, войны и революции. Это опасная идеологема, если она внедрена в массовое сознание наряду со словами "равенство", "справедливость" в их агрессивном звучании.

Почему-то очень редко используются слова "граждане", "сограждане", "россияне". Когда в многонациональной стране начинают педалировать слова "русский" вместо "российский", каждый, кто имеет какие-то этнические изъяны в этом смысле, начинает вздрагивать и думать — государство, которому он платит налоги, которое должно защищать его, как и любого другого, государство, чьи аппетиты ограничены Конституцией, оно станет национальным?

На последних выборах националисты не получили ощутимого количества голосов. Это свидетельствует о том, что национализм имеет сырой порох. Но его можно высушить на огне страстей и страхов, внедрением образом "злого чечена", "хитрого еврея", "хитрого татарина" с его асимметричной федерацией.

Если мы не уточним исходные понятия и не вспомним своей недавний исторический опыт, мы рискуем повторить печальный путь.

Когда говорят, что были попраны национальные интересы в угоду общечеловеческим, то я сомневаюсь: когда это предшествующее государство думало и пеклось об общечеловеческих ценностях, об общечеловеческих ценностях — о праве на жизнь, о свободе передвижения, о свободе выбирать или не выбирать мировоззрение, идеологию?

В нашей Конституции записано, что государство наше социальное, но не народное, не национальное. Социальностью исчерпываются его обязательства, помимо государственных задач, выполнять функции некоего корсета для общества.

Общество наше еще не гражданское, и в пору неорганизованности государство превосходит это общество по силе на несколько порядков. Давайте уточним модель взаимоотношений современного российского общества и современного российского государства. Существует несколько парадигм — одна атлантическая, другая — евразийская. Атлантическая модель предполагает государство, подчиненное гражданскому обществу, ведущее свои корни из корпоративных времен, когда договаривались мятежные бароны, независимые города, замок и церковь... Тогда создавали на условиях компромисса и баланса интересов государство, подчиненное гражданскому обществу, дистанцированное от него. Гражданское общество возникает только тогда, когда ему противостоит правовое государство, а гражданин от него не зависит (как от работодателя или средоточия идеологии).

Мы еще в самом начале пути. Поэтому заданный сегодня вектор повлияет через десять тел гораздо больше, чем он повлияет в ближайший год.

Смею полагать, что не очень сильно разойдусь с президентов, если скажу, что он не намерен педалировать национально-этнический характер российского государства, но будет провозглашать и реально защищать некие национальные приоритеты российского государства.

Когда мы говорим о национальных приоритетах (в западной традиции), речь идет об интересах, адресованных внешнему миру. когда мы говорим о государственных интересах, просматривается их внутренняя адресованность, адресованность обществу — то есть, тот уровень изъятия крови, налогов, материальных ресурсов, которыми государство

обременяет общество. Чаще всего общество не спрашивают, в состоянии ли оно заплатить такую цену за державные задачи.

Когда скорбят по поводу потери СССР и с той же интонацией говорят, что по-прежнему попраны интересы русского народа, возникает вопрос, когда они были попраны в большей степени? Когда нависали фертильные многорождающие среднеазиатские народы и мы могли через некоторое время получить меньшинство русских, либо сейчас — когда Россия сжалась до уровня своего XVII века, когда малолюдность российской цивилизации стала еще более очевидной, но мы избавились от одного из рисков ускоренной модернизации — аграрного перенаселения (а опасность шла именно из Средней Азии), а постиндустриальное общество обладает ограниченной способностью поглощения избыточных трудовых ресурсов (индустриализация уже позади и не требуются великие стройки).

Если мы педалируем опасности, давайте уточним врага. Это государство, это другие народы? Давайте обозначим, как это делали нацисты, которые говорили, что все будет хорошо, если избавимся от евреев, через которых мировой капитал давит на Германию.

Какие национальные задачи (в этническом или историческом смысле) должно преследовать государство? Какие жертвы должно оно потребовать для реализации этих задач?

Давайте вернемся к исходным понятиям. Народ-суверен — понятие историческое, понятие кровно-родственное и племенное? Русские, как понятие историческое, — ведь это были не славяне, это было государство. Государственный народ и был русским народом. Вовлекаясь в государственные цели, которые соединяли вдоль великого пути “из варяг в греки”, давая государственный смысл славянско-угрско-финскому и тюркскому окружению, становились русскими. Кутузов и Суворов, несмотря на свои этнические корни, были русскими. Суворов говорил: “Мы русские — какой восторг!”

Мы сейчас снова начнем скрести эту тему и раздувать холодный пепел прошлого? Нам есть чем гордиться. Тысячелетнее российское государство, вспоминая свою историю и избавляясь от морока коммунизма, может в свой актив записать все, что происходило и в последние пять лет. Утверждать, что пришли злодеи, масоны, гайдары, которые изнасиловали русский народ?

Мне вспоминается Степан Злобин, который говорил: “Что мы за народ такой? Февральскую революцию нам устроили немцы с англичанами, на Октябрь жиды подлили, а мы — народ-богоносец — ни за что не отвечаем, как псих со справкой.” Что это за утверждение о том, что можно легко разрушить государство беловежским сговором трех лидеров? Не сработали никакие исторические тенденции, не провозгласили суверенитеты все республики, кроме России? Россия, кстати, из СССР не выходила и потом является правопреемником СССР.

Ельцин — человек государственный и системный, человек, занявший надпартийное (я бы сказал, бонопартийное) положение, не обзаведется никакой партийной средой, педалирующей национальную, социальную или партийную принадлежность. В этом его благо, его преимущество.

Настал период в истории России, когда нужно думать не о том как разделить ресурсы между народами, а как чрезмерные притязания государства в сфере прав человека, налоговых изъятий, посягательств на частную жизнь ограничить. Народ и государство должны быть в равной мере ограничены правом. Любые государства и народы есть категории философии права. В этом смысле право выше политики и текущих интересов предвыборной борьбы.

Всякие туркмен-баши умели консолидировать нацию, бросая национальные лозунги (в том числе и против русских), но это временная победа. На этой основе нельзя консолидировать государство. Например, китайское государство выжило, поглотив сянбийцев, тангутов, тибетцев, монголов-манчжуров... Где чжурчжени, где гунны — они в Китае! Даже этнический тип китайца предопределил северный Китай.

Поскребите русского, найдете татарина.

Давайте рассмотрим русских в государственном, а не в этнографическом ключе. Если мы говорим о русских, как о государствообразующей нации, то за это обеими руками проголосуют в Татарстане (где граждан называют не татары, а татарстанцы). Не надо народам тузить друг друга. Наоборот, гражданское общество надо создавать в равновесии с государственными интересами. Государство — это внешний скелет для общества, которое еще не обзавелось внутренним скелетом.

Рушится государство, рушится социальность от того, что после раскола истеблишмента (по социальному, конфессиональному, национальному) наступала смута. Если мы сейчас начнем с этого, то ничего, кроме смуты, мы не получим. Государство для русских — это еще одна республика внутри Российской Федерации.

Константин Затулин, Институт проблем диаспоры и интеграции

Поставлю вопрос: выдерживает ли Россия экзамен на общенациональную и надпартийную внешнюю политику?

Начну с того, что констатирую, что президент РФ в очередной раз не поехал на Украину. В условиях избирательной кампании неприятная правда о российско-украинских отношениях не оказалась помалеванной предвыборными поцелуями. Это симптом приближения к пониманию общенациональных целей и интересов. Далеко не во всех случаях Президент РФ и другие кандидаты на этот пост демонстрируют такое понимание национальных интересов.

Внешняя политика у нас всегда ходила в падчерицах у государства. Пожалуй, наиболее яркий представитель именно такой роли внешней политики — Андрей Козырев, много слов посвятивший защите демократии от коммунизма и тоталитаризма. Образно говоря, он тройку по основному предмету компенсировал пятеркой по внутриполитическому поведению. Будучи посредственным министром иностранных дел, он был влиятельным политиком во внутрироссийском масштабе и окружении президента. Сегодня Россия уступила Козырева Мурманску, но заложенная им традиция во внешнеполитической деятельности оказалась живучей.

В 1994 году мне довелось проводить парламентские слушания по об обстоятельствах распада Союза и возникновения СНГ. Результаты этих слушаний были доложены Государственной Думе в том же году. Тогда в рекомендациях нашего комитета мы писали, что беловежские соглашения необходимо признать трагедией, ошибкой, но предлагали не приступать ни к какой денонсации.

Для этого должны были быть три условия. Должно быть согласие всех ветвей власти, которые задействованы в процедуре в денонсации. В противном случае произойдет то, что произошло — вместо денонсации происходит кухонно-коммунальная склока между властями, в результате которой выигрывают недруги России. во-вторых, в России должно быть достигнуть межнациональное согласие и хотя бы относительный порядок. Если же мы оказываемся в условиях чеченской драмы, то любых сторонников интеграции с Россией обязательно будут шпынять, что подлинные устремления России — это забрать украинских, белорусских, грузинских детей на чеченскую войну. Третье обстоятельство, которое должно руководить теми, кто принимает подобные решения. Это наличие подходящей международной обстановки. Царская дипломатия, которая была не чета нынешней, потребовала 15 лет дипломатических усилий для того, чтобы денонсировать в одностороннем порядке невыгодные для России положения Парижского мирного трактата, подписанные Россией по итогам Крымской войны. Тогда внимание европейских держа в было отвлечено франко-прусским конфликтом, Россия сделала это так, что не пришлось ввязываться в конфликты, попадать в условия изоляции или платить деньги.

В современном варианте Дума родила “не то сына, не то дочь” — два постановления, в результате которых, как сказал Купцов, большое число людей получило моральное удовлетворение.

Необходимо признавать профнепригодными людей, которые при принятии решений видят во всем не национальные интересы, а моральное удовлетворение. В результате этого морального удовлетворения госсекретарь США Кристофер гарантировал территориальную целостность Украине, а Шеварднадзе, узурпировавший власть в Грузии, и Ниязов, прославивший Туркмению размахом дворцового строительства проявили беспокойство по поводу “наступления антидемократических сил в России”. Президент РФ тоже поднялся на последний и решительный бой с Госдумой, дав возможность телевидению поучаствовать во всемирной борьбе с призраком коммунизма. Телевидение, конечно, не заметило, что на второй день эта борьба превратилась в борьбу с интересами Российской Федерации, с надеждами соотечественников за рубежом. Этого не было бы, если бы вместо узкопартийных целей избирательной кампании в Госдуме задумались бы о последствиях разброда, порожденного этим решением.

Сегодня три вопроса являются существенными при рассмотрении угроз будущему России, ее безопасности. Это испытание Украиной, “каспийское нефтяное искушение” и результаты эксперимента по созданию независимого Казахстана.

Как человек, чей прапрадед ходил за плугом в Полтавской губернии, а сам он провозглашен персоной нон-грата в Крыму, могу кое в чем признаться. Я убежден в том, что при наличии суверенитетов российско-украинские отношения могут превратиться в сербско-хорватские. Поэтому как можно быстрее должен быть принят договор о дружбе и сотрудничестве с Украиной, именно договор, а не декларация о подтверждении границ Украины. Признание целостности Украины уже многократно состоялось. Договор должен определить в чем же состоит нерушимая дружба между Украиной и Россией. Пока ни дружбы, ни сотрудничества простонет. Мы имеем пятилетнюю хронику обманов, двуличия , слабости, необъявленных политических и экономических санкций против России, русского языка, любого влияния России на Украине. Мы имеем разброд ведомственной политики, отсутствие понимания собственных интересов и целей, отсутствие надпартийности и общенациональной позиции в делах с Украиной, приводящие к тактике постоянных уступок, умиротворения. Сегодня Россия является объектом экономического и политического шантажа.

Существует реальная цена, которую Россия должна была бы заплатить за союз с Украиной. Эта цена, возможно, подтверждение территориальной целостности и нынешнего статуса Крыма, возможно, признание фактического положения вещей в Севастополе, но эта цена не может быть уплачена безвозмездно. Условия для этого — договор между Украиной и Крымом, а потом между Россией и Украиной, это аренда Севастополя за символическую плату на длительный срок. Подойти к этому после стольких лет пораженческой политики невозможно, пока мы не поставим украинскую номенклатуру в положения, когда она поймет, что в России готовы рисковать и вести жесткий разговор.

При попытке добычи нефти на Каспие в нарушение всех прежних правовых режимов возникает ситуация, когда мы дождемся нефтяной реки из Азербайджана в Грузию и перспективу утраты всякого влияния в Закавказье. Здесь сталкиваются философия “нам хоть что-нибудь, хоть немножко” (“Лукойл” и наши нефтегазовые монополии) и философия национальной безопасности.

Мы дали президенту Назарбаеву консолидировать власть. Они дважды разогнал парламент, провел фальшивый референдум о Конституции и продлении своих полномочий. Сегодня он претендует на превращение Казахстана в действительно независимое государство. При этому “союз четырех” и прочие евразийские проекты — просто уловка, идеи которых представляют собой попытку всунуть троянского коня в процесс сближения России и Белоруссии.

Три нынешних геополитических вызова России — тест для любых программ на выборах кандидатов в президенты России.

Виктор Аксючиц, Российское христианское державное движение

Обсуждение национальной доктрины не актуальна для кандидатов в президенты, участвующих в сегодняшних выборах. Наличие этого элемент в их программах не влияет на вероятность победы. Тем не менее, эта тема актуальна стратегически и просветительски. Поэтому тема растаскивается в популистских выступлениях всех кандидатов.

Мы пришли из периода публичной политики в период византийской политики, когда большее влияние на ситуацию, оказывает не общественное мнение, а интрига, заговоры, акты насилия. Это подтверждается, например тем, что либерал-демократы создали все условия, чтобы на честных выборах победили коммунисты. Чем меньше шевелится сегодня Зюганов, тем больше у него возможностей выиграть. Социальная база его поддержки создана, психологический настрой — тоже способствует уравнительной коммунистической идеологии. Но проиграть на выборах команда президента не может, победит Ельцин. поэтому либо не будет честных выборов, либо выборов не будет вообще.

Если же все происходящее оценивать с позиций принципиальных. то не стоит забывать, что все изменения, начиная с 1917 года, происходят внутри правящего слоя. Это процесс мимикрии номенклатуры. Правящий слой, более чем искусственно выращенный вне национальной культуры и в искаженном социуме, меняет средства, но цели его остаются прежними — уничтожение русской православной цивилизации. Сегодняшняя либеральная демократия — этап перманентной антирусской революции. Если на каких-то этапах выжигали душу и дух, то сегодня перешли к уничтожению исторического тела России. Надо не забывать, особенно православным, что многое из происходящего вполне закономерно. Эти закономерности свидетельствуют о главном — что не произошло восстановления исторического самосознания, исторической памяти народа, не произошло его опамятования. Если народ не способен себя осознавать, значит он не способен и сопротивляться.

Создается впечатление, что эксперты, обслуживающие власть, остаются все теми же материалистами и атеистами. Они сохраняют представление, что великая российская государственность, русская культура создались в результате хаотичного столкновения исторических молекул. Для православных же очевидно, что великое российское государство создано русским народом — народом государствообразователем, народом державным. Другое дело, что этот народ создал уникальное многонациональное государство, в котором, в отличие от европейских государств, не уничтожались другие народы. Отличие состоит и в том, что определять русский народ чисто этнически невозможно, можно определять только религиозно-культурно-этнически.

Основной задачей национальной православной политики (не только на уровне составления программ, но и на уровне политического действия) состоит в совершении политических деяний, которые способствуют восстановлению исторической памяти и самосознания русского народа. Такого рода подход во многом будет и формой, сфера просветительства становится одной из самых главных. Важно сохранить и то немногое, что есть, консолидировать, воспитывать кадры.

Вряд ли стоит писать политические программы с чистого листа, делая вид, что не было попыток православных христиан в формулировали основ государственной политики России.

Андрей Савельев, Фонд РОПЦ

В состоянии ли российское общество заплатить за имперскую идею? Очевидно, пока оно не может внести такую плату, да и мало кто в политике, за исключением совсем уж диких маргинальных групп, стремящихся лишь привлечь к себе внимание, претендует на немедленное возрождение Империи. Но в философском плане претензии на имперскую идею совершенно основательны и опираются на глубинные корни русской цивилизации. Если сегодня Россия не может быть империей, то она будет Империей завтра. А если не завтра, то не будет вовсе.

Поставим альтернативный вопрос — в состоянии ли общество заплатить за “социальное государство”, “многонациональную страну”, “россиянство”, за наднациональность и надпартийность власти? Если оглянуться на пять лет назад, можно сказать, что весь последующий период вплоть до настоящего дня показывает, что общество за все это заплатить не может, хотя, быть может, и хочет. Оно просто вымирает, расплачиваясь за такого рода идеи, суть которых — глубочайшие заблуждения. В конце концов, не будет ни русских, ни россиян. Впрочем, россияне, останутся, но им будет все равно кем быть и на каком языке произносить ту сотню слов, которой они будут владеть.

Что касается национальной доктрины, то политики как будто утратили творческий импульс и говорят несколько лет кряду одни и те же слова, никого не мобилизующие, никакого конкретного плана не предусматривающие. Все о мифических свободах и правах, да о социальной защите и абстрактной справедливости.

Как должна национальная доктрина проявляться в программах кандидатов в президентах и чего мы там не можем отыскать?

Прежде всего, это образ государственной власти — на ближайшее и достаточно отдаленное будущее, как образ практической деятельности и как мечта, не имеющая принципиальных препятствий для воплощения. Элементы этого образа есть и у Ельцина, и у Зюганова, и у других кандидатов, но все они уж больно похожи друг на друга, как и те проекты Конституции, которые в свое время конкурировали между собой. Лишь проект, разработанный С.П.Пыхтиным, заметно отличался от остальных и показывал, что возможны и другие образцы “правового государства”, другая мечта. Те же грезы, что записаны в наше Конституции, вели нас последнее десятилетие и завели очень далеко от реальности — прямо к концу русской истории. Не пора ли остановиться?

В этом отношении можно было бы сослаться на многочисленные примеры других государств, которые не собираются считать себя многонациональными, несмотря на достаточно многочисленные этнические меньшинства. Можно было бы заметить, что государства, именующие себя “социальными”, не так уж социальны в своей национальной политике. Оказывается, что реальная политика многие декларации перечеркивает. что касается национальных интересов, то никому не кажется необычным факт американских военных операций вроде “Бури в пустыне” или фолклендской операции Великобритании. За подобную политику критикуют, но расценивают ее все же как вполне реальную борьбу за свои национальные интересы. И только России отказывается в праве преследовать свои национальные интересы где бы то ни было — даже на собственной территории, называемой Чечня. Только от нашей политики требуют, чтобы она проводилась в белых перчатках.

К этому стоит поделиться впечатлением о том, что во внутренней политике теоретики демократического профиля очень демократично и человеколюбиво высказавшись на разного рода “круглых столах” и конференциях, уходят отдавать реальные управленческие распоряжения, не забыв снять белых перчаток. Так, например, отдается команда к расстрелу собственного парламента. Это считается нормальным, а вот подавление мятежа в Чечне — чем-то постыдным. Есть ли здесь логика? По видимому, есть, но она не имеет отношения к национальным интересам России и вполне соответствует чистоте рук под белыми перчатками.

Второй важный элемент в разработке национальной доктрины — проблема гражданской идентичности, образ гражданина России. Все говорят о гражданском равенстве, но не замечают, что при этом не может быть никакой выделенности по этническому признаку. Большинство кандидатов в президенты готовы к этому неравенству, заявляя себя сторонниками интересов регионов России и принципов федерализма. Этот тот федерализм, который не только разрушил гражданское равенство, но поставил под вопрос и целостность России.

Хотелось бы узнать, что ответит татарин, если его назвать татарстанцем и отказать в праве называться татарином. Думаю, что за это можно и по физиономии получить. Но

вот от русского, которого называют “россиянином” получить почему-то не страшно. Наверное, в силу русского миролюбия.

Ни татарин, ни чеченец, ни русский никогда не согласится быть россиянином. Но только русский, по мнению разнообразных теоретиков-аналитиков, должен на это согласиться. Если согласится в массе своей — тут и смерть русской цивилизации.

Третий ключевой вопрос — о конкурентоспособности России в XXI веке. Это вопрос, полностью выпавший из всех политических программ. Будто бы никто из политиков не замечает глобальных кризисов, которые надвигаются на нас и грозят огромными издержками, если не гибелью, уже в течение ближайшего столетия. Мы говорим о демографическом кризисе в стране, но миллионные потери всерьез не воспринимаются, не расцениваются как катастрофа. в лучшем случае это повод, для ритуальной печали.

Глобальные проблемы, связанные с кризисными явлениями, конкуренцией цивилизаций, о которой больше пишут западные ученые, остаются без внимания политиков.

Если же мы обратимся к программам основных кандидатов на президентский пост, то увидим, что они предусматривают создание такого государства, которого ни в России, ни где-либо еще никогда не существовало. Такими программами страну можно только убить. Слава Богу, реализовать их не представляется возможным. Но это гарантирует нас только от быстрой смерти, зато обрекает на смерть долгую и мучительную.

Владимир Курдявцев, преподаватель МГУ

Русская Церковь была суждена русскому народу. Огромное государство было создано при помощи православного духа. Церковь и государство были теми двумя столпами, на которые опирался русский народ.

Если проанализировать сегодняшнюю ситуацию, то окажется, что духовное состояние нашего народа, а точнее — его разложение, вполне соответствуют состоянию смуты, подобной предоктябрьской 1917 года. Единственное отличие состоит в том, что народ еще не дошел до края бездны и внутренне не способен на сплочение ради высшего православного смысла, на самозащиту и самовыражение. Поэтому говорить о концепциях национальной безопасности, геополитических, стратегических, экономико-хозяйственных планах можно, но бесполезно. Причина тому целый ряд.

Русский народ не выдвинул серьезного государственного деятеля с православным образом мышления. Состояние самого народа — разложение до той степени, когда с его помощью невозможно воплотить никакой политической концепции. Материал непригоден для реализации концепции национальной доктрины, какой бы она не была. Власть тоже не способна ни к чему. Учитывая материал, с которым она собирается работать, она завянет во всех своих начинаниях.

Религиозное ядро народа составляет “меньше, чем мало”, патриотическое — немногим больше, а вокруг — разгул продажности, безыдейности, бессмысленности. Народ стал как песок — негодный материал для любого государственного строительства.

Один священник сказал мне, что русский народ богоносец не потому что он сам по себе таков, а потому что Господь ему такой крест определил. Вот народ и нес этот крест, покуда его не бросил. Русский народ — богоносец еще и потому, что без Бога он — зверь. Сейчас это видно.

Современные священники говорят, что отношение к Православию остается потребительским, к Церкви относятся как к службе быта, воцерковленных людей или тех, кто всерьез пытается воцерковиться, крайне мало. К этому прибавляется и отношение власти, которая тоже рассматривает Церковь как подручный инструмент. В результате мы оправдываем тезис о том, что неправославная Россия Богу не нужна.

При таком тяжелом духовном состоянии народа, при тупой апатии и обреченности, погруженности в бытовые заботы, можно говорить о любой концепции, но нельзя ее воплотить. Видимо, нам не хватает краха. Либо русский народ сойдет на нет, не обращая внимания на разговоры о духовном и физическом вымирании.

Я смотрю на памятник Пушкина. Он смотрит на “Макдональдс”, слева — огромная реклама “Кока-колы”, справа — “Самсунг”, рядом — “Известия и “Московские новости”, сзади в кинотеатре “Россия” пивбар “Пират”, рядом казино “Чехов”, а чуть дальше — ресторан “Страстной,7”. Это не волнует никого!

Владимир Махнач, историк

Меня удивляет когда нам одновременно околоправительственные круги нам предлагают избавиться от имперских амбиций и отстраивать национальное государство, и одновременно, отказаться от попыток создания национального государства. Для западного политолога здесь есть понятная игра слов. Он разводит национальный и этнический факторы — у него есть понятие nation-state. У нас, да и во всей Азии, такого рода различие нации и этноса просто не работает. Так у нас невинная игра слов сводится к предложению перестать быть русскими. А это чревато серьезными последствиями.

Я смотрю не апокалиптично, но мрачно. Однако, есть разные ситуации, разные модели поведения. Я неисправимый защитник своей культуры (она же — восточно-христианская культура), империалист (в смысле содружества народов), неисправимый либерал (хотя это слово у нас часто воспринимают в негативном звучании). Как же я смотрю на ситуацию в России?

У нас стараниями предшествующих правительств иистеблишмента последних 10 лет подорвана нравственно-учительная роль Церкви и производная от богослужения — православная культура, помимо которой у нас нет и не может быть другой культуры. Культура, как заметил Павел Флоренский, — это то, что вытекает из культа.

Подорванность Церкви и культуры означает что мы погибли или есть другие варианты развития событий? Дело в том, что законы этнического бытия не подчиняются ни духовному окормлению, ни даже простейшему культурному воздействию. Этнос всему этому сопротивляется.

К вопросу о теоретических пожеланиях о создании русской республики в составе России. Русскими республиками готовы стать большинство областей. Хотя бы потому, что им пора потребовать от Федерального правительства равных бюджетных и налоговых прав. Регионы возьмут все это явочным порядком и будет у нас столько русских республик, сколько имеется русских областей.

Готовы ли русские консолидироваться этнически? Готовы — продемонстрировали это в Приднестровье. Наши спецслужбы перенапряглись, чтобы не дать так же прореагировать в Нарвском районе, который был готов был сформироваться в самостоятельную республику. Левая пресса писала, что в Вологде власти поощряют толпу, которая повыгоняла кавказцев. На самом деле власти перестали отчаянно их защищать. Но в следующий раз и в других местах могут не посмотреть и на покровительство властей. Ведь полиция не может управлять народом, тем более русским, который ее недолюбливает и не очень боится. Армию же вряд ли удастся еще раз употребить для этих целей.

Те, кто беспокоится за судьбу национальных меньшинств и , пугаясь православных, напрасно пытается авансом их обидеть. Православие смягчает национальное бытие, а следовательно, и национальную реакцию на обиды. православие — как раз то, что укрепляло имперскую составляющую, а следовательно, полиэтничную терпимость. Без православия остается только полицейская дубинка. Хотя, мы действительно ближе к дубинке, чем к высокому предназначению народа-богоносца.

Можно говорить, что Россия — многонациональное государство, но при этом так почему-то не говорят про Украину, Латвию и пр. Но 85% русских — это этнический баланс, который ниже лишь по сравнению с Арменией и Азербайджаном, которые провели у себя этнические чистки. Даже национально благополучная Литва имеет только 80% природных литовцев. так что, многонациональность — дискуссионный вопрос.

Но есть недискутируемые вопросы. Например, в приличном обществе никто не скажет о чернокожих американцах “the dirty nigro”, никто произнесет “армяшка” или “жид

пархатый". Когда вместо "русский" говорят "этнический россиянин" — это тот же самый вариант неприличного поведения. А для политика это и вовсе нежелательный пассаж.

Судя по программам современных политиков, мы готовы к государству, проводящему реформы, государству "цивилизованного мира", который западные страны строили сотни лет. Но мы почему-то не готовы к гражданскому обществу, поскольку не говорим о демократии, как о власти полноправных граждан. Если же существуют полноправные граждане, то существуют и неполноправные. То есть, демократия существует, когда она ограждена цензами.

В нашей Конституции не разрешается вопрос о гражданстве, делается ссылка на Закон о гражданстве. Но тогда Конституции по сути нет (да она, как говорят почти все, в 1993 году реально на референдуме не прошла). Не бывает демократий без демоса. В Римской республике писалось: сенат, народ римский и плебс. Когда плебеи получили полноправие, возник термин "пролетариат", который переводится на русский язык не как "рабочий класс", а как "босячье". Это тоже слой, находящийся ниже гражданской черты.

Если нет ценза оседлости, нет понимания кто есть настоящий гражданин, с каждой сотней тысяч вынужденных беженцев и переселенцев "этнических русских", возрастает вероятность того, что и из России будут вышвыривать нежелательные элементы, освобождая рабочие места.

Вспомним какие категории формировали гражданство с древних времен по вторую половину XIX века включительно — ценз оседлости в той или иной форме, наличие семьи, отношение к воинскому долгу. Только так может формироваться гражданин.

У нас действуют две элиты: национальная элита и антинациональная квазиэлита. Произошла консолидация квазиэлиты со слоями, находящимися ниже категории граждан, против немногочисленной национальной элиты и народа — истончившегося среднего слоя. Коммунистический режим "быдлизировал" население крупных городов. Москва и Санкт-Петербург голосуют не как элита, а как лимитчики. Хотя национальная элита находится именно здесь, но здесь почти нет народа.

Национальная элита и народ должны найти друг друга. Тогда у нас будет и нация, и гражданское общество, и православная государственность.

Марк Масарский

Россия в очередной раз переживает риски ускоренной модернизации. Институт президентства тоже был инструментом для переходного периода. В России слабой власти никогда не удавалось провести реформы. когда же она становилась сильной, она отказывалась от реформ. Этот порочный круг впервые разорвал Столыпин.

В какой стадии модернизации мы находимся? Эта стадия характеризуется следующими основными рисками.

1. Россия всегда была малолюдной цивилизацией (не страной, не нацией, а именно цивилизацией), идеологически согретой и освященной христианством, но бремя пространства, как говорил И.Ильин, давило и давит сегодня в еще большей степени. В результате распада СССР отошла лишь четверть территории и почти половина населения. То есть цивилизация стала еще менее населенной.

2. После распада СССР обозначился огромный разрыв между ресурсным и воспроизводственным потенциалом России. Ресурсный потенциал, оцененный по методике ООН, составляет 27 трлн. долларов — в несколько раз выше, чем в США. А вот воспроизводственный потенциал — всего 12% ВВП (1995 год). Это огромная разность потенциалов, порождающая напряжение.

3.Социальная перегруппировка. Реформа Столыпина в начале века, прерванные февральской и октябрьской катастрофой 1917, осложнялись давлением аграрного перенаселения. Это нам уже не грозит, потому что мы потеряли территории с преобладанием аграрного населения.

4.Декапитализация экономики. Это менее всего осознанный общественностью кризис.

Для модернизации страны, ее воспроизводственного потенциала, требуются колоссальные напряжения. Причем не только за счет национальных источников. Поэтому когда говорят, что нужно повернуться спиной к Западу, лицом к Востоку, стоит спросить, откуда придет технологическое сотрудничество, в какую систему мы вписываемся?

По части философских спекуляций все может выглядеть стройно. Но как на счет ресурсного обеспечения, социальной нагрузки на государство? Какую социальную нагрузку может выдержать молодое российское государство? Если бы сейчас началась имперская реконкиста, кровь потечет. Были попытки в августе 1991 года (может быть еще будут) использовать Россию как плацдарм для воссоздания имперского пространства.

В нашем обществе происходит "красное смещение". Но общество полевело не потому что хотят восстановить коммунистическую страну. Хотят уровень социальных забот государства сохранить на прежнем уровне. Идет борьба между экономически конкурентной и неконкурентной частью населения. В этой борьбе государство должно выполнять функцию согласителя, перераспределителя ресурсов, уравнителя итогов и стартовых возможностей.

Религиозной экономики не бывает. Экономика что в России, что в Лапландии действует по одинаковым законам. А вот социальные задачи государства — это сейчас становится для России главным. Разгораются страсти вокруг социальных проблем и коммунисты оседлали именно этого конька, а вовсе не национальные темы. Именно поэтому национальная проблематика не актуализируется ни одной программой.

То, о чем я говорю, не является изложением оформленной идеологией властью. Да и нет у власти никакой идеологии именно потому, что она власть. Государственной идеологии быть не может. Есть национальные цели, приоритеты, может быть, совокупность идей, заложенных в конституции.

Василий Моров, преподаватель Богословского института

Когда мы имеем дело с социально распавшимся, дисперсным обществом, говорить о консолидации чего бы то ни было не приходится. В этом случае говорят о другом процессе — о процессе сублимации. (Этот термин не имеет ничего общего с фрейдовской "сублимацией".)

Общество должно быть сублимированным. Но всем понятно, что ни отдельная норма, ни совокупность норм, ничего не сублимируют. Поэтому когда пытаются сублимировать общество на основе идеалов правового государства, это общество принципиально невозможно поднять.

На сегодняшний день есть два круга стремлений, способных сублимировать общество. Это стремления религиозные и национальные.

Когда мы открываем 3т В.О.Ключевского, читаем описание Смутного времени, мы видим, что любые политические комбинации падали одна за другой, пока не пробудились религиозные и национальные силы. По этой же причине от того, чтобы иметь дело с этими силами, и сегодня никуда не уйти. А элита, призванная к творчеству, обязана религиозные и национальные идеи в контексте представлений о праве и правовом государстве.

Наша творческая элита и, с позволения сказать, интеллигенция ведут себя очень странно. Сам разговор о необходимости пробуждения религиозных и национальных сил встречают определением "фашизм". Вместо того, чтобы способствовать национальному и религиозному возрождению, она ковровыми бомбардировками уничтожает национальное сознание еще до того, когда будут диагносцированы в обществе первые ростки национального подъема. Интеллигенция расписывается в своей творческой и исторической несостоятельности.

Когда в дисперсном обществе выбрасывают на поверхность общественной жизни некую сумму либеральных идей, общество под соусом этого нормативного либерализма

начинает структурироваться по первобытному образцу. В условиях мало-мальски цивилизованного пространства это означает только одно — чудовищный взрыв уголовщины.

Россия нуждается в серьезном притоке капитала. Но европейские бизнесмены, с которыми мне довелось встречаться, в один голос говорят: “О каких инвестициях вы говорите. Таких денег, чтобы поднять Россию”, просто нет.” Действительно, о каких инвестициях можно говорить, если можно было даже, вопреки туземному законодательству, вывести из страны за последние 5 лет по самым скромным оценкам около 150 млрд. долларов. Некоторые делают оценку в 400 млрд. долларов.

Необходимо осознать, что русская история — одно, а коммунистических стрихнин — совершенно другое. Осознаем мы это только тогда. когда уразумеем. что за советское время государственности как таковой у нас не было. Напомню, что здоровая государственность (государственность как таковая) в традициях европейской культуры существует только там, где государство воплощает ценности права в органически сложившийся строй народного бытия. Большевистское “государство” ничем подобным никогда не обладало. Власть была противна как праву, так и органическому бытию.

Начало всякого права — правоприемство. Мы выходим за пределы права там, где признаем возможность насильственные, революционные процессы. Поэтому есть в истории одна точка отсчета — 25 февраля 1917 года, и надо признать, что никакие государственные акты, действовавшие в России с этих пор, не имеют реальной юридической силы. Мы, конечно, обязаны считаться с некоторыми политическими реалиями, но признавать юридическую обоснованность таких актов не должны.

Просвещенный патриотизм и православная традиция

(23 мая 1996 г.)

Протоиерей Владислав Свешников

При кажущейся ясности, удобстве и простоте, и даже содержательности терминов “просвещенный патриотизм” и “русская идея”, внимательное рассмотрение обоих этих терминов едва ли может удовлетворить тех, кто ищет точности слов. Что касается патриотизма, то в лучшем случае он выражает либо личное, либо общественное ощущение некоторых слоев (или даже значительной части народа) своих смутных интуиций или сознательно воспринятых знаний, полагающих главной болью, своей жизни, своего бытия, своего мироощущения — боль народа и государства, в котором он живет.

Патриотизм, как замечательное, нужное и дорогое ощущение, основанное на переживании любви к Родине, ничего, кроме этой любви, в себе не содержит. Это совсем немало! Но это лишь выражение в чувстве, а также в некоторой практике (если эта практика имеется), того что гораздо больше и чувства, и практики. Именно — всей личностной и общественной полноты, включающей и самосознание, и переживание, и зовы Родины. Патриотизм не описывается, и слава Богу, что не описывается. А вот национальное самосознание — это то, что может быть описано.

Как ни оказался оболганным и опороченным термин “национализм”, он содержит гораздо более полное и глубокое содержание, потому что именно он заключает в себе полноту национального самосознания (если не говорить о тех искажениях национализма, которые, увы, встречаются чаще, чем он сам в его натуральном виде).

Что касается понятия “русская идея”, то, несмотря на его вполне уважаемую историю, оно неполно. Тем более, мы знаем, что из идей, как правило, вырастают идеологии. Опыт XX века показывает, что ничего отвратительней идеологий нет.

Гораздо более точный термин — “мировоззрение”. Он включает цельный и целостный характер знания. Не только знание о предмете, но также и личность в этом предмете, поскольку предмет больше личности. Этот предмет — Родина, в которую входишь мыслью, чувством, знанием и сердцем, и которая определяется как самое ценное и дорогое.

Мировоззрение цельное и целостное не может не рассматривать во взаимодействии общество, народ и государство. Но именно эти реальности у нас являются в критическом состоянии более, чем где бы то ни было. Нынешний тип российского государства представляет собой тип антигосударства, который хуже, чем карикатура на государство. Общество оказывается расколотым таким образом, что собрать его сейчас на основании каких бы то ни было предпочтений и предпосылок, по-видимому, пока невозможно. Это видно хотя бы из того, что даже движения националистического характера, которые должны были бы быть едиными не только в своей любви к Родине, но и в попытках напряженного стремления найти общий выход из кризисной ситуации, оказываются тоже расколотыми. Что же касается народа, то он оказывается не объединен духовно-нравственным сознанием.

Надежда может быть связана с тем, о чем в недавнее еще время мечтал любимый многими, а многими уже почти надоевший, И.А.Ильин. Это надежда на создание того ведущего слоя, который будет больше, чем любая партия, любое движение, который возьмет на себя ответственность руководственного служения. Этот слой хотя и может иметь некоторые координирующие, организующие и мировоззренческие предпосылки в центре Москвы, но он должен прорастать прежде всего в средних, малых и отчасти больших городах, не зараженных безобразиями полулегитимных и вовсе нелегитимных образований, выросших на основе либеральных ощущений и предпочтений.

Политика является для ППС может быть главной, но прикладной составляющей национального самосознания. Опыт нашего века показал, что политика автономная от национального самосознания ведет к краху почти окончательному.

Со стороны некоторых групп, включая и людей русских по крови, можно нередко встретить совершенно иррациональную враждебность к самой возможности создания такого знания и сознания, а тем более деятельности в русле этого сознания. В этом смысле средства массовой информации проявляют особенно очевидную враждебность. Но чаще всего встречается животное полузоологиеское равнодушие — очень смутные патриотические ощущения, тип самосознания, основанный на некоторых полупсихических-психопатических ощущениях типа комплексов неполноценности, истерий и обид с глубокой неприязнью к другим.

Сейчас перед людьми, обладающими скорее национальным самоощущением, чем национальным самосознанием, стоит задача воссоздания на основе сделанного нашими великими предшественниками национального сознания русского народа, прошедшего через все трагедии XX века.

Национальное самосознание, на основе которого может работать обширное непартийное движение, должно быть цельным и целостным мировоззрением, построенным на духовных началах. В основании его для русского народа может быть только православное святоотеческое учение. Оно может раскрываться только при учете всего духовного пути русской истории, истории русской духовной культуры с учетом всех ее бывших выполненных и невыполненных задач, всех провалов и высоких свершений. В основании его должно лежать понимание стоящих перед народом и возможным новым ведущим слоем заданностей. Это исправление всего искривленного и творческое созидание того, что от нас ждет Бог и мир.

Помимо такого понимания даже сами понятия "патриотизм" и "Отечество" становятся лишенными подлинного духовного, да и просто любого, содержания. О настоящем Отечестве, как о земле Отцов, можно говорить лишь тогда, когда отцы и правда имеют для личности реальную духовную ценность. Но это может быть лишь тогда, когда над всем осознается имеющий для личности и народа высшую ценность Отец Небесный. Только в таком случае отцы земные приобретают серьезное духовное содержание и готовность служить национальному духовному самосознанию.

Православие в широком и точном смысле слова может дать верную нравственную базу и для оценок бывших явлений, и для возможных перспектив. Сам исторический опыт показывает, что только православие дает возможность для цельного и целостного взгляда, связывающего национальный подход, общественную мысль и государственную политику.

Говорить в строгих формулировках невозможно когда речь идет о гораздо более существенном — о той боли, которая зовет сердце утешить и умерить эту боль серьезным и самоотверженным деланием. Простой констатации боли, как бы она ни была значительна, недостаточно. Поэтому постановка для начала верных задач — есть самое существенное дело, потому что пока это дело практически во всех националистических движениях носит почти автономно-политический характер. И потому они, конечно, бессильны.

Даже если бы наступило практически невозможное объединение этих движений, не были бы созданы духовно-национальные предпосылки для верного мировоззренческого подхода, что неизбежно привело бы к гибели этого объединения. В мировоззренческом творчестве, в национальном самосознании должны быть разрушены старые стереотипы и догмы, имеющегося застывшего сознания, сводящегося к убеждению, что довольно лишь объединиться тем людям, которые любят Россию, а дальше дело пойдет само. Не пойдет!

Тем более невозможно построение подлинно творческого национального общества на основе простых чувств и интуиций. Поэтому в области сознания должна быть поставлена задача построения и принятия глубокого и полного националистического мировоззрения, а в практике — создание на основе этого мировоззрения обширного всероссийского политического движения.

В этом движении должны осуществляться люди, готовые к самоотверженному служению и делегирующие лучших "наверх". Должно быть задано построение какого-то совершенно иного государственного устройства, иной системы выборов, которые есть не

выборы в общепринятом смысле, а прорастание лучших сил. Лучшие из лучших должны в свое время смиренно принять на себя задачу верховного правления.

Пока это идеалистические мечтания. Но если исходить из любых других предпосылок, в нашем общественном и национальном развитии можно будет ждать лишь дальнейшего разрушения.

Владимир Махнач, историк

Вопросы, связанные с хозяйственной деятельностью, военной службой и качеством жизни необходимо обсуждать “от печки” — с состояния русского народа.

Я не буду говорить о депопуляции, но напомню, что населения России не хватало всегда. Когда следствием тиранического переворота Ивана VI явился большой отток населения на Дон и в Сибирь, это привело к нехватке населения в окультуренных областях Русской державы. Нам не хватало населения, чтобы заполнить наши пространства и периметр наших границ.

Геополитически Россия всегда была двубереговой державой. Такие державы обязательно имеют наиболее населенные территории у побережья. Когда на диком Западе еще резали индейцев и скакали ковбои, на побережье Тихого океана были крупные промышленные города. Дикий Запад был внутри. Канада до сих пор так устроена.

Россия вынуждена была прорываться и к берегам Балтийского и Черного морей. Тем не менее, она никогда не имела густонаселенных краев в этих землях. Но Россия перевалила за Урал и, не встретив демографического сопротивления, по исключительно малонаселенным территориям домаршировала до Тихого океана. При этом ее двубереговой характер сохранился.

Чтобы у нас сохранялось нормальное геополитическое положение, мы должны иметь Дальний Восток, сопоставимый с Центральной Россией. Однако, как сказал один из наших Государей, “некем взять”. Заселить Дальний Восток некем.

Мы не можем оставлять без оценки практику последнего десятилетия. Вспомним как Съезд народных депутатов радостно упразднял “антидемократический” бездетный налог. Не квалифицировать это как первую акцию в новой волне антирусского геноцида, ошибочно. С предельной жесткостью указать, что это так и было — весьма достойно для политиков патриотической ориентации.

Франция после войны тоже стояла перед проблемой депопуляции и разрешила ее. Во Франции бездетный налог был необычайно высок и семья, имеющего лишь одного ребенка лишь платила его в сокращенном виде. Нулевой налог был при наличии двух детей, а за третьего ребенка шла дотация, а семья с пятью детьми могла иметь очень неплохой уровень обеспечения за счет государства. А ведь Франция начала вымирать давно и перестала быть первой по численности страной в Европе после Французской революции.

Экстраполируя прирост численности подданных Российской Империи середины XIX века — начал XX века (удвоение за полвека), рассчитали, что население России на конец 50-х годов должно составить 330 млн., на наш период — 500 тыс. Патриотическая партия, которая собирается создавать мировую державу, не может не начинать с того, чтобы заявить о намерении всеми силами и средствами добиваться восстановления этого полумиллиарда.

Планета перенаселена и они будут смотреть чем дальше, тем более голодными глазами на Австралию, Канаду, а в первую очередь — на пространства России. Угроза будет нависать все более.

Есть и еще один момент. В конце XX века обычная горечь человека о потере близкого сменилась патологическим страхом лишиться единственного ребенка. между скорбью о потере и этой патологии — колоссальная разница. Эта проблема будет висеть над проблемой комплектования Вооруженных Сил.

Как выглядит эта проблема с православной точки зрения? Общепринятой позиции здесь не существует. Есть и богословски разные взгляды на то, считать ли аборт убийст-

вом или нет. Но что все православные христиане — противники практики разрешения абортов, в этом разногласий нет.

Конечно нужно обеспечить прожиточный минимум, чтобы люди могли нормально размножаться. Аборт остается тяжким грехом, но на это идут, потому что кормить не на что и воспитывать негде.

Помимо нашего “социалистического отечества” есть только одна страна, которая ведет массовое многоэтажное жилищное строительство. Это Япония. 130 миллионам японцев на скалах иначе не прожить. А нам — тоже негде жить? И поэтому в чистом поле ставят 12-16-ти этажную коробку. Строят потому что коммунистический режим нашу среду воспитания и обитания принес в жертву заводам железобетонных изделий. Мы разрушили сегодня военно-промышленный комплекс — нашу гордость, вместо того чтобы разрушить строительный комплекс, ставший нашим национальным позором.

Строить 16-этажные дома не дешевле, чем секционный постройки в виде коттеджей в два этажа. Бедные финны все живут в таких постройках. Экономия идет только на нулевом цикле. Экономии земли нет никакой. Застройка в наших “спальных районах” абсолютно нерациональна. А дети тут вырастают немножко уродцами, у них информационный голод. Детские рисунки неба не имеют.

Нужно ставить вопрос не о выживании или некоторой гарантии от вымирания социальных низов, а об увеличении средних слоев общества, которые только и являются и церковным народом, и ядром Вооруженных Сил, и просто средой, где формируются и живут граждане. Без решения проблемы умножения народонаселения и семейного статуса (семейного жилища, семейных прав) нам воспитывать будет некого.

Классические демократии заботились не о правах человека, которыми нам морочат головы, а о правах семьи. С этого начиналось выстраиваться законодательство, и политика.

Михаил Астафьев, Всероссийский правый центр

Должен признаться в том, что окунаясь в 1988-1989 году в политический процесс, я на многое смотрел иначе, чем сейчас. Я был участником процесса и накапливание мировоззренческого опыта шло параллельно с его развитием.

Где-то в конце 80-х годов, когда Горбачев запустил перестройку, свободомыслие, выборы, общество имело лишь альтернативу между коммунизмом и демократией. Патриотическое движение тогда как самостоятельная сила отсутствовало. В 1990 году представители патриотической общественности противостояли демократическому лагерю, блокируясь с коммунистами, и их провал объясняется именно тем, что в этом окружающие видели только поддержку существующей власти.

Летом 1990 года от КПСС отпочковалась “Демократическая платформа” вместе с теми лицами, которые теперь считаются известными демократами. Патриотическое движение замедлило с разрывом этой пуповины. Его самостоятельность состоялась только через несколько лет. Это отставание сохраняется и сегодня, что позволяет снова навязывать обществу выбор между коммунизмом и демократией.

Патриотические организации отнюдь не бедны идеями, а вот организационных структур достойных нет. Это происходит во многом потому, что на энтузиазме можно было что-то делать до 1990 года. Сейчас любая организация упирается в финансы. Отсюда возникает вопрос о том, какие экономические структуры могли бы быть заинтересованы в существовании сильной патриотической организации?

Сейчас мы можем понять насколько важен был экономический механизм, который двигал лидерами демократического движения. На рубеже 1990 года легальная экономика была полностью государственной, легально можно было обслуживать только власть и никого более. Теневой характер бизнеса тех, кто имел иные взгляды, не соответствовал структуре свободного капитала, отражающего интересы крупных монополий. Это была

торговля и сфера обслуживания. Даже национальный состав в этих сферах не соответствовал общероссийской пропорции.

Именно поэтому мы имеем сейчас капитал, но не имеем национального капитала. Трагедия России состоит в том, что сильная государственная политика не выгодна достаточно большой группе финансово независимых единиц. Наоборот, выгодно продавать интересы России.

Но мы наблюдаем в последнее время некоторые успехи в бизнесе людей, которым не чужда русская национальная идеология. Пока эти примеры малочисленны, да и опасно открыто выражать соответствующие симпатии.

Василий Моров, преподаватель Богословского института

Почему всякий раз на выборах наши патриоты обнаруживают катастрофическую слабость? Потому что под одни знамена пытаются собрать всех патриотом скопом. Но надо отчетливо понимать, что у нас в стране существуют два вида патриотов — патриоты исторической России, сохраняющие верность ее целям, заветам и святыням, и есть патриоты определенной технологии власти.

Россия в течение 70 лет была колонией марксистской утопии, и есть круг патриотов этой утопии. Они тоже называют себя русскими патриотами. Патриоты же другого типа, соблазняясь перед выборами соображениями арифметического сложения, пытаются привлечь под свои знамена и "белых" патриотов, и большевиков. Результат неизменно катастрофический — за них не голосуют ни те, ни другие.

До тех пор, пока патриотическое движение четко не разделится, пока не станет ясным какой патриотизм имеется в виду тем или иным политическим объединением, ничего хорошего нас не ожидает.

Что касается проекта политической Декларации КРО, то следовало бы отказаться от установки на строительство демократического государства. Лучше говорить о правовом государстве. Очевидно, что в условиях социального распада демократическая процедура ничего хорошего породить не в силах.

Неплохо было бы вернуться к тем стандартам правового государства, которые в России когда-то существовали и должны быть руководящей целью в сегодняшнем реформировании законодательства.

Все твердят о сильной государственности. Но мы сможем понять какая государственность нужна России лишь когда поймем, что в советское время у нас в строгом смысле слова государственности не было. Коммунисты никогда не уважали ценности права, не принимали в расчет органический строй национальной жизни. Наоборот, истреблялся органический строй жизни, осуществлялся геноцид (откровенный или латентный).

Элементарный семантический анализ показывает, что любая правовая декларация советской поры внутренне конфликтна. А из формального противоречия следует все, что угодно. Если сохраняется право толкования закона, то из правовой формулы можно извлечь любое наперед заданное следствие.

Были, конечно, бюрократические правила оформления номенклатурного произвола, но это не есть право и законность.

Мне бы хотелось бы, чтобы наши патриоты прекратили попытки соединить несоединимое — советский период и русскую историю, чтобы они поняли, что являются патриотами только одной государственности — единой, неделимой России.

Сергей Кара-Мурза, публицист

Главная причина политического провала патриотов состоит в неопределенности идейной платформы. Предложенная КРО и другими патриотическими организациями идейная платформа страдает глубокой внутренней противоречивостью, которая людьми не всегда понимается, но чувствуется.

Патриотизм — это вовсе не третье течение помимо коммунистов и демократов. Эти понятия находятся в разных плоскостях. Патриотическое движение стремится к утверждению в плоскости противостояния коммунистов и демократов, отрицая либо то, либо другое. В этом отрицании получается отталкивающая смесь понятий и утверждений.

Даже само название “просвещенный патриотизм” несет в себе глубокое внутреннее противоречие. Оно подчеркивает отделение от тех, кого нельзя считать просвещенными. А это, скорее всего, большинство людей. Ориентация на “просвещенный патриотизм” превращает движение в узкое элитарное образование.

Указанное понятие апеллирует к смыслу Просвещения. А Просвещение — это метафизика, философия, которая легла в основу западной цивилизации. Если вы хотите совместить русский патриотизм с этой концепцией и мироощущением, то впадаете в принципиально неразрешимое противоречие. Вся конструкция рушится.

Ориентация на Просвещение — это не семантическая ошибка. В этом убеждаешься, когда смотришь на политические программы. Например, в программе КРО записано построение гражданского общества в России. Но понятие “община” и понятие “гражданское общество” несовместимы. Это антиподы! Гражданское общество это конструкция, которая предполагает ликвидацию всех типов общинных связей и отношений.

Вопрос состоит в том, какой образ идеального будущего для России и русского человека предполагается. Ели считать, что КРО — это движение, которое должно создать ведущий слой, который даст народу нравственное чувство и какую-то идеологию, это будет той же теорией просвещенного авангарда, которая может железной рукой вести людей к счастью.

На волне антикоммунизма, отрицания советского патриотизма с его победой в Великой Отечественной войне, которая является фундаментальным камнем в сознании людей, построить крупное общественное движение невозможно.

Сергей Глазьев, Демократическая партия России

Есть несколько причин того, почему идея прагматического патриотизма потерпела в лице КРО крах на выборах. Одной из причин, безусловно, являлась некоторая эклектичность программы.

Мы оказались в политическом тупике. Нас заставляют определяться в ложной системе координат — коммунисты-демократы или либералы-государствтенники. Эти понятия носят частный характер и часто затуманивают общественное сознание. Из-за этого нас заставляют размежевываться, будто есть сторонники патриотической идеи, которые отстаивают патриотическую идею по-своему и в левом лагере, и в президентском окружении.

Мы оказались и в идеологическом тупике, потому что кажется почти невозможным совместить исторические ипостаси патриотизма.

Сегодня мы находимся в состоянии тяжелого испытания на прочность. Это не первое испытание, но оно может оказаться последним. Запас прочности во многом уже исчерпан. Если нам не удастся выработать формулу спасения нашей культуры, нашей государственности, нашей цивилизации, то нашим детям будет поздно на эти темы задумываться.

Современная конкуренция между нациями не оставляет места для всякого рода иллюзий и утопий. Конкуренция жесткая и мы на сегодня уже проиграли ее больше, чем в 1941 году. Мы потеряли половину внутреннего рынка, около 80% информационного пространства, которое заполнено антирусскими символами, идеями, образами, и рискуем потерять следующее поколение. Поэтому нужно быть предельно прагматичными и сконцентрированными.

Нужно искать те преимущества, которыми мы обладаем. Ни одна нация не может выигрывать в конкурентной борьбе просто так. Надо опираться на свои конкурентные преимущества.

На сегодняшний день в наших традиционных культурных ценностях, традиционной русской философии жизни заключается наше самое главное конкурентное преимущество, которое безжалостно уничтожается нынешней властью. Речь идет о наших исконных принципах — социальная справедливость, правда, доброта, первенство духовного над материальным и т.д. Это основа для прогресса в том состоянии общества, которое принято называть постиндустриальным.

На базе принципов чистогана, стяжательства, войны всех против всех выиграть конкуренцию в постиндустриальном обществе не выиграть. Эту конкуренцию выиграют те страны, которые культивируют у себя склонность к интеллектуальному труду, сотрудничеству, партнерству, миру, гармонии, красоте.

Сплав научно-технического прогресса и наших традиционных ценностей в сочетании с адекватной государственной политикой может дать нам выход из тупикового состояния, в котором мы находимся.

Я бы не стал противопоставлять формальные признаки — например, общины и гражданское общество. В Японии по формальным признакам гражданское общество, с точки зрения функционирования общественных и государственных институтов, существует. Но вся жизнь японца устроена по принципу общины — и в фирме, и в территориальном поселении, и в научном институте.

Модернизация на основе традиционных ценностей с использованием их в качестве основы для экономического и технологического успеха — то единственное, что дает нам шанс на выживание в условиях, когда мы уже очень много проиграли.

Ситуация нынешнего противоборства открывает некоторые ниши для практических действий. Как и в годы любых испытаний, патриотические ценности вновь получают свою силу в общественном сознании. Отсюда возникает и возможность их практически реализовать.

Четыре года шел разговор о налоговой реформе, но именно сейчас открываются возможности чтобы ее провести. Если сейчас мы сумеем мобилизовать предложения, которые могут быть реализованы в форме правовых норм (указов, постановлений, законов), то в текущей ситуации можно многое продвинуть. Например, закон о защите русского языка — напористым его продвижением никто не занимался. Сейчас это можно сделать. И нынешняя власть, от которой горит земля, и те, кто оспаривает ее ведущее положение, включая компартию, с готовностью будут брать любые идеи и конструктивные решения.

Если мы исходим не из принципа борьбы за власть, а из принципа спасения государства и страны, то здесь нужно поступать прагматично. В том числе и для расчистки культурного пространства, и для решения проблем экономической политики. В состоянии политической стабильности решать эти вопросы будет значительно сложнее, ибо включатся в действие те интересы, которые утвердились и в экономическом, и в политическом пространстве. Любая власть очень быстро бюрократизируется.

Наталья Нарочницкая, Всероссийский правый центр

От понятия “просвещенный патриотизм” веет либеральной интерпретацией всех понятий и патриотизм становится таким милым, что не мешает быть патриотами людям с совершенно различным мировоззрением. Происходит как бы добровольный отказ от своей единственной Истины. Это как раз то, чем гордятся либерал-общечеловеки. На этом же основано либерально-западное понятие свободы совести. Правда и ложь, честь и нечесть признаются равночестными. Это противоречит православному миропониманию.

Популярное в начале 1990 сочетание слов было использовано в для того, чтобы придать ругательному слову “патриот” некую благообразность. Но православный человек по большому счету всегда просвещенный патриот, потому что он никогда не навязывает другому силой своего мировоззрения, не утверждает истину мечом, как у католиков, не говорит “бей неверных”, как мусульмане, не насаждает двойной стандарт, как фарисеи. Путь к истине проходит только через собственный духовный опыт. Поэтому православ-

ные при столкновении с нетерпимым отношением к своему мировоззрению лишь сожалеют об этом.

Сергей Кара-Мурза — единственный, кто защищает социализм достаточно умно. Но это не значит, что я с ним согласна. Тем не менее, из его уст прозвучало достаточно много верный мыслей.

У нас стало возможным использовать термин "гражданское общество" без всякого его понимания. Гражданское общество — это правовое общество, где каждый имеет право в рамках закона делать все, что он хочет. Гражданское общество — это максимализация сферы жизни, в которой можно прожить не идентифицируясь ни по одному критерию — национальном, религиозному, можно превратиться в homo globalis. Это противоречит православному мировосприятию.

Либеральное и православное восприятие идеи Отечества совершенно различны. Православный человек не отождествляет Отечество с теми институтами, с тем политическим устройством, которое на сегодняшний день им правит. С этим отождествляются либералы и марксисты. Если им не нравится текущая политика, они считают возможным ненавидеть Отечество.

Ощущение принадлежности не только к сегодняшнему дню Отечества, но и к его прошлому и будущему, есть самый сильный элемент православного мировоззрения. В этом трансцендентном чувстве проявляется знание о бессмертии души в нашем национальном самосознании.

Наша история конечно же эксперимент в рамках марксистской утопии — антихристианский и антирусский. Но советский период нашей жизни не был полным исполнением этой теории, ибо если бы это было так, то государство и пяти лет не смогло бы просуществовать. Как раз возврат в 1991 году к ленинским принципам национальной политики повлек за собой распад государственности.

Мы знаем, что народ отозвался на "братья и сестры" Сталина, который был достаточно умен, чтобы понимать, что не зачерпнув из источника русского сознания, войну не выиграть. Мы должны развенчивать марксизм-ленинизм, но не глумиться над жизнью своих отцов.

Владимир Кудрявцев, преподаватель МГУ

Есть опасность, что мы с присущей интеллигенции раздвоенностью сознания, подобно библейским книжникам, в просвещенности попытаемся найти какие-то подпорки патриотизму. Тогда мы замыкаемся в секту.

Разум всегда пытается отделиться от веры. Это буйство разума и породило в свое время Просвещение. Поэтому отец Владислав абсолютно прав, полагая, что только из веры, уповая на Господа мы можем заниматься проблемами патриотизма и просвещать народ. Любое просветительское действие, отшатнувшееся от веры, вынуждает нас либо впасть в язычество, либо превратиться в интеллигентский орден.

Современный народ понимает под патриотизмом отнюдь не призывы вроде "Слава КПСС". Он реагирует на конкретное содержание. Когда в анкетах задается вопрос: "Считаете ли вы, что Запад сегодня нами управляет и живет за наш счет?" Отвечают: "Да!". "Считаете ли вы, что национальную безопасность необходимо обеспечить?" "Да!". Никто не сказал, что армию нужно сокращать. Народ интуитивно все понимает.

Программа патриотического просвещения не должна состоять в повторении лозунгов, а в конкретных разработках элементов национальной доктрины, внутреннего устройства, хозяйственного механизма. Если мы будем понимать в просвещении способ отделиться от непросвещенного народа, это не принесет нам успеха.

Хотел бы закончить словами Фомы Аквинского: "Молиться нужно так, как будто все зависит только от Бога, а поступать так, как будто все зависит только от тебя."

Андрей Савельев, Фонд РОПЦ

Позволю себе высказать ряд тезисов по поводу прозвучавших выступлений.

1.Поскольку политика является областью человеческой деятельности в сумеречных условиях, то для любого политика требуется постоянное возвращение на свет, просветление. Реальная политика не может наперед определить, благом или злом обернутся те или иные действия, предпринимаемые из самых добрых побуждений. Поэтому предлагаю тем, кому не нравится сочетание “просвещенный патриотизм”, пользоваться сочетанием “просветленный патриотизм”. Может быть, это уведет нас от бесплодных споров.

2.Просвещенный или просветленный патриотизм должен быть не антикоммунистическим, а НЕкоммунистическим. Антикоммунизм привязан к коммунизму и следует за изгибами коммунистической теории и практики.

3.Аргумент о том, что у левого коммунистического патриотизма есть такой ресурс как победа в Великой Отечественной войне — не проходит. Борьба “за нашу советскую Родину” вовсе не означала борьбы за Советскую власть. Да и не было такой власти никогда. Эта борьба означала просто борьбу за любимую Родину.

4.У нас достаточно много теоретиков, благосклонных или критичных слушателей, но очень мало практиков. Поэтому нам не хватает не только финансов. Конгресс русских общин является одной из немногих организаций, концентрирующей практиков. Они что-то иногда делают не так, пишут глупые документы. Но это должно вызывать у наших мыслителей не пренебрежение, а желание помочь, воспользоваться предложением КРО о совместной работе над документами.

5.Нам часто говорят, что нужно опираться на народ. Мне представляется, что этого делать не нужно. Народничество в истории политической жизни России уже присутствовало, и мы знаем к чему оно привело. Необходимо опираться на ту часть народа, которая формирует, оформляет нацию. Народничество ведет к охлократии, национализм — к власти лучших людей страны.

Это не означает отказа от собственного народа, от собственных этнических корней, от народа как носителя культуры. Любовь к Отечеству подразумевает и любовь к народу, имея в виду любовь и к прошлым, и к будущим поколениям. Любовь к народу вовсе не вынуждает любить большинство ныне живущего народа, ведущего неправедный образ жизни.

Виктор Тростников, писатель

В основу термина “просвещенный патриотизм” положено желание отмежеваться от диких патриотов и уточнить этот термин. Но это, как говорится, уточнение темного через еще более темное. Поскольку имеются два полярно противоположных значения термина “просвещение”, нужно теперь прояснять о каком просвещении идет речь.

Термин “патриотизм” — неспецифический термин. Он не должен лежать в основе названия партии. Патриотизм — это любовь к Родине, а от любви к Родине не хочет отказаться никто. Нельзя любовь к Родине делать монополией какой-то группы.

Своего английского друга я как-то спросил: “Джеффри, ты любишь Англию?” Для него этот вопрос был обескураживающим. Он удивился, глубоко задумался и через пару минут ответил: “Оказывается я очень люблю Англию.” Он не разу в жизни не задумывался над тем, любит ли он Родину.

Здесь тот же случай, как и с Партией любителей пива. Хотя любящих пиво значительно меньше, чем любящих Родину.

Вопрос в том какую Родину мы любим. Родину, историческую преемственность которой мы ценим? Тогда надо указывать какие ценности мы имеем в виду. Это не только русская вера, но и строй жизни, который мы любим, наполняя конкретным содержанием любовь к Родине.

Владимир Махнач

Еще в 1989 году я разговаривал с офицерами, занимающимися проблемами военно-патриотического воспитания. Я им говорил, что все проваливается из-за того, что 90% их энергии уходит на Великую Отечественную войну. Возникает обратная негативная реакция.

В моем поколении еще не было черного юмора. В следующем он уже был, в том числе и про повешенную немцами Зою Космодемьянскую. В следующем поколении мальчик, называющий себя фашистом, объясняет свою позицию так: “Мне так надоело все!”. Это закономерная расплата за то, что до бесконечности говорится об уважении к коммунизму, победившему в Великой Отечественной войне.

Героев надо чтить всегда вне зависимости от того какой кретин ими командовал. Но бесполезно надеяться, что у молодых сейчас должен вызвать положительные эмоции памятник Жукову, который повинен в чудовищных потерях нашей армии и методах ведения этой войны. Памятник Жукову поставлен вместо памятника Скобелеву, у которого противник всегда расплачивался большим числом потерь.

Ветераны той войны больше служить не будут, а молодежь по Жукову воевать не захочет.

Дмитрий Рогозин, Конгресс русских общин

Хотелось бы отвести те замечания, которые относятся к прежней жизни КРО или к людям, которые к КРО не имеют никакого отношения.

Сегодня много было споров по поводу просвещенного патриотизма. У нас никогда не было этого словосочетания в документах. Термина “гражданское общество” тоже нет в наших документах.

Конгресс народов России удушен в зародыше. Абсурдная идея его создания принадлежит только Ю.Скокову.

По поводу рекламной кампании, ведущейся с использованием серпа и молота. Такую заставку посчитали удачной имиджмейкеры из галереи Марата Гельмана. Кто с ними заключал договор на рекламную кампанию нам с С.Глазьевым неизвестно.

Любое политическое движение, если оно хочет быть действительно массовым, а значит опирающимся и на средства, и на оргструктуры (если есть движение, средства оно всегда получит), должно быть точным в своих формулировках. Когда мы стесняемся ясной позиции по поводу роли российского государства, роли русского народа, по поводу размывания традиционного уклада жизни, об этом начинает говорить кто-то другой. Тогда необходимость в нашем движении отпадает. Тогда, подобно либералам, можно сказать, что народ не тот, не так воспитан, можно искать виновников наших бед в советском периоде, у масонов, у евреев.

Если мы не поняты собственным народом, мы сами виноваты!

Давайте переступим через ощущение, что ничего нельзя исправить в патриотическом движении, что движение создано лишь для того, чтобы кто-то уселся на него и поскакал к зияющим высотам своей карьеры. Но для этого русское национальное движение должно стать многоголовым и богатым по содержанию.

Духовно-нравственная безопасность России

2 октября 1996 г. Православное политическое совещание (ППС) при содействии Фонда “Российский общественно-политический центр” (РОПЦ) провело конференцию на тему “Духовно-нравственная безопасность России”, в которой приняли участие церковно-общественные деятели, авторитетные политики, православные ученые и публицисты.

Участники конференции видят причины всестороннего кризиса, поразившего Россию, именно в духовной сфере. Потеря духовно нравственных ориентиров тормозит или делает невозможным оздоровление экономики, возрождение культуры, реформу вооруженных сил. Наибольший вред обществу наносит перерождение государственного чиновничества, по сути дела отказавшегося от служения своему Отечеству, использующего ситуацию в личных эгоистических интересах.

Мириться с духовной деградацией российского общества — значит обрекать народы России на вымирание, соглашаться превращение государственных институтов в рай для взяточников, армии — в разновидность острога, школы — в рассадник преступности, а страны в целом — в мировую социальную свалку.

“Обезбоженный человек становится зверем в борьбе, или домашним животным в укрощенной цивилизации”, — писал русский мыслитель Георгий Федотов. В книге “Судьба России” он подчеркивал, что центром для духовного собирания народа является Православная Церковь. Она — “сердце России, и пока оно не перестало биться, нельзя говорить о смерти нации”,

Сегодня биение этого сердца еле прослушивается. Его пульсация перестает передаваться обществу, которое вынуждают слушать инославных проповедников или исковерканный язык теле- и радио-ведущих, погружаться в сюрреализм компьютерных игр, поглощать отбросы западной попкультуры.

Дело тут не в отсутствии средств, не в нищете церковных приходов. Государственная политика России оказывается равнодушной к судьбе народа, лишенного собственного духовно-нравственного наследия. Губит страну именно это равнодушие, превратившееся в главную угрозу ее безопасности.

Поддержка Православной Церкви, причем не столько во внешних ее проявлениях, сколько в повседневных заботах, становится сегодня важнейшим фактором национальной безопасности. Поэтому участники конференции заявили о необходимости серьезной совместной работы власть имущих и православной общественности в деле разработки и реализации программы защиты духовных ценностей России.

Валентин Лебедев, главный редактор журнала “Православная беседа”

С православной точки зрения основной причиной кризиса, постигшего наше Отечество, является духовный кризис. Но это утверждние хотя и справедливое, но слишком общее. Речь должна идти о безопасности в области духа, о политике государства в этой сфере, о позиции общественности.

Речь идет о засилии “тоталитарных сект”, которые уже охватили не только высшую и среднюю школу, но и оборонные предприятия, банки, армию.

Речь идет о хаотичном изменении учебных программ в школах и вузах, о различных новомодных веяниях в системе образования, прерывающие здоровую традицию.

Речь идет о пропаганде противоестественного образа жизни средствами массовой информации — нудизма, гомосексуализма, феминизма, трансексуализма. все это происходит на фоне развала семьи и демографического кризиса. стоит упомянуть и о пропаганде насилия, и о прямой пропаганде наркомании. например, некоторые молодежные газеты рекламируют “веселящие таблетки”, которые якобы не являются наркотиком.

Речь идет и о межнациональных отношениях, поскольку пафос национальной культуры всегда религиозен и тоже захватывает сферу духа.

Протоиерей Владислав Свешников

Общая ситуация почти всеми участниками ППС оценивается достаточно определенно и одним и тем же образом. Другие попытки самоопределения в этом вопросе могут быть связаны лишь с интерпретациями, основанными на вненациональном и вненравственном понимании хода событий.

Тема сегодняшнего совещание, может быть, определена с запозданием. О безопасности обычно говорят, когда опасность еще только приближается, только грозит. Сейчас же опасность стала реальностью, при которой гораздо сложнее мудро попытаться изменить ситуацию, тем более, что и силы как внутри страны, так и извне имеют прямо противоположную заданность.

Кроме того, через СМИ действуют силы либерального мировоззрения.

Хоты в истории России были и либерал Катков, и либерал Платонов, но в свое время Победоносцев говорил о том, что пресса представляет собой одну из главных опасностей, говорил, что это “великая ложь нашего времени”. В наши дни — тем более. Ранее либеральное мировоззрение, пытавшееся пробивать себе дорогу повсеместно, стало сегодня почти единственно господствующим повсеместно в СМИ.

Здесь сложно говорить о мировоззрении, поскольку мировоззрение — есть некоторое цельное и целостное, включающее в себя религиозные, нравственные, духовные подходы, что совершенно закрыто для либерального мировоззрения. Оно, между тем, с упорством почти шизофреническим себя утверждает и воспроизводит, такова ее природа.

Свобода, о котором так вопиет либеральное мировоззрение, в условиях равнодушия к неправде, становится неизбежно пространством греха, всяческого развала и падения.

В этом отношении пресса является одним из самых серьезных и страшных показателей тех процессов в духовно-нравственном состоянии, которые происходят в нашем обществе и народе.

Слово “опасность”, если мы говорим о духовно-нравственном состоянии, становится уже не просто опасностью в узкоспециальном духовном приложении. Эта опасность становится опасностью для государства как такового.

И слава Богу, что, несмотря на то, что наше Православное политическое совещание как бы по названию должно было бы включать в себя людей, уже вполне воцерковившихся — слава Богу, что это еще не так. Пусть не так пока, пусть, по крайней мере, оно ориентировано как было, так теперь и будет, на те нравственные принципы, которые всегда были присущи лучшим слоям российского общества и ориентированы прежде всего на Божию правду, потому что свобода, о которой так вопиет либеральное самосознание, свобода вне поиска правды, или, точнее сказать, в условиях равнодушия к объективной правде, становится просто неизбежно пространством греха и развала, и всяческого падения.

Теперь далее я бы хотел, уже не останавливаясь на всех этих конкретностях, конкретных опасностях или уже вошедших в нашу жизнь развальных устройствах, или, скажем гораздо точнее, неустройствах, хотел бы сразу перейти, не останавливаясь конкретно, потому что, как мы надеялись, будут среди нас те, кто вполне конкретно об этом скажет, хотелось бы предложить вашему вниманию некоторые плоды наших размышлений Совета нашего Православного политического совещания, который собирается, конечно, гораздо чаще, чем такие расширенные собрания, размышления, которые имеют уже возможность вполне конкретного практического применения, возможного, говорю, потому что на деле реализация по многим признакам ожидается быть страшно трудной, если вообще возможной. Но если невозможной — то как ни больно, ни ужасно и ни стыдно говорить, тогда приходится уже не говорить, а вопить — тогда, конечно, конец. Если хоть что-то из того, что должно быть реализовано для спасения от надвинувшейся опасности не будет реализовано, тогда конец. Но все-таки представляется, что кое-что из этого, может быть, частично, хоть каким-то образом реализуется. Прежде всего, собравшись последнее время несколько раз, мы говорили о таком почти невозможном органе, который хорошо бы все-

таки стал возможным, который можно назвать как угодно. Мы предлагали в наших прениях назвать его этической комиссией, которая могла бы быть где угодно — при Совете Безопасности, ну, это наиболее, кажется, наиболее реалистично, хотя бы потому, что в разговоре с Сергеем Юрьевичем Глазьевым он поддержал полностью эти наши соображения. Этическая комиссия, у которой могли бы быть четыре главных направления действия. Во-первых, общая цель этой этической комиссии, прежде всего, хоть какие-то как прямо близкие, так и перспективные возможности создать для того, чтобы и реализовалось хотя бы в минимальной степени, как, знаете, на огромных плакатах — рекламах — о табаке, там внизу меленько пишется: “Минздрав предупреждает об опасности курения для жизни”. Так вот хотя бы в таком смысле, чтобы по сравнению с этой громадой так называемого общественного, скажем опять-таки, антиобщественного мнения, которое может вполне по размеру быть сравнено с этим плакатом, хоть мелко, мелким петитом, но прозвучит голос этой комиссии. Он, я думаю, будет существенным, если она все-таки будет создана при достаточно авторитетном органе. Это комиссия могла бы... она, конечно, должна быть сформирована на общественных началах, и она должна была бы осуществлять четыре рода деятельности. Во-первых, предлагать руководству Совета безопасности осуществлять как бы экспертно-этические оценки различных ситуаций в общественно-политической жизни. Ну, так, например, когда один из любимых помощников президента, потом становящийся его вице-премьером в государстве, в течение последних месяцев несколько раз говорит о том, что все невыплаты прекратились, уже давно все долги бюджетникам выплачены, а в это время проходят забастовки, то это уже даже не дело этической комиссии, ну, один раз сказать вслух и для всех, было бы, наверное, не худо. И в связи с этим было бы возможно второе направление — публиковать по необходимости эти оценки через средства массовой информации. Для этого должны быть свобода дороги. Далее — предлагать возможные правовые решения некоторых этических проблем, хотя это, понятно, крайне трудно, по крайней мере, как нас в этом убеждают. Думаю, что на деле не так трудно. Говорят, что трудно установить грань между порнографией и эротикой. Думаю, что на самом деле не так трудно, потому что грешным делом я иногда при усталости так к ящику прибегаю и включаю. Грешным делом я как-то смотрел детектив. Дело довольно противное, но еще не самое страшное. И вдруг там на полминуты пустили — кажется на полминуты, может быть, даже больше, не знаю, потому что я тут же выключил — то, что детям до двадцати пяти лет или старше, в общем, лучше не подглядывать в замочную скважину совершенно безобразную. Я думаю, что могли бы быть найдены какие-нибудь вполне законные рамки, и самое главное — механизмы реализации законов, механизмы реализации правовой области этих проблем и решения. И, наконец, что еще более существенно — это комиссия могла бы подготавливать перспективные решения не только связанные и предыдущими и существующими опасностями, но с перспективными решениями вообще по оздоровлению нравственных основ общественной жизни в России. В связи с этим я хотел бы сказать, что еще мы говорили вот о чем. Что эти перспективные планы заранее, можно сказать, не осуществятся никогда, если не будут выполнены еще некоторые условия, о которых мы тоже на нашем совете говорили. Первое. Самое необходимое. Мы вопием уже много времени о том, что самое необходимое — необходима хоть одна газета, настоящая, не клерикальная, постоянная, со строгим и просвещенным патриотическим направлением, которое освещало бы все вопросы общественной и государственной жизни, в которой могли бы быть вполне хорошие православные сотрудники, которых уже сейчас уже можно назвать десяток совершенно спокойно. Она могла бы быть сейчас... наши современные мелкие издания, к сожалению, имеют очень узкий адрес и читаются немногими. И выпускаются нерегулярно, что связано, конечно, прежде всего с финансовыми проблемами. Я думаю, что если бы все сочувствующие вопросам нравственного оздоровления России люди, имеющие возможность и финансы, объединились бы, — я думаю, не так уж был бы вопрос не решаем. Все остальное было бы довольно решаемо, что могут подтвердить присутствующие здесь несколько журналистов

и газетчиков. Все это дело вполне реальное. Без этого, во всяком случае, дело будет очень трудно. Следующий практический вопрос, связанный с необходимостью оздоровления и возможностью оздоровления нравственной жизни — это необходимость преподавания основ православной... христианской этики, скажем немножко шире, что бы нас не заклевали совсем, прежде всего в педагогических учебных заведениях высших и по возможности в школах, потому что то, что сейчас, к сожалению, делается и в школах, и в спецвузах — я думаю, что не очень многие знают, но почти все догадываются. Происходит нечто ужасное, но, конечно, рассчитывать романтично на то, что такое преподавание в год, два или в десять что-нибудь безусловно решит, было бы наивностью, но что вообще этот вопрос нужно ставить в связи с тем, что хоть что-то могло бы быть решено в будущем — это несомненно. И, наконец, последний вопрос, связанный как бы прямо с деятельностью политической и отчасти с деятельностью нашего Политического совещания. Жаль, что нет отца Иоанна Экономцева, потому что я хоть сейчас готов был бы ему предложить организацию, например, политического факультета, государственнического факультета, какого угодно в его университете или где угодно еще. Или преподавать нужно было бы прежде всего христианскую этику в тех учебных заведениях, которые занимаются подготовкой людей, связанных с будущей работой в области государственной, правовой и политической деятельности, потому что, конечно, при этом нужно вообще изменение в целом нравственно-политической обстановки в России. Но это дело мечтательного будущего, а пока вот речь может идти об этих первых шагах... Пожалуй, я, чтобы не утомлять ваше внимание, на этом и ограничусь.

Евгений Никифоров, общество “Радонеж”

Господь говорит: Церковь есть свет миру. К сожалению, сейчас мы часто встречаемся с совершенно превратным пониманием того, что есть церковь. Сейчас это не столько свет миру, сколько блеск куполов. И вот с этой подменой нужно бороться всеми возможными способами. Церковь есть источник жизни нашего общества. И меня вот, как председателя общества, и наше общество беспокоит исключительно проблемы Церкви. Если тело Церкви будет здраво, будет все остальное. Для нас это предмет веры, глубокого убеждения. Если Церковь будет той самой солью земли, то она осолит всю землю. К сожалению, сейчас происходит нечто, просто не укладывающееся в наше представление о том, как все должно было бы быть. Наша задача состоит в том, чтобы не просто проповедовать, не просто знакомить с вероучением церковным, а с тем, чтобы церковь действительно была нравственным авторитетом нашего общества. Для того, чтобы это было так, для того, чтобы церковь была этим нравственным авторитетом, этому должно послужить наше Православное политическое совещание и вообще православная церковная общественность. Мы видели, на наших глазах происходило создание православного братского движения. Происходило создание Союза православных братств. И мы видели, во что это все превратилось, и как это было уничтожено. По многим причинам. Сначала это было вполне такое благонамеренное движение, потом в него внедрились ряд организаций, внесших совершенно другие, ставящих перед собою совершенно другие задачи — не скажу, что дурные, но иные — задачи, чем создание православной общественности. Они спровоцировали некоторое мнение в обществе, которое имеет воздействие на иерархию, средства массовой информации, в результате получилось то, что практически оно разорено. Братского движения нет, нет православной общественности. Вот мы собираемся, а что мы такое? Какое юридическое, какое правовое отношение мы имеем к Русской православной церкви? Внутреннее, каноническое отношение? Да никакого. Как мы можем заставить себя слышать церковь в лице наших иерархов? Да никак. Поэтому я считаю, что наша задача состоит, и следующего нашего совещания, я буду краток, у меня нет на самом деле мыслей по сегодняшнему нашему совещанию, скорее, мое выступление заключается в том, чтобы дать нам задачу более предметно, более конкретно определить задачи следующего нашего совещания. А главное состоит в том, чтобы нам определить главную нашу даль-

нейшую тему — отношения церкви и православной общественности. Потому что в следующем году предполагается Арихиерейский собор и Поместный собор Русской православной церкви. Кто будет представлять православную общественность на Поместном соборе, меня это интересует. Кто туда будет отбирать делегатов, как это будет происходить, какова будет процедура, как это вообще. После семидесяти дет разорения нашей страны, установилось серьезное недоверие между православным народом и иерархией. Это факт. Иерархия не доверяет православным людям, православные не доверяют иерархии. Разорение православного движения вы видели, как происходило, причем участвовали в этом решении те епископы, которые имели полное доверие Русской православной церкви, включая епископа Иоанна санкт-петербургского и Ладожского, который голосовал против православного движения, считая, что это разбойники. Значит, мы создали такое впечатление о православных людях, о православных братствах, заседая у него же, проводя съезд у него же, в его епархии. И сейчас единственным органом действенным, который собирает действительно православную элиту, политическую элиту, является наше Православное политическое совещание. Я считаю, что следующим нашим собранием необходимо, нужно сделать совещание, которое действительно серьезно бы обсудило проблемы отношения клира и мирян, вообще вопрос о православном братстве. О создании церкви. И, завершая мое, простите, сумбурное выступление — потому что это был призыв. а не выступление — я хотел бы еще раз напомнить о том, что главная задача наша, и любого человека, озабоченного, я думаю, судьбой нашей Родины — это очищение церкви. Это забота о том, чтобы церковь была жива, жила ее собственным преданием, исполняла его во всей чистоте. Если церковь будет жива, раньше или позже она захватит все остальное общество, потому что это есть та закваска, которая является закваской жизни вечной.

Виктор Аксючиц, председатель партии РХДД

Я думаю, что для всех присутствующих понятно, что духовные традиции — это духовная конституция общества, народа, и своего рода иммунная система общества. Только постольку, поскольку разрушается эта иммунная система, только постольку возникают проблемы военной безопасности, экономической безопасности, политической безопасности. Вот я приведу только несколько примеров из своей, действительно, политической биографии, малоизвестных и неизвестных, которые свидетельствуют об этом и которые обо многом обязывают задуматься. Вряд ли знает кто из присутствующих, что в Соединенных Штатах Америки существует такое общество или такая структура, как Духовное братство Конгресса. Во всяком случае, я ни разу ни до ни после ни от кого не слышал о такого рода обществе, но в начале 1991 года я был специально приглашен, как новоиспеченный депутат и лидер христианской партии, в Соединенные Штаты, и меня пригласило это общество, которое называлось Духовное братство Конгресса на, ни мало, ни много — обед с президентом. В один день, в другой день был завтрак с вице-президентом. Что это такое? Это, как мне объясняло Духовное братство Конгресса, все члены Конгресса — верующие люди — раз в году собираются на такого рода мероприятия, где присутствует весь политический фактически цвет Соединенных Штатов, в большом зале и обедают вместе сначала с президентом, а на следующий день — с вице-президентом. При этом создается атмосфера такой религиозной сентиментальной экзальтации, когда государственный секретарь выступает — понятно, что у протестантов нет института исповеди, и вот этот как бы заменяет подобное — выступает с историей своего обращения в христианство, рассказывает, какой он был беспутный, непутевый, пока его возлюбленная, а в будущем жена не привела его в христианство, не обратила к вере. Выступает вице-президент с такими же признаниями, президент и многие другие, все это очень торжественно, напыщенно, на это мероприятие приглашаются послы зарубежных стран, но самое главное, что это мероприятие проводится для того, чтобы как можно больше пригласить — и действительно, не меньше половины зала их было — из восточноевропейских стран и из Советского Союза, из России: диссидентов, религиозных деяте-

лей, священников, много священников всех конфессий, в том числе и православных, и Русская зарубежная церковь, Американская церковь, и Московская патриархия. Вечером каждый из зарубежных гостей из восточных стран, развозились в гости уже конкретно к каким-то сановникам. Скажем, мне посчастливилось побывать на ужине у главнокомандующего ВВС Америки в один вечер, на другой вечер — у одного конгрессмена. Тоже создается атмосфера такого сентиментального религиозного общения, очень доброжелательное, очень уютное, теплое, но затем после, в конце этого двухдневного раута, который, как вы сами понимаете, представляет собой действо очень впечатляющее. Я думаю, что не только я, но и каждый из тех, кто планировался... была индивидуальная встреча с лидером Духовного братства Конгресса, как мне было сказано. В роскошнейших апартаментах. Я спросил — он конгрессмен? Нет, он не конгрессмен, но тем не менее он лидер Духовного братства Конгресса. И вот этот лидер в течение минут сорока рассказывал мне, как он счастлив, что он всю жизнь мою прекрасно знает, как знает жизнь и всех остальных, с кем встречается, он готов меня поддержать, все наши начинания, всю нашу деятельность, и объяснял, что вот мы теперь с вами едины, хотя вы на одной стороне земного шарика, а мы — на другой стороне. Я, так сказать, внимательно слушал, наблюдал, старалсяпобольше молчать, но совершенно понятно для меня уже тогда стало, что на самом высоком уровне в Соединенных Штатах существует организованная система духовной экспансии на Советский Союз и восточноевропейские страны. И многие из имеющих потенциал будущих политиков прокачивались через эту систему. Удосужился, скажем, и я. Ну, например, вот один из таких фактов. Когда Мурашов не был еще главным милиционером Москвы, а просто один из тусовщиков, как и все мы, в политических коридорах, он ко мне подошел как-то и сказал: “Слушай, Виктор, я понял, что христианство имеет огромное значение для политики”. Я говорю: “Где ж ты это понял?” — “Ну, как — говорит, — в Штатах, на семинаре у Муна”. (веселый смех). Должен сказать, что почти всех депутатов России и Моссовета прокачали через семинары Муна, хотя не все об этом знали, потому что это всякие независимые фонды приглашали. Значит, вот одна такая зарисовка. Вот другая зарисовка — опыт деятельности РХДД, небольшой партии, которая пыталась что-то сделать в области политической жизни для церкви, для духовного, религиозного возрождения России, и должен сказать, что после этой поездки в Штаты мне, как лидеру РХДД, различными структурами, так называемыми религиозными или религиозно-политическими в Европе, но как я потом достоверно все это узнал, которые, естественно, замыкались либо на финансовой поддержке, либо непосредственно были организованы структурами Соединенных Штатов, либо Конгресса, либо спецслужб, были предложены программы, например, организации радиостанции мощной в России, и даже передан был передатчик, который впоследствии забрало правительство, открытия радио, телевизионного канала, издательства мощного христианского. Собирались покупать особняк в центре Москвы, для того, чтобы организовать вот такой религиозный центр. Единственное условие — чтобы этот религиозный центр не проводил, как они говорили, точку зрения Патриархии. Чтобы он был межконфессиональным. Вот такого рода предложения. Следующий факт. В 1991 году, сентябрь месяц, я получая как лидер РХДД письмо от генерального секретаря Интернационала христианской демократии. Интернационал христианской демократии объединяет все христианско-демократические партии мира, но как я потом тоже узнал, в общем-то говоря, скорее всего, эта тусовка материально тоже поддерживается Конгрессом Соединенных Штатов. Так вот, в этом письме, письмо у меня есть, это очень интересный факт — было сказано, что РХДД ведет неправильную политику, сентябрь 1991 года — что они предупреждают нас об этом, предлагают вести правильную политику. А правильная политика заключается в следующем — чтобы, во-первых, РХДД поддерживало право всех народов на самоопределение на территории Советского Союза и не скатывалось к империализму, к которому скатывается РХДД уже к сентябрю 1991 года. Второе, чтобы РХДД поддерживало соответственно деятельность всех зарубежных религиозных организаций на территории Советского Союза. И в той степени, в которой вы не

поддерживаете ни то, ни другое, было написано в этом письме, вы теряете звание демократической партии, демократического деятеля. Вот мы вас об этом предупреждаем, было сказано в этом письме. Естественно, наша реакция была однозначная на все на это и массу всего другого, в результате мы были превращены в красно-коричневых, в жупел, в том числе при очень мощной поддержке извне. Вот еще один достоверный факт. Весной 1993 года состоялось совещание в Риме, которое организовал в том числе и Интернационал христианской демократии, Ватикан и многие другие организации христианские Европы и Америки. Так вот, на этом совещании решался вопрос — а из кого теперь, если организация РХДД недостойна, это шовинисты, это империалисты, там так это говорилось — представлять интересы христианской политики в России, то на кого теперь опираться? РХДД недостойна, было сказано, якунинцы и другие не способны, не имеют авторитета в обществе — поэтому было принято решение найти какую-нибудь не христианскую демократическую организацию, влить в нее побольше средств, а потом потихонечку переименовать и переделать. Вот, например, такой факт. Можно много таких фактов рассказывать, но они красноречиво свидетельствуют об одном: колоссальная, мощная волна экспансии духовной обрушилась на Россию с восьмидесятых годов и поныне. Теперь несколько слов о том, как действует наш режим. Вот нам, бывшим депутатам России удалось в 1990 году принять закон о свободе вероисповедания в Российской Федерации. Это всем известно, но прошу обратить внимание на один только факт: одновременно с законом было принято и постановление Верховного совета, по которому были отменены все ленинско-сталинские декреты относительно церкви и религии, в том числе декрет об изъятии ценностей. Соответственно, все, что было изъято у церкви, было признано, что изъято незаконно. В 1990 году было принято это постановление. Так вот, на сегодняшний день, нет еще никакого правового акта ни парламента, ни президента, ни правительства, которое вернуло бы изъятые все эти ценности. Я задаю вопрос: это что — недоразумение? Это что, руки не дошли? Нет, это целенаправленная политика, потому что единственная возможность возродиться Патриархии, которая единственная религиозная конфессия в стране, ну, понятно, традиционная конфессия, ведущая, доминирующая конфессия — так вот эта конфессия единственная, которая не имеет никаких центров помощи из-за рубежа. Все ее центры здесь в России. Все остальные конфессии, все остальные религиозные исповедания имеют мощную поддержку извне для своего возрождения. Единственная возможность возродиться Патриархии, которая была разорена больше, чем все другие религиозные конфессии в России, от коммунистического режима — возродиться на собственные средства, то есть получить всю недвижимость, все храмы. Обращаю ваше внимание на то, что сегодня, как при коммунистическом режиме все, чем распоряжаются общины — их здания, и последний гвоздь, и вся утварь, так же, как при коммунистическом режиме является собственностью государства. И передается в церковь и общинам только в безвозмездное пользование. Это значит, что тоже определенный рычажок, который сегодня не действует, но когда-то может и подействовать. А может быть, он и действует, может быть, мы об этом не знаем. Я думаю, что если смотреть не все, что происходит, и, в частности, на многие другие факты, вот последний опыт моей политической деятельности, участие в предвыборной кампании в Думу, я был в Тамбове. Меня пригласили в протестантскую общину, что я вижу? Три дома протестантской общины, один — так называемый молельный дом, а два других дома завалены, завалены благотворительной помощью из Америки. Соответственно, везде объявления по Тамбову: каждый может придти и получить, нуждающийся, благотворительную помощь. Но каждый, когда приходит, он сталкивается с тем, что прежде чем получить эту благотворительную помощь, он каждый раз должен посетить собрание молитвенное общины, то есть он должен быть пропущен. Только после того, как он его посетит, он получит какую-то каплю. После этого он должен еще отсидеть какое-то количество, после этого идет другая капля. Мало того, что, естественно, никакой религиозной проповеди.... чтобы какая-то религиозная проповедь в данном случае решающим была аргументом в выборе вероисповедания — ясно, что здесь просто аргумент толстого

кошелька работает. Мало того, в этой общине в отличие от наших общин велась очень четкая и жестко направленная политическая пропаганда за определенных кандидатов, которые были выгодны в данном случае протестантским общинам. Это совершенно показательный случай для всей России. И тогда встает вопрос: а что делает власть при этом? И вот последний пример: понимая все это и уже тогда зная, в начале девяностых годов, о деятельности Муна и Белого братства и многого чего другого, мы в Верховном совете разработали и попытались принять к лету 1993 года новый закон, который бы регламентировал деятельность зарубежных религиозных организаций в России. Только один факт. Ельцин наложил вето на этот закон с одной четкой формулировкой: ваш закон, было написано, нарушает права и свободы зарубежных граждан. Поэтому налагается вето. Верховный совет отменил это вето, Ельцин опять наложил его, во второй раз мы не успели, потому что наступили события сентября-октября 1993 года. Когда мы работали — здесь присутствуют депутаты, те, которые тоже являются авторами этого закона, они помнят — ненависть просто исходила и агрессия со стороны администрации президента в момент работы этого закона. Почему они были так в этом заинтересованы, почему именно эти пункты, которые, в общем-то говоря, регламентировали деятельность зарубежных религиозных организаций также, как они регламентируются — не более того — в Соединенных Штатах, в Германии, в Европе — почему такое неистовство вызывало у них по поводу России? Я должен сказать, что, когда все начинаешь оценивать, то всякого рода, казалось бы, фантастические описания в газете “Завтра” по поводу пятой колонны или агентов влияния, оказываются невинными фактами по сравнению с реальностью.

Александр Васильевич Толмачев:

Я представляю Русскую соцпартию, которая зарегистрирована всего три месяца назад. Немножко мы пошумели в предвыборную кампанию, но я хотел бы вернуться к тому, о чем сегодня говорили здесь, и я думаю, что начать надо с того, а что вообще нужно человеку в этой жизни? Что движет им? А человеком, видимо, движет три жажды: жажда любви, я думаю, здесь собрались все свободолюбцы, любви в том числе к духу. Я думаю, что если мы будем правильно славить Бога, то он нам поможет, а иначе мы просто не православные. Жажда познания — я хотел бы сейчас остановиться над этим **(…).**

(?) Я хочу добавить несколько слов к тому важному пункту, который был зачитан. Я приготовился к выступлению и много интересного для меня было, предвкушал, что я скажу хорошие вещи, но у меня все эти вещи отняли предыдущие ораторы. Я очень этому рад, потому что я вижу, что у нас складывается некая позиция. Позиция довольно-таки в общем уже сейчас единая, и довольно-таки, я бы сказал, продуманная. Это очень хорошо. Мало есть что добавить к тому, что сказали и отец Владислав, и Аксючиц, и блестяще сказал Владимир Леонидович, а если вот как-то суммировать, то действительно найдены те направления, в которых надо нам действовать, как православной общественности, православно-политической. Это стараться поставить преграду на пути духовной экспансии, культурной экспансии, антикультурной — так скажем, культурной это трудно назвать, это раз. И второе — положительную какую-то пропаганду, то есть свой какой-то орган печати сделать, который был бы интересным, который имел бы спрос, и в то же время освещал бы те же самые события, которые, скажем, освещает “Московский комсомолец”, но совершенно с другой точки зрения, и более глубокой и более интересной, даже для читателя. Квалификации у нас достаточно. Но вот это все хорошо, и сейчас, конечно, дошло уже до такой стадии наше движение, что мы ищем форму и возможность это реализовать. Но вот то, что говорил господин Толмачев, совершенно правильно — нам нужна наша национальная буржуазия, очень нужна нам, без нее, без наших русских миллионеров трудно что-либо сделать нам, но это такая вещь, перспектива. А сейчас я так понимаю, что образование Совета безопасности, оно дает некоторый нам, как бы сказать, шанс, или предлог, как говорят. Надо быть мудрыми, как змии. Я думаю, что идея под эту крышу как-то пристроиться, она еще не провалилась, может, она, конечно, провалится. Но использовать

этот шанс, по-видимому, можно, оставаясь мудрыми как змии. То есть действительно, может быть, записку составить, может быть, пользуясь тем, что Лебедь хаживал сам на эти наши тусовки, как-то ему напомнить, может, через Рогозина. Я его один раз застал, и в тот раз он говорил вещи такие... хорошие. Так что сейчас, конечно, птица взлетела высоко, я же имею в виду просто крышу, какую-то возможность, так сказать... не по любви брак. Это, конечно, серьезная такая возможность, которую нужно, я думаю, что опробовать. Ну, провалится... я знаю, вы скептически даже... Ну, почему, с нашим умом, особенно я имею в виду вас, можно попробовать влезть под это... а там мы уж составим, посовещаемся.

Е. Никифоров

Я предлагаю резко изменить формы нашей работы, потому что когда мы начинали работать, завоевывали определенный авторитет в обществе, у средств массовой информации, привлекая внимание, привлекая политиков, это была одна задача. Сейчас она выполнена, нужно сказать, авторитет это совещание имеет, и нужно переходить к другим формам работы, более конкретным, более продуктивным. Вот такие приятные обсуждения — они уже мало чего дают, кроме того, что мы повторяем то, что мы все и так знаем. Давайте теперь сделаем так. Я предлагаю составить наш президиум, кто будет реально работать над документами, к следующему совещанию готовить доклад, причем доклад готовить действительно серьезно, научно, обоснованно, добросовестно, аргументировано, и предлагать его для обсуждения. Доклад, скажем, тезисный, без всякой воды, по той или другой теме. И уже здесь присутствующие, действительно интеллектуалы, я надеюсь, действительно могли бы добавить что-то существенное к этому докладу. И результат — после каждого нашего совещания должен выходить документ или явные рекомендации. Вот мы сейчас поговорили-поговорили, и что? Чем мы закончим, что делать дальше? Какие-то реальные вещи, значит, мы должны делать первое, десятое, какие-то предпринять действия в результате этого обсуждения. Я думаю, что ответом на мою реплику будет изменение регламента нашей деятельности.

Если дело ставится так, то я считаю, что такой орган необходим, вообще необходим государственный орган по делам вероисповеданий, как бы он на назывался, но нужно продумать его регламент. Это нужно нам представить на следующем заседании, ясный регламент этого органа, как это все будет происходить. В частности, о некоторых таких попытках уже написано, содержание этих попыток мне не ясно, хотя вот здесь вот информация есть, но вся информация, которую могли получить из других источников.

О. Сергий Морозов

Я хотел бы сказать несколько слов о деньгах, с ними связанных, но поскольку сейчас уже некогда говорить, то такое практическое, может быть, предложение, что, в основном я хотел сказать об их таком внутреннем родстве с такими явлениями, как всевозможный апатизм, секты и прочее, не только по последствиям для души человека, но и по социальным последствиям, для которых, собственно, все эти штуки и придуманы. Просто как средство, которое можно менять очень легко. Так вот, большинство того, что о них говорится, священниками говорится в храмах, носит характер такого разоблачения: мол, не ходите туда, душой погибнете. Это, безусловно, правда, но если говорить о той пользе, которую можно было бы для государства и его безопасности принести, то думаю, очень было бы полезно отследить, видимо, людям профессиональным, уже не священникам, и профессиональным в этом деле, отследить тот конкретный вред и те конкретные методы расшатывания государства, а они, я уверен, есть, и именно на это все это и работает, и как бы многие это знают, но вот конкретно показать, как... Я уверен лично, что это можно сделать вполне. Я не знаю, может быть, есть какие-нибудь такие аналитики, кто этим занимается, я как бы не знаю, я не слышал про таких, но может быть, они где-нибудь в тайне своей сидят и тайно занимаются. Просто можно было бы показывать пальцем буквально, как. Как вот, допустим, Белое братство, к чему оно приводит, один этот эксперимент,

да, показывает, как легко можно собрать огромную толпу фанатически настроенных людей, довести их до чего угодно. И можно других много примеров привести. Можно приводить Сехо Асахару, кого угодно. Даже не касаясь их критики со стороны православия, а просто вот чисто того, как они действуют на общество, к чему это приводит и, главное, с какой целью. Кому в руки вкладывается политический рычаг управления сознанием, который они очень успешно подготавливают. Насколько я знаю, мне вот так приходилось слышать, что вот, например, в ФСБ практически не осталось центра, который работал с ересями всякими... не с ересями, я оговорился — с сектами. Я думаю, они так работали со всем когда-то, но вот практически не осталось ни одного человека. Я не знаю, может быть, они этим не занимаются, может быть, им не дают этим заниматься, но я думаю, что надо этим заниматься и, по крайней мере, чтобы потом не говорили, что мы вас не предупреждали. Что мы вот предупреждали и говорили, что вот так вот этим кончается. Ну, не захотят слушать, то, как говорится...

(?) ...Состояние дел в обществе — это состояние дел внутри церкви. Поскольку мы хотим как-то активизировать нашу деятельность, то у меня есть такое предложение, подключить приходы реально существующие. Поскольку приход — это государство в миниатюре, и то, что происходит у нас в государстве, реально происходит в жизни каждого маленького прихода. Поэтому было бы целесообразно просто доводить до сведения приходов информацию о нашей деятельности, какой-нибудь информационный источник, листовку рассылать на имя приходского совета, и по возможности избрать одного делегата от каждого прихода для того, чтобы подготовить их к участию в грядущем Поместном соборе православной церкви. Тогда, возможно, как-то прояснится наша ситуация.

О. Вячеслав Полосин

Я как раз как бывший депутат и хочу признать нашу трагическую ошибку, в которой можно теперь вполне каяться, о том, что мы на волне демократии в 1990 году полностью ликвидировали тот орган исполнительной власти. который занимался вопросами религии. Тогда это эмоционально было оправдано, учитывая тот имидж, который эти органы имели в советский период, но политика — это вещь, которая требует холодного расчета, а не эмоций. Потом уже все наши попытки что-нибудь создать взамен этого, или новое что-то, действительно, блокировались и успеха не имели. Поэтому я, чтобы быть короток, в двух словах: никакой закон, даже самый хороший, он ситуации сейчас не исправит. Во-первых, потому что все те иностранцы, которых когда-то можно было в принципе сдержать в России, они уже давно имеют здесь российские организации из российских граждан, поэтому для них этой проблемы действительно уже не стоит. Во-вторых, если будет одна церковь судить о других, кто там больший сектант, кто меньший сектант... В прошлом веке, кстати, Священный синод отправлял в МВД такую бумагу, где классификация была сект: менее вредные, просто вредные и наивреднейшие они назывались. Но сейчас состояние духовное общества не такое, внутри самой церкви даже нет единства, потому что одни с католиками вместе служат, причащаются, другие — с протестантами, третьи — еще что-то, поэтому тут будет еще большая междоусобица и религиозная война. Нужен государственный просто орган, министерство или департамент, который бы этим занимался. Что касается этих сект, так называемых, то на мой взгляд сильно преувеличена здесь их роль, опасность, и вот здесь я согласен с господином Махначом, что действительно тут больше камуфляж какой-то. Опасность тут, пожалуй, в другом — что есть секты, которые довольно-таки непонятно откуда имеют огромные средства, потому что удивительно, когда несколько каких-то маньяков, фанатиков, имеют возможности для проведения высококвалифицированных медицинских опытов, причем по использованию отравляющих веществ на людях, психотропные средства испытывают, имеют оружие, вертолеты боевые и так далее... Откуда это все могло взяться, тем более, что коммерцией они особенно не занимаются? Ну, Мун, понятно, откуда берет деньги, у него фирмы по всему миру, это тоже организация нехорошая, но хоть понятно, откуда деньги. А вот, скажем,

откуда деньги у Аум Синрике или у Белого братства, которые получали, когда надо, колоссальную раскрутку, вот это вопрос, и вот этот вопрос уже действительно, и национальный, и государственный, общественной безопасности. Должно заниматься этим государство. В царской России, с 1802 года по самую революцию в МВД существовало два отдела по религии: один — по делам русской православной церкви, кстати, и за ней тоже последживала полиция, а второй — это как раз по всем остальным религиям и сектам, и надо сказать, опыт там огромный есть, и в архивах там сохранилась масса всех протоколов, есть чему поучиться. К сожалению, сейчас мы повторяем свои собственные ошибки. Поэтому я считаю, что сейчас исправить ситуацию может только наличие такого министерства. Пусть даже там что-то будет не так поначалу, будут нюансы, которые потревожат общественность, но это единственное спасительное средство сегодня для государства, чтобы здесь каким-то образом нормальную религию отличать от маньяков, фанатиков и просто уже какой-то антигосударственной деятельности. Поэтому никакой, конечно, комитет при Совете безопасности, который сам является консультативным органов, и это надо подчеркнуть, то есть он не вправе никаких распорядительных решений принимать, а при нем еще консультативный орган — естественно, эта структура никакой реальной силы не окажет. Разве окажет, Совет безопасности что-то примет, а на них там окрикнет кто-то, и они опять там в американском журнале будут каяться, что вот извините, обидели какого-то там сектанта, как это уже всем вам известно, имело место. Поэтому это не решение вопроса совершенно. Поэтому я просил бы всех подумать на эту тему, и может быть поддержать. Для информации скажу, что идею создания госоргана блокировало руководство Русской православной церкви, в первую очередь один человек — митрополит Кирилл, который просто говорил: вот будет сидеть чиновник, собирать на нас же информацию. Примерно так высказывался. Поэтому вопрос должен стоять так, что об этом госоргане должен быть принят закон, который должен разрабатываться с участием верующих. В законе должно быть написано, что никаких распорядительных функций в отношении религии он не должен иметь, потому что совет по делам религии, он, собственно, был порочным органом, он и регистрировал, и отказывал в регистрации, и лишал регистрации без права обжалования в суде, и религиоведческую экспертизу осуществлял. Тут при любой идеологии будет орган, где будет процветать взяточничество, коррупционеры какие-то там, махинаторы и так далее. Поэтому он должен быть только информационно-аналитическим органом, только сбор информации, а затем уже эта информация должна идти в прокуратуру, или просто информирование общественности о новых религиозных организациях, что это такое на самом деле, ну и так далее. Вот я на эту тему хотел бы предложить всем подумать, потому что я думаю, что на сегодня это единственное решение вопроса. К сожалению, священноначалие здесь находится в такой грустной для меня позиции, что они имеют свои интересы, эти интересы, они выплывают, что получается, по статистике, из трех папирос, продаваемых в России, две церковь продает, в этом году по крайней мере, 180 миллионов долларов получено на торговле табаком Русской православной церковью, только в этом году, начиная с зимы-весны, так что есть какие-то деньги, на них, по-моему, можно все церкви в России отреставрировать и даже новые построить, я уж не говорю о духовных учебных заведениях, а еще торговля водкой, которая официально признана патриархом в письме Черномырдину несколько дней назад, что он попросил приостановить прохождение табака и водки и так далее. Но это серьезный вопрос, так что на самом деле это безопасность и государства, и самой церкви, поэтому что касается церкви, то тоже вот затрагивалась эта тема, и Поместного собора, и всего, давайте вспомним, кто приостановил издание деяний Поместного собора 1918 года на пятом, что ли, томе, где устав как раз напечатан, где епископа выбирают и священников, и эти правила действовали вообще всю историю православия, может быть, с некоторыми отклонениями. Потому что без этого, пока это не произойдет, будет опять то же самое: кто-то посадил сверху кого-то, и они от имени всех что-то такое делают, что в итоге, какие бы мы листки не рассылали, завтра как в Задонском монастыре выкинут на улицу...

Борис Костенко

...Спасибо, что дали слово мне как практическому журналисту, работающему в программе “Русский мир”. С одной стороны, цели Православного политического совещания — это наметить пути для достижения идеальной ситуации. Хорошо бы иметь общенациональную массовую ежедневную христианскую газету типа (?)**.** Публика могла бы получить православную интерпретацию важнейших событий в стране и государстве, начиная от выборов президента и кончая книжным обозрением и анализом телевизионных программ. Хорошо бы иметь христианскую радиостанцию, которая бы работала на всех мыслимых и немыслимых волнах, хорошо бы иметь политическую партию, которая бы имела свое представительство в парламенте, хорошо бы иметь православного ну, не государя, но хотя бы президента, в лучшем случае, председателя Совета безопасности. Это все идеальная ситуация. У нас, слава Богу, здесь есть место для обсуждения возможных путей достижения, но это одна деятельность этого собрания. Другая — это конкретные шаги, что можно сделать сегодня. Уже много раз говорилось, что огромная активность была продемонстрирована по некоторым направлениям, потом были приняты постановления, законы, все упиралось в вето президента, и все рушилось. То есть реальных результатов практически нет. Сегодня мы имеем возможность, насколько я понимаю, заявить свою позицию на серьезном уровне. Да, это консультативный орган, да это совещательный орган, Совет безопасности, но в его положении написано, что секретарь и эта структура занимается информационной безопасностью общества. Сегодня много говорилось о том, что проблема в воспитании и в доведении до российской общественности точки зрения и церкви, и самой православной общественности как части общества, и проведении воспитательной работы с детьми, со всеми остальными — этим не должны заниматься государственные средства массовой информации. Это было в свое время, другой век был, когда государственные средства массовой информации этим занимались, сегодня этого не происходит. Таким образом, то, что здесь говорится, это можно таким образом не то что за уши притянуть или приписать, но это конкретное направление деятельности Совета безопасности, который обязан заниматься информационной безопасностью общества. Сегодня информационный поток, который циркулирует в России, в российском обществе, практически не контролируем государством, это факт. В условиях, я как практический журналист могу заявить, в радиоэфире — западные монополии, информационные и просто компании, они фактически подавили собственное радиопроизводство, телевизионный эфир на огромный процент заполнен продукцией западного производства. Не от того, что у нас плохие телевизионные руководители, хотя это отдельный разговор, но гораздо дешевле купить сто фильмов американских, чем десять мосфильмовских, кстати, для показа по ЦТ. Не говоря уже о том, что отсутствует протекционизм по отношению к национальной культуре, духовным ценностям. Все эти требования должны быть сформулированы в соответствующим документах. Если они будут исходить из такого органа, как Совет безопасности, это только остается приветствовать. И нажим на Думу может быть осуществлен соответствующим образом. Да, приходится писать много бумаг. Бумаги, бумаги, их публиковать, требовать — а больше других рычагов нажима нет. У нас нет — я еще раз говорю — ни собственной печати системной, православной, христианской, ни национального телевидения, ни национального радио. У нас ничего национального нет. Мы не можем поставить этот вопрос на общероссийском уровне, через средства массовой информации общенациональные. Значит, нужно действовать теми путями, которые нам сегодня предлагаются. Поэтому я считаю необходимым использовать эту маленькую лазейку, чтобы попытаться позвонить в этот колокольчик, чтобы задумались, куда... хотя бы для того, чтобы сказать, что сегодня, когда процесс будет еще дальше, еще хуже, когда государство вынуждено, а сегодня можно говорить о том, что государство вынуждено опять поднимать национальный флаг, под которым Ельцин пришел к власти, когда он стал президентом, который ловко использовал, в той ситуации только он смог это сделать на тех знаме-

нитых выборах, когда он получил большинство — сегодня этот флаг попытался поднять генерал Лебедь. И у него это частично получилось. Хотя национальный аспект у него в предвыборной кампании не был так явен, как это хотелось бы. Да, сегодня он — к счастью, к сожеланию — но он может сделать это и довести мнение православной общественности до сознания и руководства, и сделать его более широким достоянием. Я думаю, за это надо выступать.

Михаил Астафьев

Я молчал на протяжении всего этого совещания, просто потому, что не считал себя достаточно авторитетным в теме заявленной, но к концу работы перешла в очень практическую плоскость и обсуждаются, действительно, разные модели поведения... Я просто хочу критически рассмотреть все варианты решения, которые предлагаются. В частности, создание министерства вызывает у меня глубочайшее недоверие. Какого министра назначат, такую политику он и будет гнуть. О чем мы говорим? Вспомните бурный протест русской культуры против министра Сидорова, который заведует культурой вообще. Он вполне может устраивать деятелей либерального лагеря, но патриотических — никак. Тоже самое будет и в сфере религии в правительстве. Теперь вариант — комиссия при Совете безопасности. Это очень хорошо выступавший передо мной Борис Костенко... Ельцин шел с патриотическим флагом, Жириновский фиглярствовал, ну а Лебедь, как мы понимаем, не фиглярствовал, а вроде как шел за дело патриотическое. А вот это у меня вызывает глубокие сомнения — сделал ли он это, а не нанизал ли он таким же точно способом, как Жириновский, патриотическую общественность, который в 1993 году получил 26 процентов. Как раз присутствуя здесь, на Православном политическом совещании, Лебедь отмочил одну великолепную шутку, которая, кстати, видимо, была домашней заготовкой, потому что по телевизору потом он ее же повторил. Я, сказал, не собираюсь стоять в церкви со свечой, как со стаканом водки в руке. Это его отношение к проблемам, так сказать, православно-нравственным. Сами же его шаги, его политическая перекраска, в течение трех месяцев он сменил несколько обличий, явно сыграв тайную партию с той самой партией власти, которая, как мы определили, полностью безнравственна — тогда возникает очень важный вопрос: не будет ли эта комиссия по нравственности той самой побрякушкой, которую опять будут использовать люди, близкие к Совету безопасности, к той вот партии, которая там формируется, в этих внутренних кремлевских разборках? Я не хочу сказать, что у меня есть вариант какого-нибудь другого политика, то есть другого варианта может быть я ничего не предлагаю, но очередной раз отдаваться заведомо в руки, которые будут тебя тасовать — как с той же самой Чечней он что сотворил — тоже будет с проблемой нравственности.

Не представившийся: Я совершенно согласен с Владимиром Махначем, что Бог с ними, с протестантскими общинами, главное, как мы здесь. Но я-то приводил этот пример только для одного: чтобы мы понимали, что мы действуем в условиях, когда правящий режим проводит по существу политику прозелитизма, то есть вытеснения православия. Тем не менее это не исключает того, что надо искать самый мало-мальский шанс для того, чтобы что-то сделать. Вспоминайте, нас было несколько депутатов из тысячи, можно было сказать: там большинство коммунистов, там нечего делать, а мы сделали очень много, всего там три депутата было первоначально, понимаете? Я думаю, что каждый из нас имеет опыт конкретной деятельности, скажем, “Православная беседа” в каждом своем номере печатает статьи о сектах. Так вот этот опыт конкретной деятельности мы могли бы использовать в создании не комиссии, а конечно же, экспертного какого-то совета, экспертного органа при Совете безопасности. Конечно же, негосударственный орган, это понятно, я тоже сомневаюсь, будет ли он создан, но если он будет создан, то на самом деле многое сделать можно было бы. Я призываю на этом конкретном деле попытаться объединить свои усилия.

Владимир Кудрявцев

Я хочу очень кратко сказать о том, о чем говорил отец Владислав, и, наверное, не все поняли. Когда мы разрабатывали проблему создания этической комиссии, то имели в виду нечто подобное комиссии по адвокатской этике, по этике Конгресса Соединенных Штатов, то есть мы имели в виду нечто, что состоит из людей, хорошо знаемых, которым, как Виктор правильно здесь говорил, нужно будет прикрепить серьезный аппарат небольшой и массу экспертных советов. В результате чего эта комиссия, которая состоит из людей, широко знаемых, неподкупных, компетентных, выражает свое мнение по поводу действий того или иного государственного деятеля, который так или иначе закрывается законом, но через средства массовой информации можно поставить дело таким образом, что с точки зрения этической он наносит существеннейший ущерб безопасности России как таковой. Что же касается замечания Михаила Астафьева, что такой орган может быть разменной, в каком-то смысле, картой в политической игре. Если он будет состоять из людей — а мы будем с ними вести работу — о которых я сказал, это будет, во-первых, трудно сделать, а во-вторых, это, конечно, ремарки и не по делу немножко, в том смысле, что если мы говорим о том или ином политике, который так или иначе виляет — это, конечно, несомненно хорошо стоять в правде, но как вот говорил один старый арестант у Солженицына: “Это, Сашка, что — стоять за правду, ты за правду посиди-ка”. Но я вот что имею в виду? Как раз накануне третьей годовщины событий октябрьских, с 1993 года я наблюдаю за всей оппозицией, она не сделала никаких выводов, каждый стоит в истине, она раздроблена вся до невозможности, и никто из этой оппозиции так или иначе не попал в Государственную думу. Или уж тогда вообще не участвовать и стоять в принципе, или уж объединяться, чтобы потом какую-то роль играть в государственной жизни, хотя бы на уровне парламента. Политическая жизнь — не такая сфера, где можно и то и другое соединять.

Не представившийся: Я бы хотел заострить внимание присутствующих вот на чем. Изначально Православное политическое совещание родилось как попытка ответить на вопрос о роли и месте христианской общественности как таковой в жизни страны, и когда сейчас говорят о создании тех или иных комиссий, по этике и так далее, предполагается, что речь идет все-таки о тех или иных формах самоорганизации нас как христианской общественности, и о том месте, которое мы можем занимать вообще в обществе, как по отношению к иерархам, так и по отношению к светскому обществу, так и по отношению к государству. Здесь же в некоторых выступлениях, не во всех, но в некоторых, произошла, на мой взгляд, некоторая подмена, когда началось опять упование на то, что вот будет создан в структуре самого государства, которое в основе своей является секулярным и безбожным, некий остров, который поможет нам и обеспечит то или иное положение. То есть концептуально это два совершенно разных подхода. Концептуально. Либо мы говорим о тех или иных средствах воздействия нас как православной общественности на светское общество и государство, о формах нашей самоорганизации, либо мы снова уповаем на государство. То есть концептуально тут надо понять, к чему мы стремимся. В принципе, то, что изложил сейчас господин Кудрявцев, в принципе речь идет о том, что сама христианская общественность организуется, а не уповать опять на то, что в государстве будет какой-то министр, который... это концептуально два совершенно разных подхода, и это надо всегда помнить, когда мы вносим какие-то конкретные предложения.

О создании Союза Православных Граждан

(5 декабря 1996)

В.В.Лебедев, член совета ППС

В православном патриотическом движении мы видим, что партии, движения, общества, словом, люди и организации, ратующие за возрождение России на духовно-нравственной основе, крайне слабы и разрозненны. Слабы, с кем бы они не блокировались, и слабость, в первую очередь, заключается в разъединении, в разрозненности. Можно выразить состояние дел — позаимствую, решусь, у одного из членов нашего совещания, один такой афоризм, словесный пассаж. Как рассуждает вот уже несколько лет подряд деятель, вождь, лидер какого-нибудь движения? Россия в опасности, надо ее спасать, Россия в опасности, потому что все разделены. Надо соединяться, естественно, это соединение должно проходить под эгидой нашего движения, я стану во главе, если нет — все напрасно. Давать богословские обоснования происходящему, я думаю, мы не будем, большинству собравшихся, так сказать, суть дела ясна, от чего это происходит. У нас все-таки более политическая конференция, чем богословский семинар. Поэтому мы решили, прозаседав уже год, имея участниками нашего совещания самых разных лиц, представителей, многие знают, самых разных движений и партий, но в целом, конечно, тех, кто именует себя "просвещенными патриотами", решили приступить наконец, и об этом говорится в нашем обращении или проекте обращения, который является заодно и пресс-релизом "Не в силе Бог, а в правде", к практической деятельности, но не на совсем привычной партийной основе. Речь идет о том, что с сегодняшнего дня, наверное, процесс этот будет не одного заседания, возможно, мы начнем пожелания участников создавать организацию, которая условно будет именоваться Союзом православных граждан, которая должна бы объединить под эгидой совета Православного совещания, в который могут вступать лидеры движений, обществ, партий, как и отдельные лица — публицисты, писатели, которые к нам тоже приходят, без умаления, скажем прямо, своих амбиций. Речь идет даже не о сопредседателях, речь идет о координации фронта здоровых просвещенных патриотических сил, которые строят свою деятельность на духовно-нравственном основании. Причем это могут быть как лидеры партий, которым это движение в будущем окажет поддержку при выборах, а дальше их действиям в исполнительной власти, средства массовой информации, братства, даже отдельные приходы, культурно-просветительские и духовно-просветительские общества, творческие объединения и фонды. Оставаясь независимыми членами совета, они в этом совете будут координироваться, так мы предполагаем, и направлять свою работу. Что это будет? Некоторые скажут: может быть, речь идет о предтече грядущего, как мы чаем, Земского собора? Возможно. Возможно, и более простого политического устроения. Я думаю, что сегодня мы как раз и начнем обсуждение вот этой вот практической части нашей будущей деятельности.

Протоиерей Владислав Свешников, член Совета ППС

Братья и сестры, господа! Я позволю себе нечто эскизное и бессвязное, потому что, во-первых, основной тезис уже и произнесен, во-вторых, то, что я мог бы сказать говорилось здесь и мной, и другими людьми не один раз, так что принципиально нового, очевидно, даже не должно бы быть, потому что очевидно, что принципиально новое может быть тогда, когда принципиально новой становится ситуация — общественно-политическая, социально-экономическая, в любом другом смысле. Принципиально другой она не становится, поэтому слова наши остаются прежними, и любые самые жесткие и жестокие слова типа "катастрофа", "кризис", и что угодно еще, по теперешним временам являются даже не слишком эмоциональными обозначениями, не слишком эмоциональными, просто потому что, во-первых, к словам привыкают, а к действительности тоже привыкают, но действительность сильнее любого слова, во-первых. Во-вторых, даже если из этих иностранных слов выбрать лучшее, такое, как кризис в его изначальном значении: суд, я думаю,

что почти никто, кроме живущих строго православным нравственным самосознанием, и не понимает, что суд над ним идет всегда — неявно, а для многих живущих особенно покаянным сознанием, даже и явно, суд, который завершится неким безусловно явным образом. А для других эти слова тоже не более, чем привычные традиционные обозначения, точно так же как некоторые происходящие события, которые в первый момент даже по звуку могут быть похожи на оплеуху общественному сознанию — такие, как назначение Березовского или возможность, вполне уже вероятная, вести руководителям страны переговоры с будущим президентом-бандитом — вот уже вполне стало такой заурядной реальностью, и даже на это почти уже не обращают внимания. В первый момент слегка сердце заболит, а потом уже и перестает. Все уже вполне известно и знакомо. И это даже, вообще говоря, не самое страшное, потому что происходят процесс и явления ожиданные. Это все из разряда ожиданных, ничего здесь нового принципиально нет. А когда и оказываются несколько неожиданные, то они, скорее, чтобы дискредитировать априорно, то что и правда могло бы быть серьезного, здорового, живого и лучшего. Ну ясно же, что когда выдвигаются странные предложения и предположения выложить на стол национально-государственную идею, да еще если она будет разрабатываться каким-то органом малопонятным, то ясно, что когда тем более такое предложение исходит от человека, для которого всегда национальные и государственные предпочтения в лучшем случае являлись никакими, а в худшем случае — глубоко презираемыми... ну, скорее всего, где-то истина посередке находится. Равно, точно так же, и предложение отмечать и год, и праздник, как год единства и согласия. Это заранее анекдотично, прежде всего потому, что для того, чтобы реальное единство и согласие хоть отчасти априорно начало просвечивать в сознании и умах сограждан, даже ведущего, лучшего слоя сограждан, необходимо, чтобы появилась некая общая содержательная основа, без которой, конечно, все это согласие выльется в застольную беседу волка, позвавшего зайчиков: а ну-ка зайчики, давайте жить дружно. Зайчики, может быть, некоторое время поудивляются такому странному предложению, но боюсь, что им недолго придется удивляться, как это в нашей ситуации много раз бывало, и это, повторяю, тоже не самое страшное, потому что это тоже, в общем, ожиданное, хотя и несколько странное, по крайней мере, странное по тем лицам. которые предлагают эти неожиданные решения. Гораздо страшнее другое: это то, о чем наш председатель уже сказал. Дело даже не в разрозненности — разрозненность, это дело понятное и человеческое. Дело хуже.

Неделю или пару недель назад в приложении к “Независимой газете” опубликовали, собственно, реализовали сценарий, огромнейший круглый стол во главе с уважаемым господином Ципко. И все собрались люди умные, образованные, культурные, многие с очень тонким и глубоким пониманием существа вопроса, но... Да, и кроме того объединенные — довольно-таки объединенные — причем на мотиве тоже довольно симпатичном, на мотиве презрения к существующему режиму. И кажется, в результате можно было бы ожидать, что из этого круглого стола нечто живое, серьезное, свежее, а главное, конструктивное и содержательное появится — ничего подобного. Максимум, что можно было бы там увидеть — это местами у отдельных наиболее ярких участников круглого стола этого, яркие и язвительные аналитические рассмотрения.

Но если говорить о сценариях не просто как о возможном развитии событий в существующей реальности, но и как о желанном и содержательно желанном развитии событий, содержательно был нуль, и самое-то главное, и это еще не самое печальное, самое главное и самое печальное то, что не видно было вообще никакой, я уж не говорю православной, не говорю в традициях нашей национальной нравственности, нашего национального нравственного бытия, хотя бы почти полумертвого — вообще никакого нравственного основания. В лучшем случае довольно общее у всех нравственное интеллигентское ощущение, и все. И более ничего.

Но дело даже еще не в этом. Хуже, пожалуй, дело обстоит со всеми нами, потому что даже когда мы, уже и вправду более года собирающиеся и объявившие себя Право-

славным политическим совещанием, и так, иногда отчасти слегка по отдельным лицам спорящие друг с другом, а больше соглашающиеся, тем более, что перед нами предстоит реальность, по поводу которой не соглашаться нам почти невозможно, опять если речь идет об оценках статуса-кво. Но самое печальное, что при этом и большей-то частью люди либо уже вполне православные и воцерковленные, либо, во всяком случае, чрезвычайно симпатизирующие православию и церкви.

Самое-то главное, что никакое у нас — простите, господа, — никакое у нас не Православное политическое совещание, потому что Православное политическое совещание должно исходить из содержательных норм православного знания о жизни, в том числе о жизни общественной, национальной и государственной. Мы же все исходим, каждый из нас, включая и меня, я думаю, исходит из более или менее верного собственного ощущения, как-то приправленного православным сознанием, но ровно в ту меру, в которой каждый является православным. И таким образом, речь идет снова об ощущении, о некотором общем православном интеллигентском ощущении, которое, конечно, по определению не может быть конструктивным. А раз не может быть конструктивным, что ясно же совершенно, что ни о каких государственных, экономических, даже когда речь идет о профессионалах в области экономики, социальных задачах речь идти не может. И поэтому кроме тех организационных задач, о которых, хоть и в кратких словах сказал наш председатель, речь идет еще и о том, чтобы нам выработать то, что, кажется, уже давно было выработано нашими замечательными предками от Хомякова до Ильина.

Речь идет о том, чтобы выработанное привязать к существующей ситуации, да еще не просто привязать, а так, чтобы это было нашим творческим делом, и далее при условии, без которого вообще ничего не может быть, при том условии, что душа болит, что сердце болит за народ, за общество. за государство, при этом-то условии искать те конструктивные прежде всего духовно-нравственные, а затем уже, исходя из этого, политическо-экономические, социальные и прочие решения вопросов, без которых даже и на чудо надеяться невозможно. Мы надеемся на чудо, но на чудо, которое совершается все же, как правило, руками человеческими, руками тех, кто это чудо стремится увидеть в его изначальных интенциях, и воплотить это чудо своими руками, быть готовыми к тому, чтобы стать орудиями в руках промысла, совершающего это чудо — вот, я думаю, при такой постановке задачи и наше совещание может быть Православным политическим совещанием по сути, и Союз православных граждан или что угодно, как бы он там не назывался, будет выполнять конструктивно свои задачи.

В.А.Аксючиц, председатель РХДД

Уважаемые господа, хотелось бы сначала поделиться кратко некоторыми воспоминаниями. Большинство из нас, из здесь присутствующих, во времена режима государственного атеизма по большей части жили как бы вне официальной общественной жизни. Не по своей вине, конечно. Так сложилось у меня, и я помню, когда после того, как я стал организовывать политический и религиозный самиздат в Москве, меня КГБ исключил из аспирантуры и обычный для нас всех тогда путь — обыски, аресты, допросы — и вот вспоминается одна беседа со следователем КГБ, который, как вы помните, тогда было разделение труда, были жесткий и мягкий. Так вот, беседовал мягкий интеллигентный человек и говорит: Виктор Владимирович, вот как же так, посмотрите, все ваши друзья, историки, писатели, поэты, замечательные талантливые люди — почему же вы все вне общества. Давайте, будьте все в обществе! На это я ему ответил: извините, это не я себя исключил из аспирантуры, это вы меня исключили из аспирантуры, и чего теперь такие вопросы задаете. Ответил как отрезал.

Так вот, к чему я об этом сейчас вспоминаю? Я в принципе считаю, как я думаю, и большинство из нас присутствующих, что мы тогда занимали правильную позицию, принципиальную позицию: нам нечего стыдиться, мы, в общем-то, говоря, не лукавили со своей совестью тогда, но я задаю себе вопрос — если бы тогда я предвидел весь грядущий

развал, распад и катастрофу России, вот вел бы я тогда так же и таким же образом. И ответ совершенно очевиден, что тогда я вел себя не так и даже совсем не таким. Конечно, я бы не отказался от своих принципов, я не откажусь от них и сейчас, но совершенно очевидно, что, предвидя эту общую катастрофу, я предпринял бы больше активности в сфере и общественной, и политической жизни. Для этого я пошел бы на больший компромисс в сфере действия, не идя на компромисс в сфере своих принципов. Для этого я постарался бы как-то более сбалансированно действовать, более с учетом ситуации, то есть сама апокалиптическая будущность ко многому меня тогда бы обязывала действовать более конструктивно, более активно, во имя ее предотвращения.

Я думаю, что большая часть из вас с этим согласится, что все мы тогда немножко бы откорректировали свою общественно-политическую позицию, если бы мы многое знали. Так вот мне кажется, что и сейчас мы находимся в такой точке выбора, и нужно осознавать, что лозунг "Отечество в опасности" — это достаточно мягкий лозунг для того, чтобы квалифицировать нынешнюю ситуацию. Если сегодня еще не произошел социальный взрыв, который давно должен был произойти по всем объективным показателям, это не значит, что он не произойдет, он вполне может грянуть.

Я обращаю ваше внимание, вчера по телевидению показали выступление одного из членов Совета Федерации, который сказал — то ли губернатор, то ли председатель губернского собрания — "если восставший народа окажется на улицах", — говорит он, и это показывает центральное телевидение — "то я присоединюсь к восставшему народу". Очевидно, что-то изменилось уже в ауре, в менталитете, в климате ли современности, что уже крупные руководители государственные говорят такие слова, и что центральное телевидение такие слова пропускает. То есть что-то уже изменилось, мы начинаем привыкать к ситуации всеобщей катастрофы, к ситуации, когда на улицах будут валяться трупы, будет людоедство и все остальное. И это вполне реально. И если мы сегодня сознаем, что катастрофическая ситуация может усугубиться, может быть, еще не поздно и сегодня нам еще раз откорректировать нашу позицию — действенную позицию, не в смысле наши принципы, интеллектуальные, духовные, нравственные — а действенную позицию. И вот то, что сейчас предлагает инициатива, которую предлагает Православное совещание, мне кажется, в этом смысле, в этом контексте, колоссально важна.

Несколько слов о нашем опыте РХДД. Нас было всего два депутата из тысячи депутатов, которые были инициаторами создания РХДД. Это мизерно мало. Тем не менее вокруг нас была какая-то инициативная группа, удалось создать очень много. Среди прочего, написали и добились принятия Закона "О свободе вероисповедания" 1990 года, отмены ленинско-сталинских декретов, возвращения храмов и многого другого. Уверяю вас, если бы не было этой инициативы, всего этого самого могло и не быть. А могло быть через несколько лет, то есть ситуация радикальным образом бы изменилась. То есть маленькая кучка людей, проявляя какую-то активность политическую, удалось что-то сделать. Еще более нам не удалось сделать, и в том числе по нашей вине — потому что инфантильны, неопытны, амбициозны, допускали ошибки и т.д., и т.д.

Не удалось много сделать в том числе и потому, что фактически никакой поддержки мы не получили. Со всеми сохраняя прекрасные отношения, в сфере православной общественности у нас со всеми были замечательные отношения, нам давали советы, прекрасно к нам относились, приглашали на собрания, но активной политической поддержки РХДД не получило ни от кого. И понятно, почему. Потому что активно действующий субъект всегда действует вполне определенно, всегда действует вполне ограниченно, и в этом смысле всегда расходится во взглядах и позициях со многими.

Понятно — когда начинаешь действовать, то это достаточно секулярный вид вообще. И, в общем-то говоря, это оправданно, что мы не получали поддержки, потому что во многом расходились и во многом ошибались. И синтезируя этот опыт, может быть, учитывая действительно предкатастрофическую или катастрофическую ситуацию, которая сложилась у нас в стране, и может быть, стоит наш опыт, уже довольно накопленный

здесь, в Православном совещании, как бы совершить следующий шаг — следующий шаг к интеграции, на основе уже того духовного единства, которое, безусловно, сложилось. Ведь это же складывается какая-то определенная традиция. За каждым из вас, за каждым из нас есть не только определенная мировоззренческая позиция, какая-то инициатива, какое-то сообщество, есть какое-то издание, есть какой-то уже опыт духовно-культурной общественной и отчасти политической деятельности. И даже в самом факте вот этого совещания — просто совещания и обмена мнениями — этот опыт видимо и невидимо интегрируется и синтезируется.

Давайте осознаем это и придадим этому какой-то импульс. И вот на основе этого духовного единства, которое уже сложилось, может быть, имеет смысл совершить следующий шаг. С учетом всего предыдущего шаг достаточно мягкий я бы предлагал, шаг не волевой, не радикальный, а мягкий. Скажем так: из тех, кто присутствует, все, кто захочет, объединятся в политический совет, где будут все, кто захочет помимо того, чем мы сейчас занимаемся, не отменяя того, чем мы сейчас занимаемся и продолжая это делать, помимо этого объединить всех, кто захочет, в некую политическую инициативу и создать политический совет. Естественно, на соборном уже опыте, соборных традициях, которые у нас сложились. Один из принципов неуспеха, причин неуспеха наших политических организаций — это вождизм, всеобщий вождизм. Так вот, мы от этого изначально отказываемся и создадим коллегиальный орган, соборный орган, политический совет, который может предпринимать для начала какие-то мягкие политические действия, для осознания, для программных заявлений, для деклараций всякого рода на актуальные темы и, может быть, для постепенного включения и вливания в политическую жизнь.

Поэтому я предлагаю, если создавать такую очень мягкую структуру, но тем не менее, чтобы уже в этой структуре мы сумели волево преодолеть ту разность взглядов и позиций, которая совершенно объективна и должна быть. Вот разность — пусть она останется, так сказать, для наших дискуссий, а в том, что касается политического действия в этой предгрозовой ситуации, нам необходимо находить все-таки уже общеволевую какую-то доминанту. Таким образом, синтезируя предложения, что оставить все как есть из того, что есть, но тем не менее на основе этого выделить какое-то ядро политических инициатив, которое можно назвать так, как это было предложено Валентином Лебедевым назвать, может быть, по-другому, это не суть важно, но чтобы явное активное политическое действие из этого ядра уже исходило.

Д.С.Львов, академик, секретарь отделения экономики и член президиума Российской академии наук:

Прежде всего, мне хотелось бы выразить нижайшую признательность за то, что вы пригласили меня принять участие в столь высоком собрании. Сегодня мы все отдаем себе отчет, что Россия переживает не лучшие свои времена. Некоторые говорят, что это кризис, а по существу Россия живет в условиях начинающейся катастрофы. И об этом говорит красноречиво целый ряд фактов, и прежде всего то, что наша, пускай несколько неконкурентоспособная экономика, превратилась сегодня в экономику простоя. Это уникальное явление, которого не знала цивилизация, через которое не прошла ни одна страна мира. Простой, когда производство должно работать, давать продукцию, обеспечивать занятость населения, сегодня простаивает, люди лишены элементарных заработков и целый ряд возникает ужасных социальных последствий. И главное кричащее противоречие, поскольку я здесь представляю экономическую нашу науку, это противоречие в оплате труда. Вы помните, что в свое время с легкостью необычайной, как себе позволяют многие политики, был провозглашен принцип: мы плохо живем, потому что плохо работаем.

Если вдуматься и проанализировать, то это, очевидно, миф. На самом деле надо поставить вопрос в совершенно другой плоскости и сравнить Россию с другими странами не только по производительности труда — сколько мы создаем продукции, а сколько мы создаем продукции на один доллар заработной платы. Оказывается, что Россия в три раза

больше на один доллар заработной платы производит продукции, чем такая огромная страна, как Соединенные Штаты Америки. Я думаю, мы плохо живем, потому что у нас такая среда, и этот нелепый лозунг можно было бы перефразировать: мы плохо работаем, потому что плохо живем. Еще десять лет тому назад мне приходилось принимать участие в заседании комиссии ООН, где было признано, что часовая оплата труда человека, ниже которой не возможно обеспечить сколько-нибудь уровень, за которым следует деградация, вырождение человека и т.д., этот минимум составляет три доллара в час.

Мы существенно сейчас упали. И вот в этой связи начинаешь задумываться: экономика в простое, геноцид по существу, который проводится к самому ценному богатству России — ее человеку, ее интеллектуальному богатству, ее школам, которые всегда создавались, которые все знали и т.д., не об этом я сегодня хочу вести речь, начинаешь задумываться — ведь был целый ряд программ, целый ряд выступлений. Действительно, когда я проводил недавно, у нас было большое отделение экономики Российской академии, я искренне принес покаяние за многих коллег и прежде всего за себя, за то содеянное, которое мы сделали, превратив экономику в несуразное какое-то сообщество. А главные причины от этого сильно вскрываются.

Надо было бы вскрыть, если мы говорим об экономике, главное противоречие, о котором я сказал: правительство сознательно, с моей точки зрения, переводит стрелку совершенно в другую область, не имеющую никакого отношения к решению фундаментальных вопросов развития государства, общества и человечества. И вот мы в результате получили, как мне представляется, общество мертвых символов, и сегодня настала пора, когда речь должна идти о долгосрочных целевых ориентирах, для чего мы все это делаем, для чего народ приносит такие жертвы, ради какой такой завтрашней идеи, когда сегодня происходит столь невообразимое мучение. А когда мы говорим о будущем, то невольно, как мне представляется, мы должны речь вести о социальном мире и социальной справедливости. Но понятие социального мира и справедливости, как я думаю, они не совместимы с понятием богатства в том смысле, ради чего мы следуем правительственному курсу, проводим то, что называют реформой.

Отмените духовное начало от богатств Тира, Карфагена, венецианских дворцов — и что останется с этими богатствами? Одна мертвая пыль. И вот в этой связи мне хотелось бы разобраться самому и поделиться с вами некоторыми откровенными соображениями, которые, мне кажется, имеют отношение не столь к экономике, а к нашему общественному развитию. Мне кажется, всегда для России, когда были времена лихолетья истории, возникал некоторый образ, возникало слово. Это слово не обязательно было у правителя, оно возникало, например, у простого мужика, у Минина, у Минина, а не у Пожарского. И это начинало двигать общество, общество в России находило выход из Смутного времени, и так было всегда. Возьмите войну двенадцатого года, и т.д., не буду сейчас утомлять вас перечислением, это все знают, и последние события наши тоже.

В этой связи, как сказано в священном писании, я хотел просто обратить внимание, меня поразила та огромная нагрузка, которую несут некоторые слова, которые замызганы будничной жизнью, и мы не придаем этому значения. И превыше всего слово “совесть”. И вот совесть, со-весть, я его воспринимаю таким образом: благая весть. Благая весть, которую человек воспринимает сердцем, разумом и навсегда. И настолько это сильно его переполняет, что невольно требует общения, чтобы эта весть распространялась, соучастие в этой вести. Если эта весть падает, как в писании сказано, на благодатную почву, дает и в сто, и шестьдесят, и в тридцать раз причащение. А зерна, которые, вы помните, падают не туда, куда нужно, это и есть, по существу, тот режим, который у нас сегодня создан. Когда мы вот этот образ смотрим, тогда мы должны совершенно иначе посмотреть на наши опоры в решении целого ряда экономических и социальных проблем, и одной из таких опор является религия. И если мы скажем — капитализм и религия, которая ему соответствует — протестантская религия, но она и оправдывает эту логику, логику индивидуализма. И в

отличие от протестантской религии православие исповедует совершенно другой принцип: погибнут или все, или спасутся все. А это и совершенно другая логика.

Следовательно, нам не надо сходу отвергать коллективизм, как исходную основу построения русского общества. Я думаю, что это очень существенно, так же, как, скажем, велосипедные гонки: зачет ведется по последней, это не значит, что мы альтруисты должны быть, и т.д. и т.д., мы должны совершенно по-новому посмотреть, тогда это зажжет энергию человека, что он будет делать и т.д. И когда человек почувствует, что он нужен, а не пустая безработица, которая каждому угрожает и т.д., тогда начинается движение. И вот в этой связи мне кажется очень важным то, что сегодня наш председательствующий здесь сказал о том, что вот такое православное движение, в которое может войти любой — и ученый, и политический деятель, чтобы осознать и принести в народ соучастие, совесть народная пробудилась, это имеет колоссальное сегодня значение. когда я с развертыванием этого тезиса выступил на собрании, на меня смотрели с недоумением, ученые, мои коллеги, а потом восприняли, вы знаете, было очень приятно.

Настала пора, это невольно, так же как новая идея, позволяющая России выходить из смутного времени, так и сегодня мы переживаем это время. Вы посмотрите, что творится, и не случайно уважаемый мной господин Аксючиц говорил об этом, не случайно на экране появляется президент Хакасии, не случайно! Сегодня такой момент, когда русский народ ждет слова, и тогда, я думаю, закончатся несчастья, и это слово связано с Богом.

И вот очень удачно, я как представитель, являюсь сегодня руководителем сегодня — ну, условно, — всей экономической науки, мне очень приятно, что наконец-то есть возможность с нашими духовниками, с политическими деятелями, с руководителями, с бизнесменами, все-таки как-то в эту плоскость перевести вопросы об инфляции, дефиците, и т.д., то есть это чисто технологические, я бы сказал, даже не экономические вещи. А вот проблемы морали, духовности мы отодвигаем на задний план, поэтому если бы мы только это сделали, это тоже было бы огромное дело. Огромное дело. И в нашей работе, мне думается, было бы очень хорошо, чтобы мы, ученые, экономисты, не только были приглашены — я вот с вами поделился некоторыми своими соображениями — но вот в свое время, два года тому назад, был в Москве создан Арбатский клуб, который тоже не политизирован, и я никогда не был замешан в политике, никогда к этому не стремился, да это уже и поздно, и вот что интересно.

Есть в Москве храм Святителя Филиппа, митрополита Московского. Настоятель этого храма — отец Артемий, член этого клуба. И понимаете, вот когда начинается сегодняшнее заседание вот так, как оно сегодня началось, это свидетельствует о многом, приятно! Заканчивая, я хотел бы поблагодарить еще раз всех, хотел бы, чтобы мы почаще встречались, и я смею вас заверить, что экономическая наука разделяет те опасности, которые сегодня стоят перед нашим обществом, перед народом России. Мы готовы со своей стороны, вот я хотел бы вам, здесь подраздел, которого я сегодня немножечко коснулся — “экономическая наука в новой России”, тот доклад, который я вот недавно делал. Может быть, это покажется вам интересным. Благодарю вас всех за внимание.

И.Кольченко, сопредседатель Всемирного русского собора

Мы все знаем историю, знаем то, что происходит вокруг нас, и все преисполнены тревоги за то, что в нашей стране делается, и поэтому естественно у нас возникает желание сделать нечто, чтобы спасти, помочь стране, народу. Но успех любой деятельности, особенно в этой сфере может быть обеспечен только при двух условиях: прежде всего, четкое более-менее представление того, что мы хотим сделать, и четкое представление о той ситуации, в которой мы сейчас находимся, что же происходит.

Вот смотрите, не случайно за все годы перестройки не появилось ни одной серьезной книги или статьи с анализом того, что было при Совдепии. Что было, допустим, в экономике, что было в образовании, что было в науке, что было в искусстве, что было в социологии, в демографии. Это событие не случайно, я сейчас его не буду обсуждать, но

оно очень важно для понимания того, что сейчас мы многие вещи оцениваем как катастрофические события последнего времени, на самом деле они готовились давно и явились закономерным результатом всей нашей предыдущей истории.

Я нисколько не хочу оправдывать нынешним деятелей в тех злодействах, которые они совершили и совершают, но надо просто быть объективными для оценки ситуации, чтобы не наделать в будущем ошибок при попытках исправить нынешнюю ситуацию. Так вот мне кажется, нашему будущему совету, нашему религиозному, православному политическому совещанию имеет смысл сосредоточить усилия прежде всего на теоретических разработках, в первую очередь, анализа истории, того, что было. Потому что, только проанализировав то, что было, мы поймем, что происходит сейчас, откуда вдруг взялась та деморализация нашей молодежи, когда 60% девчонок в девятом классе хотят стать валютными проститутками — это не результат только десятилетнего НТВ и прочего, это все коренится в глубоких истоках наших.

Вот с моей точки зрения, мы 75 лет жили за счет того нравственного капитала и той любви к труду, который был накоплен за предыдущие тысячелетия, и за счет тех физических средств, которые были накоплены при царе Николае Александровиче и, так сказать, в первые годы закуплены, там, у Форда, где-то еще, прочее. Все это растащилось, и нового поколения, умеющего и желающего работать Совдепия не воспитала.

Сейчас мы вот имеем дело такое. Второе вот обстоятельство. Проанализировав историю, нам легче будет понять то, что происходит сейчас. А что сейчас происходит? Вот говорим: реформы, реформы, слово склоняется, а ведь с точки зрения здраво мыслящего мужика никаких реформ никогда у нас в стране не было, потому что реформы всегда предполагает или текстуальное, или озвучивание некого проекта, который собирается кто-то сделать. Ни одного из этих проектов, в отличие от того же Китая, где было разработано шесть вариантов реформ, у нас никто никогда не слышал, за исключением несерьезного этого “500 дней”. То же самое относится и к области культуры и идеологии.

Ведь, смотрите, я не знаю, господа депутаты, которые утверждали нынешнюю Конституцию. Наша Конституция — уникальная в истории, где написано, что государство не имеет права иметь господствующую идеологию, в результате мы впервые в истории за десять тысяч лет оказались без ценностной ориентации всего общества.

Вот сейчас девчонка в школе спрашивает: хорошо быть проституткой или плохо? И учительница не знает, как ей ответить, потому что нет нравственных религиозных принципов, которые были бы канонизированы обществом и обозначены как некий абсолютный фундамент нравственных ценностей. В этой же Конституции у нас написано, что ни одна конфессия не может быть доминирующей, то есть абсурд с точки зрения той практической истории, которая сейчас существует.

Так вот мне кажется, нашему политическому совещанию имеет смысл бросить сейчас все силы на разработку теоретических документов в этом направлении, тем более, что со стороны нашего церковного руководства мы не видим, так сказать, никаких рекомендаций, ни по разработке православной социальной доктрины, которая есть, допустим, у католиков, у протестантов, и которая должны быть.

Вы посмотрите, сколько сейчас молодежи не идет в православную церковь, а ищет где-то там истины возле всяких там оккультистов и кришнаитов, только потому, что те предлагают им программу практической социальной деятельности, где люди могли бы себя реализовать как субъекты мировой истории, и вот этим они, так сказать, соблазняются у наших всяких колдунов и этих...

И вот мне кажется, что если мы сейчас сосредоточим все силы на разработку документов, восполняющих вот те лакуны ущерба в нашем сознании, в нашем подсознании, что мы пытались на нашем соборе делать в меру своих способностей, то, мне кажется, это Православное Политическое Совещание принесет огромную пользу, потому что я не вижу пока никаких реальных сил, которые бы в этом направлении действовали, тем более, что — еще одно лирическое отступление — ни одна из политических партий, а у нас их сей-

час сколько там, штук тридцать или сорок, никто не говорит о том нравственно-религиозном фундаменте, который положен в основу их идеологии, по разным причинам. Стесняются: потому что в открытую сказать, кто они такие, не хотят. Вот, поэтому я еще раз призываю всех присутствующих поддержать инициативу нашего председателя и бросить силы на разработку тех документов, которые помогут сориентироваться нам всем, нашему народу, и мобилизовать все силы на практическую деятельность. Пока таких документов нет, поэтому мы разъединены, мы бродим в состоянии недоумения.

В.Л.Махнач, член Совета ППС

Начну с краткой и чрезвычайно важной констатации. Констатация социально-политического положения в стране, по-прежнему, смею полагать, именуемой Россией. Я не буду говорить ни о каких бедствиях, хочу напомнить сначала о некоторых вещах. Понятие “страна” и понятие “государство”, безусловно, не идентичны в самых различных языках. Мы имеем все основания утверждать, что наше государство не является ни православным, ни тем, которое православных устраивает. Всем сомневающимся рекомендую обратиться к акту Поместного собора 2 декабря 1917 года, сохраняющего каноническую силу для всех православных христиан, при условии того, что во главе государства не стоит лицо православного вероисповедания, это государство может являться для православных только лишь терпимым, не более того, своим — не является. Это государство не является русским.

После чеченских событий, когда федеральные власти вступают в переговоры с представителями одной из народностей, населяющих Федерацию, не приглашая представителей иной, затронутой событиями — на переговорах нет русских представителей, естественно, безусловно, это государство русским ни в какой степени не является, а может быть русскими людьми только лишь терпимым или нетерпимым, как захочется русским людям. Это государство, наконец, не является Россией, хотя, несомненно, существует страна Россия, потому что не соответствует историко-территориальным параметрам России.

Безусловно, вне всякого сомнения, большая часть территории Советского Союза, за исключением подавляющей части Туркестана, и представляет собой Россию, ныне находящуюся в управлении по крайней мере, таким образом, одиннадцати государственных образований. Это имеет существенное и политическое, и социальное значение, ибо не так трудно добиться, если всерьез этим заниматься, чтобы общество перестало говорить “Россия” о Российской Федерации, кстати, это законно, нам предоставляет и Конституция, и действующие законы, оставаясь лояльными гражданами РФ, говорить всегда только “президент Российской Федерации”, только “правительство РФ” и никогда не позволять себе лгать, именуя их правительством и президентом России. Законное наименование. Безусловно, не так трудно восстановить многовековую традицию и не именовать ни в коем случае великороссов русскими, тем самым отказывая в этом имени белорусам и украинцам. Это очень существенные моменты, но я их отношу к части преамбулы.

Православным христианам и людям православной культуры неоднократно доводилось жить в чужих территориально-политических образованиях. Это, безусловно, так. Православное государство не может существовать без симфонии с церковью, а церковь может вне взаимодействия с православным государством и вообще вне взаимодействия с государством. Такое много раз происходило, во многих странах происходит и сейчас.

Что предлагает нам официальная политика и господствующее направление в средствах массовой информации? Нам предлагается индивидуализм как идеал, свобода личности, призыв не заглядывать в бумажник или в конверт с зарплатой друг у друга. За этим скрывается предложение одинокому индивидуальному гражданину противостоять организованным корпорациям — корпорации чиновников, корпорации преступников, корпорации чеченцев, простите, корпорации полицейских — он же должен быть и индивидуален. Поэтому любые формы объединения добрых русских людей, а подавляющее большинство

добрых русских людей — православные хотя бы по своим симпатиям, если не по интенсивности приходской своей жизни — любая форма объединения, это то, к чему следует призывать, чему следует способствовать, елико это возможно. Это есть тема, и это, видимо, главнейшая тема из того, что предложил к разработке господин Кольченко, мой уважаемый коллега. Именно вот это просвещение, разработка вот этих принципов, норм единства, норм корпоративного устроения, и есть существеннейший аспект.

Существенно отметить еще одно: в пресс-релизе, я уже вынужден был отвечать на вопросы, может быть, не вполне удачно, только в порядке формулировки сказано о политически активном тонком слое общества. Никто не предлагал ни ленинского прочтения политической жизни, у которого встречается подобное определение, никто ни в коем случае не предлагал образования чего-то элитарного, напротив, любая православная организация, любое православное движение может быть только народным, потому что хранитель веры православной по известному вероопределению — сам православный народ, однако я вынужден напомнить, что существует разница, и она проходит через тысячелетия мировой истории, даже при том, что мы выделяем аристократию или ту или иную элиту, существует разница между понятием народ и население, существует различие между гражданами и низами общества, никого не следует выталкивать в низы, но многие уютно чувствуют себя в этом положении — в положении плебса, в положении пролетариата.

Народ — это не массы, к сожеланию, еще один драгоценный коллега, господин Глазьев, использовал термин “массы”. Массы, электорат — это как раз то, о чем мечтает олигархия, мечтает противостоять, мечтает противостоять быдлу, противостоять массам, вместо того, чтобы противостоять обществу, совокупности граждан.

Гражданин — не житель, между ними тоже должно быть различение понятий, поэтому безусловно нужно отдавать себе отчет, что мы обращаемся к гражданам, мы обращаемся к обществу, а тем самым мы действительно обращаемся не ко всему населению.

Я не готов ответить на вопрос, какой процент населения сейчас составляют граждане, сейчас составляют люди, которым дорога их семья, которые не утратили, в какой-то хотя бы степени, понятие чести, которые верны своим друзьям и т.д. Я не готов подсчитывать — здесь есть социологи, но это не такой маленький процесс, чтобы на это нельзя было опереть и общественную, и политическую деятельность. Совершенно отчетливо это проявилось в том, что пять процентов, как нам сообщили, проголосовали против обоих кандидатов на последнем туре последних президентских выборов, и все наблюдатели соглашаются, что именно эта цифра искажена, а на самом деле порядка пятнадцати процентов. А еще значительное число людей скрывают, что голосовали одни за Зюганова, другие — за Ельцина, говоря теперь, что проголосовали против обоих. Для меня это критерий гражданского самосознания и критерий того, что совокупность граждан — надежда будущей России, восстановленной России, наличествует — нам есть с кем работать.

Каков практический опыт жизни православных в неправославных государствах? Есть богатый опыт в Османской империи. Там лидером христиан являлся патриарх, заметьте, однако, что он отнюдь не был патриархом при султане, а напротив, был представителем перед лицом султана совокупности христиан — подданных империи. Он несомненно был в постоянном окружении православной общественности, в том числе и высокоученой, ученых греков, которые работали в ведомстве иностранных дел, были банкирами, торговцами и вообще занимали достаточно серьезное положение.

Мы, конечно, не в том положении сейчас, кроме того, султан все-таки, слава Богу, был мусульманин, мы же имеем дело со значительно ниже падшими элементами — с безбожниками. Однако есть опыт действия, существования православного общества и во враждебном окружении. Покуда Османская империя была исламской, она не была враждебной своим подданным-христианам, это проявилось только в процессе вестернизации, в девятнадцатом веке, но вот Речь Посполита, агрессивное католическое государство, к своим подданным-православным была агрессивна, была враждебно настроена. Что же мы видим их опыта жизни наших братьев, западных русских, в Речи Посполитой? В 1453 году

— интересная игра чисел — пал Константинополь и была отнята из мира православная империя. В 1458 было основано первое православное братство — Виленское, а за ним, во второй половине пятнадцатого века — множество других братств.

Опять-таки, мы видим с вами корпорации, благодаря которым издавались книги, поддерживались православные школы. финансировались казаки, реальные сабли православной Западной Руси, брались под покровительство монастыри — таким образом, это не только общественная, не только просветительская, это политическая форма, и мы вправе поддерживать елико возможным сохранение, новый подъем, один уже ведь был на наших глазах деятельности православных братств, кроме того, если политсовет будет действовать, то мы обязаны заботиться о том, чтобы братства и иные общества православные взаимодействовали с православными по культурной ориентации политическими партиями, а если у нас увенчается деятельность совета созданием союза граждан, союза православных граждан, разумеется, а не православного населения, не православного быдла, простите, тогда мы с вами в состоянии будем увидеть, улицезреть некую общность, куда смогут добровольно к общему благу войти как партии, так и братства, и православные общества, а также и православные учебные заведения, ибо любое нормальное учебное заведение, господа, это ведь тоже корпорация, так было веками.

Опыт Смуты сегодня был затронут глубокоуважаемым и, к сожалению, покинувшим нас академиком Львовым. Должен заметить, что для нас драгоценен опыт Смуты, в этот момент тоже не было государства. Смута возникает с того, что возникает двоевластие, затем многовластие, а потом по сути дела безвластие, к концу 1610 года. Однако отсутствие какой бы то ни было государственной оформленности и убийство вслед за этим последнего носителя идеи единства русских православных людей, священномученика патриарха Гермогена, только ускорило консолидацию корпорации русских людей.

Мне очень жаль, что ушедший высокоученый экономист сказал о коллективизме, вместо того, чтобы решиться наконец произнести термин “корпоративизм”, который и есть национальная традиция русских и многовековая, а никак не коллективизм. Минин — это действительно национальный лидер, даже национальный диктатор, а князь Дмитрий Михайлович Пожарский — его помощник, как недавно написал, еще не опубликовал, наподобие того, как и у римского диктатора помощник назывался начальник конницы, магистр эквитум. Так вот, но ведь он был диктатор, объединивший именно корпорацию, сообщество русских людей, начиная с Нижнего Новгорода, затем Ярославль, где заседал совет Всея земли, и т.д.

Опять-таки, опыт наших предков подсказывает призывать к корпоративности, поддерживать, обеспечивать научный базис, научную базу для расширения этой корпоративности, о чем я — как может быть, господин Аксючиц помнит, может быть, не помнит, вполне удачно заговорил на его учредительной конференции РХДД. Но корпорация, тогда это было очень страшное просто слово, в зале кое-кто обиделся из Прибалтики. Так вот, таким образом у нас есть опыт и есть возможность его реализации. Помимо взаимодействия партий, движений, я имею в виду политических движений, а также братств, обществ и учебных заведений, мы имеем еще один опыт, который я рискую предложить высокому собранию. Мы имеем опыт семнадцатого-восемнадцатого годов, когда Поместный собор, заметьте, в основном мучеников и исповедников, они так засвидетельствовали праведность собора через считанные годы в большинстве своем, Поместный собор установил еще одну интереснейшую форму — союзы православных приходов. Приход, зарегистрированный как религиозная организация. не может заниматься политической деятельностью.

В этом духе есть конкретные решения и нашего архиерейского собора, и они несомненно, справедливы, а вот союз приходов, их может быть в союзе два, двадцать, двести, может быть зарегистрирован как общественная организация, включиться во взаимодействие с политическими партиями и при необходимости поддержать того или иного кандида-

та или деятельность избранного того или иного конкретного русского политика. Закончу обзор конкретными предложениями.

Итак, я полагаю, что мы готовы. Так, проработавшее уже более года Православное политическое совещание предложить создание политического совета сейчас, с возможностью, разумеется, присоединиться к нему представителям некоторых групп, которые нам симпатизируют, участвовали в нашей работе, и по печальным обстоятельствам отсутствуют сегодня.

Второе. Союз православных граждан как цель, в результате деятельности подобного политического совета мы вполне в состоянии создать подобный союз, если, прежде всего, партии нас поддержат, до лета в любом случае, это крайний срок.

Третье. Мы готовы уже сейчас предложить, мы обсудили это, проект, к сожалению, пока не текст, потому что мы хотим получить от вас пожелания по подробному тексту, проект на январь месяц, то есть на следующее заседание Православного политического совещания, открытой к подписанию хартии взаимного дружелюбия, которая обязывала бы каждого человека, полагающего себя русским, национально, желательно имперски, но и неимперски мыслящим и православным по своей культурной ориентации, обязаться подписанием хартии от каких бы то ни было выпадов в других русских, национально и имперски мыслящих православных хотя бы по культуре людей.

Невозможно далее жить в условиях, когда автор и литературный критик в газете патриотической подвергает жестокому избиению одного из знаменитейших православных ученых нашей страны. Может быть, кто-нибудь сообразит, а я не буду называть имен. Я считаю. что я для себя хартию эту уже подписал, и имен не назову. Во второй половине декабря мы созовем следующее совещание, и если будет на то ваше благоволение, отцы и братья, мы подпишем таковую хартию, я полагаю, что она может иметь огласку и самые серьезные последствия, в том числе прежде всего политические последствия, и это желательные для нас последствия, хотя кто-нибудь взвоет: почему православных и почему русских? Нам к вою не привыкать!

Хочу завершить это замечанием, что мы можем способствовать созданию очень открытого союза, миротворческого и миролюбивого, потому что исторический опыт показывает: политически мы можем позволить себе быть достаточно — простите этот термин, слишком привычен, а здесь есть и корреспонденты — мы можем позволить себе быть достаточно плюралистичными.

Когда мы проводили первое заседание больше года назад, я это упоминал, и привожу этот пример еще раз: мы можем быть плюралистичными, как были в период расцвета, в семнадцатом-восемнадцатом-девятнадцатом веках плюралистичны англичане, но одной ценой — каждый англичанин был сначала англиканин, член англиканской церкви, затем англичанин, после чего несомненно мог быть консерватором, либералом, лейбористом, а хоть бы и коммунистом. Мы тоже, если мы постановим, что приличный человек, иной же просто неприличный, что приличный человек — это, прежде всего, человек православный, затем русский, а при исполнении этих условий может быть кем угодно — мы достигнем и содружества, и плюрализма, дай нам Бог.

Обращение Союза православных граждан

к Президенту РФ, Правительству, органам представительной власти и общественности

по поводу антинациональной деятельности Российской ассоциации “Планирования семьи” и связанных с ней государственных структур и общественных организаций

На протяжении нескольких лет в сознание наших граждан внедряется мысль о желательности и даже необходимости сокращения народонаселения страны. Одновременно с этим в России вот уже 5 лет планомерно насаждается идеология так называемого “полового воспитания российских школьников” по западному образцу. Официальным основанием этой идеологии является утвержденная Президентом РФ в 1994 году программа планирования семьи. Механизмом проведения в жизнь данной идеологии служит деятельность Российской ассоциации “Планирование семьи” (РАПС), вокруг которой объединилось множество различных структур и лиц.

Деятельность РАПС осуществляется по патронажем исполнительной федеральной власти и мощных международных организаций, таких как ЮНЕСКО и Международная федерация планирования семьи (МФПС). Все эти организации и люди являются проводниками идей “атеистического гуманизма”, принципы которого воплощаются под видом “демократических ценностей” и “прав человека”. Наступление на традиционные моральные устои идет широким фронтом и осуществляется под личиной “гуманного и просвещенного” типа мышления, представляющего собой на самом деле смесь неоязычества с культом “свободного и рационального” обустройства всех сфер жизни общества, включая внутрисемейные отношения.

После крушения откровенно богоборческого режима новая власть, по сути своей чуждая православной культуре и нравственности, попускает культивирование в обществе половой распущенности, жестокости, вседозволенности. Новой вехой и формой развращения населения (в первую очередь - детей) стала деятельность РАПС, лоббирующей быстрейшее принятие “Закона о репродуктивных правах граждан”. Но еще до принятия данного закона, явочным порядком через исполнительную власть - Министерство здравоохранения и Министерство общего и профессионального образования - РАПС ввела в школах, поликлиниках, “центрах сексуального просвещения молодежи и подростков” и т.п. обучение по проекту “Половое воспитание российских школьников”. Все это делается под благовидным предлогом “защиты семьи”, “здорового образа жизни”, “репродуктивного здоровья”, недопущения ранней беременности и снижения роста венерических заболеваний. На деле же новоявленные мальтузианцы и сексуальные “просветители” способствуют окончательному крушению морали и резкому ухудшению демографической ситуации в России.

Вводимая РАПС (Президент - академик РАМН В.И. Кулаков, генеральный директор - И.И. Гребешева) “новая культура секса” предполагает раздачу среди детей и подростков противозачаточных средств, *выдаваемых против воли родителей*. Лоббируя принятие данного закона, РАПС планирует запустить руку в госбюджет и закупать контрацептивы и иную продукцию у иностранных фирм (Шеринг АГ, Проктер энд Гэмбл, Органон, Джонсон энд Джонсон и др.) на деньги наших налогоплательщиков.

Предельно ясно, что обучение детей “технике безопасности секса” является завуалированной формой подталкивания малолетних к разнузданному поведению. Осуществление программ РАПС с их явной десакрализацией интимной сферы жизни человека вызовут страшный социальный взрыв, увеличит рост детской преступности, быстро разрушит семью, так как предлагаемая система “полового воспитания” снимет барьер между взрослым и ребенком, породит массу конфликтов, связанных с крушением авторитета родителей в глазах их детей.

Геополитические и демографические последствия введения в школах программ РАПС будут иметь катастрофические последствия. По данным Госкомстата при нынешнем низком уровне рождаемости и высоком уровне смертности “численность населения России за 1996-2010 гг. уменьшится на 7,3 млн. человек (по среднему варианту) и на 14-16,6 млн. человек (по пессимистическому варианту)”. Принимая во внимание малозаселенность огромных и богатых природными ресурсами областей России, следует предположить, что дальнейшее убывание народонаселения несомненно превратит нашу страну в объект экспансии различных мировых сил. Кроме того, введение РАПСовских программ в школах породит раскол между русскими областями и мусульманскими территориями, что приведет к распаду Российской Федерации и отделению от нее всего Северного Кавказа, значительной части Поволжья и других регионов.

Принимая во внимание все вышеизложенное, православная общественность призывает всех граждан России поддержать следующие требования к Федеральным властям:

- немедленно, без каких-либо дискуссий по вопросу деятельности РАПС, закрыть все региональные центры этой организации (всего 200), равно как и 43 филиала Российского общества по контрацепции и 14 медико-педагогических молодежных центра, проводящих в жизнь программы РАПС;
- прекратить введенные явочным порядком эксперименты по половому воспитанию в школах, поликлиниках и прочих учреждениях;
- Государственной Думе отклонить принятие “Закона о репродуктивных правах граждан” и приступить к разработке и принятию закона о религиозном и нравственном образовании, в котором специально оговорить форму и рамки преподавания в школах предмета об отношении полов, основанного на православной культурной традиции.

Союз православных граждан, 13 февраля 1997 г.

Материалы к Обращению Союза православных граждан по поводу деятельности РАПС

В конце января 1997 года состоялась 4 российская конференция “Планирование семьи: вчера, сегодня, завтра”. Конференция была организована Российской ассоциацией “Планирование семьи” (РАПС) при участии Международной федерации планирования семьи (МФПС), комиссии по вопросам женщин, семьи и демографии при президенте РФ (председатель - Е.Ф. Лахова), Министерства здравоохранения РФ.

Зам. министра здравоохранения РФ А.Д. Царегородцев обосновал в своем докладе нужность РАПС, которая уже пять лет сотрудничает с Минздравом и на сегодня имеет 200 региональных центров по планированию семьи, 43 филиала Российского общества по контрацепции, 14 медико-педагогических молодежных центров, центр по переобучению медицинских работников.

Конференция приняла обращение к правительству и депутатам, в котором проинформировала о катастрофическом положении дел в области “репродуктивного здоровья” и обратилась с просьбой принять закон о репродуктивных правах граждан.

Для успешного функционирования столь значительного числа организаций и большого числа задействованных в этих структурах людей необходима солидная идеологическая база. Так, президент РАПС академик РАМН В.И. Кулаков сделал доклад под названием “Планирование семьи в России: **идеология и стратегия**”. Зам.министра общего и профессионального образования РФ Е.Е. Чепурных выступила с докладом “Сексуальное образование в России: **идеология становления и развитие системы**”. Президент Российского общества по контрацепции проф. В.Н. Прилепская заявила о “контрацептивной революции” в России и т.п.

О моральных основах подобной “идеологии”, целях и задачах этих “просвещенных людей”, пекущихся о “здоровье” молодого поколения России, можно судить по следующим высказываниям и названиям докладов участников конференции: “Призывающие к повышению рождаемости в России забывают о проблемах перенаселения в мировом масштабе, нам не нужен прирост, нам нужны здоровые дети” (В. Прилепская); “Необходимо для осознанного сексуального выбора разработать программу для **маргинальных слоев: молодежи, сельских жителей, беженцев и т.д**.” (В.И. Кулаков); “Молодежь наиболее эффективна для воздействия, и большая часть литературы, издаваемой РАПС, ориентирована именно на нее” (генеральный директор РАПС И.И. Гребешева). Об идеологии заложенной в эту сплошь переводную литературу, можно судить по названиям брошюр, издаваемых Гребешевой: “Любовь без риска”, “Ваш друг презерватив” и т.д.

Продолжим цитировать некоторые высказывания: “Попытки возложить сексуальное образование на семью **обречены из-за низкой подготовки родителей, и если школа устранится от участия, то дети попадут в лапы порнографии**” (Е. Чепурных); “Как вынужденная мера была принята инструкция о прерывании беременности (на поздних сроках) **по социальным показаниям (бедность, безработица и т.п.)”** (А.Д. Царегородцев); “В связи с развитием служб планирования семьи возросло число пар, использующих оральные контрацептивы, **растет количество лиц, обратившихся к добровольной стерилизации** (10 тысяч человек в 1992 году, 15 тысяч в 1995 году)” (А. Царегородцев); “1 доллар, вложенный в планирование семьи, на 200 долларов уменьшает расходы на здравоохранение” (Президент Европейского регионального бюро МФПС Б. Леннеер-Аксельсон); “Не зафиксировано снижения количества половых связей до брака и числа венерических заболеваний. Это происходит потому, что **давая информацию, образование не дает навыков**” (президент ассоциации “Планирование семьи С.-Петербурга” П.Н. Кротин).

Добавим ко всему вышеизложенному лишь некоторые названия статей из проекта Федерального закона “О репродуктивных правах граждан и гарантиях их осуществления”. Например, “Право на искусственную инсеминацию, искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона” (статья 7); “Организации по планированию семьи” (статья 15); “Право на отсроченное отцовство”, “Право на предупреждение нежелательной беременности” (статья 12) и т.п.

Особо негативное отношение вызывают “инструкции” по использованию противозачаточных средств с яркими, наглядно поясняющими рисунками и “советами”, которыми будут пичкать 11-12 -летних подростков. Видимо, предвидя крайне негативную реакцию **на все это** большинства граждан, Е.Ф. Лахова в своем вступительном слове на конференции призвала к “**организации сопротивления противникам сексуального образования** и к широкой поддержке закона о репродуктивных правах в СМИ”.

Таким образом, РАПС грубо вторгается в права граждан России, попирает все нравственные и религиозные нормы и оскорбляет чувства православных христиан (не говоря уже о людях другой веры, такой, например, как ислам).

Православный взгляд на современное состояние российского общества

(05.06.1997)

Лебедев В.В., ведущий:

Наша организация, состоящая из многих разных организаций и лиц, а именно "Союз православных граждан", который только складывается, пытается содействовать восстановлению гражданского общества на основе православного мировоззрения. Нива здесь колоссальная и непаханая. Еще бы: восстановить общество, которое неизвестно вообще существует ли в нашей стране на данный момент.

Члены нашей организации и наши добрые друзья работают каждый на своем фронте: кто в православной гимназии, кто в молодежном движении, кто на политической ниве, кто в государственном аппарате, кто на приходе. "Союз православных граждан" не всегда показываясь публике, творит дело так, чтобы правая рука знала что делает левая, способствует восстановлению традиционных форм жизни.

После прошлого заседания Политического совещания прошли мероприятия, в которых прямо или косвенно принял участие "Союз православных граждан". Я о них коротко расскажу, а потом выступят те, кто организовывал эти мероприятия и участвовал в них.

Во-первых, радостно отметить нам, всем нам удалась победа над безобразным фильмом "Последнее искушение Христа", его сняли с эфира второй раз. Причем об этом и по телевидению объявляли, и в газетах пишут, а наши сторонники говорят теперь уже от имени своих организаций, что мы хотели. Сейчас даже не все знают где, собственно, истоки возникшей общественной кампании. Отрадно, что впервые мы видим зачатки того, что можно назвать обществом, что показало сильным мира сего, их аппарату, их прессе, что глас православных граждан и сочувствующих православию слышен и что считаться с ними нужно.

Первый раз с нами посчитались на Пасху, а второй раз казалось, что дело наполовину проиграно, что демократия поставит фильм в ночной эфир. Нет, не вышло и на этот раз. Возникла масса писем, протестов, вплоть, до угроз, как передало НТВ, выпороть руководство НТВ на площади. В общем, они сняли этот фильм с эфира второй раз.

Прошел в эти дни фестиваль "Золотой Витязь". Это была колоссальная акция. 340 человек, среди которых народные артисты, писатели, публицисты, деятели культуры, священнослужители, плыли на пароходе по матушке-Волге. Главным организатором был Николай Петрович Бурляев, член нашего Православного совещания.

Это был фестиваль этот не просто исторических, это был фестиваль православных фильмов. В Колонном зале, когда было открытие фестиваля, присутствовал святейший Патриарх. Быт участников фестиваля был расписан соответствующим образом: вечерние и утренние молитвы, которые совершали все вместе, включая всех наших артистов. Были на фестивале и соответствующие выступления, речи и встречи на по маршруту следования. Это были не экскурсии, а паломничества по святым местам - в Ярославле, в Костроме и в Угличе. Местная пресса писала об этом. Впрочем, наша центральная пресса не всегда, скажем мягко, с радостью освещала деятельность фестиваля, и все равно до сих пор еще идут положительные отзывы с мест.

К сожалению, государство выделило на фестиваль очень мало средств, но в деятельности фестиваля приняло много организаций, многие способствовали тому, чтобы он просто произошел. В частности, присутствующий здесь президент Фонда Андрея Первозванного Александр Мельник вложил свою лепту в то, чтобы этот фестиваль состоялся. Помог и Фонд единства православных народов, который входит в состав нашего совещания, и многие другие.

Прошло много других мероприятий. 9 Мая при нашем участии во время демонстрации была сформирована патриотическая колонна, которая хоть и слегка потерялась среди красных знамен, но была достаточно значительной. Делегация Православного политического совещания во главе с отцом Арсением Владимировым в Дни славянской письмен-

ности и культуры побывала в Калининграде. Прошел Конгресс русской интеллигенции, в котором тоже принимали участие члены нашего совещания и даже находились в президиуме.

После наших визитов в высокие инстанции нам шлет письма российская ассоциация планирования семьи - заигрывает, приглашает на различные свои конференции. Пресса сообщала, что 20 мая Минздрав провел конференцию, посвященную планированию семьи с приглашением различных церковно-общественных деятелей и священнослужителей. Там побывали и отец Владимир Воробьев, и Дмитрий Смирнов, и Александр Лишенко... Слушали всех, но Минздрав остался тверд в грехе.

Сегодня у нас 4 проекта заявлений:

- Открытое письмо в коллегию Федеральной службы России по телевидению и радиовещанию,
- Заявления о тяжелой обстановке и о жилищно-коммунальной реформе,
- Письмо председстелю Госдумы,
- Заявление о проблемах престолонаследия.

Начнем с последнего заявления.

Мы абсолютно не готовили сегодня, надо сказать, никаких докладов на эту тему, но общественность взволнована теми телепередачами вчерашними, публикациями в “Общей газете”, где прямо говорится о подготовке придания особого статуса императорской семье. Авторы ссылаются на то, что процессом руководит Виктор Владимирович Аксючиц. Я думаю, мы попросим Виктора Владимировича сгладить атмосферу с этим заявлением. Многие интересуются данной проблемой и просят коротко рассказать о ситуации.

Аксючиц В.В.:

Я поделюсь некоторыми соображениями как раз на тему сегодняшнего нашего заседания и по ходу дела буду комментировать некоторые факты, кототорые укладываются в нашу общую тему.

Прежде всего, несколько разрозненных выводов, которые не претендуют на какой-то концептуальный взгляд на сегодняшнюю нашу проблему, но тем не менее важны. На мой взгляд существует определенный разрыв между возрождением православной духовности, духовным возрождением в обществе, процесс которого идет, трудно, а иной раз драматически, что закономерно после 70 лет господства режима государственного атеизма. Этот процесс идет и вместе с тем этот процесс как бы кристаллизируется в таких сферах общественности, которые совершенно далеки и никак не связаны с политической сферой жизни. И вот это духовное православное возрождение, в обществе идущее, никак не сказывается не только на политической практике в России, но даже на формировании политических идеалов и политического мировоззрения в обществе. Этот разрыв совершенно очевидный, он для меня был очевиден и раньше, но стал более, так сказать, как бы драматично выглядеть после того, когда я стал работать там, где я сейчас работаю. Каковы причины этого? Причины, ну, их много причин, но я просто, так сказать, остановлюсь на двух из них. Это первая: нет и не может быть - в сегодняшнем обществе это уже очевидно - того, что можно было бы советским языком характеризовать как православный электорат политически. То есть, мы знаем, что политически вся православная общественность абсолютно дифференцирована вплоть до поляризации, то есть православные, люди с православным, граждане с православным мировоззрением - одни из них могут голосовать за радикальных демократов, другие могут голосовать за коммунистов, третьи - за националистов, либо патриотов-государственников. Такова ситуация, и, в общем-то, это закономерно по генезису общественному последних десятилетий. Очевидно, другого быть и не может. Из этого следует, что, во всяком случае, в ближайшей перспективе поговорить о какой-то консолидации политических сил на основе православия сейчас нереально. Это одна, так сказать, тенденция. Другая. Совершенно очевидно, что русская православная церковь, имея в виду все ее уровни - и наш епископат, и наши священнослужители, и мы с

вами, как миряне - не готовы к тем задачам миссионерской деятельности, которые обрушились сейчас на Россию. Почему русская православная церковь не готова? Прежде всего не готова онтологически, потому что русская православная церковь находится на своей родине, так сказать, на своей территории, исконно своей территории, никогда не разрабатывала традиций и механизмов миссионерской, обширной миссионерской деятельности на своей территории, поскольку эта территория была своя, то есть Россия. И вот эта территория после десятилетий режима государственного атеизма во многих отношениях оказалась оголенной, и нет не только, нет и духовного панциря, который защищал бы российскую общественность, тем более нет государственного панциря, нет никаких общественных, экономических структур, которые бы защищали, и отсюда хлынула огромная, мощная экспансия антиправославных сил извне. Эта экспансия обрушилась прежде всего на общественность атеистическую, а на общественность, большая часть которой как бы тянется к такому, смутно тянется к религиозным идеалам и тут же им, так сказать, была дана эта пища, так сказать, ядовитая всеми этими прозелитистскими программами, обрушивающимися, которые обрушились на Россию, но наша церковь оказалась не готовой к тому, чтобы защитить свою паству от вот этой экспансии. И в общем-то это закономерно, потому что генетически как бы не было предпосылок для того, чтобы исторически для того, чтобы мы оказались к этому готовы. Но это факт, с которым тоже сейчас нужно считаться. И, так сказать, вот учитывая, скажем, и это, как говорится, тема отдельная и можно было на эту тему говорить долго, я просто констатирую две этих тенденции - они сами по себе тоже важны, ну и множество других. Вот учитывая все это, мы должны понимать, что, находясь у себя на родине, в России, в православной стране, мы - православные патриоты - находимся в окружении, мягко говоря, недругов, если не сказать врагов во всех измерениях. То есть, основные каналы и сферы влияния - под контролем сил если не дружественных, то враждебных русскому православию. Соответственно, нужно исходить из этих реалий и думать, и искать методы противостояния. И, естественно, это, так сказать, противостояние или самозащита духовная тоже может проходить по разным измерениям. Одно из них - это естественно длительный процесс православного просвещения, эта работа идет, это отдельная тема, не буду ее описывать, квалифицировать. В целом, просто констатирую, что это очень важное направление не только с точки зрения просвещения как такового самого по себе, именно с точки зрения духовной самозащиты русского православного народа. Другая тенденция, которую ввели другие, и это другой механизм, который я мог бы и хотел бы отметить, это механизм политического влияния. Совершенно очевидно, что нет никаких железных законов исторических, которые бы определяли бы, скажем, политическое развитие наше и политические наши метаморфозы, и даже пульпиты и революцию последних лет - все это есть результат борьбы. Результат борьбы, который не предрешен заранее, результат борьбы, который очень часто, так сказать, субъективно, который зависит от очень многих обстоятельств субъективных, например, кто попал, кто влиял, кто запустил какую идею. И вот один из парадоксальных фактов, факторов, что православная общественность, в том числе и в нашем с вами лице, а уж тем более за пределами этого круга, дистанцируется от участия в политической жизни по понятным причинам, потому что там, так сказать, она враждебна как бы духовному сосредоточению, она вообще там, так сказать, недруги, там вообще чужие, но эта политическая сфера во многом определяет нашу с вами жизнь, в том числе и семейную, и церковную, и уж тем более общественную и политическую. Ну что ходить за примером далеко, можно привести просто в качестве примера борьбу за закон в девяносто третьем году, закон о свободе совести, который готовил наш комитет в Верховном Совете, и который, если бы он был принят в третий раз Верховным Советом до расстрела, то были бы положены границы правовые этой экспансии прозелитизма на Россию. Казалось бы, случайные факторы определили, будет или не будет мощный механизм защиты. И тогда, когда мы работали в Верховном Совете, я ощущал, что мы все работаем в абсолютной пустоте, со стороны православной общественности не было ни какой поддержки, напротив, православная об-

щественность очень дружно фиксировала все наши промахи, все наши недостатки, все наши ошибки, которые должны были быть, это естественно, без них не бывает в такого рода деятельности. Критиковали во всех православных изданиях, трактовали нашу деятельность вкривь и вкось, обвиняли нас во всех, так сказать, фантазмах, каких можно было обвинить, но широкой поддержки в узких кругах православной общественности мы не получали никогда. Когда, хотя это был тогда вопрос - во многом вопрос жизни и смерти, в частности, вот вопрос о создании этого закона. С этой ситуацией мы, РХДД, сталкиваемся сегодня. Скажем, вот я попал на эту работу, на которую я попал сейчас, руковожу группой советников у вице-премьера Немцова. Казалось бы, возможности что-то сделать, и действительно, таковые возможности есть, потому что как и тогда для меня политика, когда я был депутатом, также и сейчас, для меня политика это прежде всего сфера служения, а не сфера личных каких-то амбиций. Я никогда не мечтал быть влиятельным политиком, мои друзья, которые со мной были все эти годы, прекрасно это знают. Я в прошлом этапе политики потерял все, что у меня было, все свое очень крупное состояние, потому что я вложил его в РХДД, в газеты, в журналы, во все остальное и ничего не приобрел, я не стал богаче, например, а стал беднее, так же как и все мои друзья на этом потеряли. Но зато мы сделали колоссально много для тех идеалов, которым служим. Вот сейчас мы примерно с этим же пытаемся войти в политику, что-то сделать, и конкретные вещи, о которых можно было бы сейчас говорить, но пока не стоит. И вот, находясь там, я сталкиваюсь, например, с тем, что, ну ладно, ладно, скажем, недопонимание или непонимание у тех кругов общества, которые приговорены к непониманию, недопониманию, допустим, нашей позиции. Но это непонимание мы находим и среди своих близких по мировоззрению людей. И для того, чтобы снять какие-то накапливающиеся фантазмы, я готов отвечать откровенно на все вопросы, которые возникают и давать по этому поводу информацию, которая может быть важна для принятия каких-то решений. Коснусь двух тем сегодня. Прежде всего деятельности Немцова по некоторым его направлениям основным, и вторая тема, естественно, которая уже была обозначена, - монархия. Значит вот, деятельность Немцова по естественным монополиям и по коммунальной реформе абсолютно дискредитирована сегодня в средствах массовой информации. Поскольку занимаюсь этим, я это вижу и знаю. Вместе с тем, я вижу и знаю что, тот кто имеет доброжелательный взгляд, установку, может даже из, скажем даже не доброжелательный, - непредвзятый, даже из этого потока информации, который идет на этот счет и по телевидению, и по печатным изданиям, может понять и разобраться, как обстоит дело. Тем не менее, это не происходит. Тем не менее, я вижу среди многих своих друзей тоже не только недопонимание, а агрессивное неприятие тех шагов, которые, на мой взгляд, абсолютно оправданы. Например, по естественным монополиям. Итак, Немцов, и все мы неоднократно говорили и говорим: никакого дробления естественных монополий нет и не будет. Никаких проектов, никаких телодвижений по этому поводу не предпринималось и не предпринимается вообще. Вообще вопрос стоит совершенно о другом. И сегодня я могу сказать о фактах, которые нам были известны давно, но сейчас только опубликованы в малотиражном журнале “Коммерсантъ”, но которые, на мой взгляд, просто ошеломляющие, и которые показывают на самом деле что есть что. Как только Немцов поставил перед собой эту проблему естественных монополий, а поставил он не тогда, когда стал вице-премьером, а когда был еще губернатором, и когда мы в Нижнем Новгороде, вот в его команде обсуждали эти проекты, естественно не думая, что это придется скоро так реализовывать, они обсуждались на уровне, что вот надо их сформировать и подать Президенту там, Черномырдину, чтобы это наконец началось. Тогда уже было для нас ясно, что естественные монополии - это огромная черная дыра в экономике России с точки зрения создания самого мощного капитала, именно чиновничьего капитала. Вот я убедился в том, что весь криминальный капитал России на порядок меньше и ниже и по степени влияния, и по своему объему, чем капитал чиновничий, то есть тот капитал, который создан, так сказать, чиновниками, которые распределяли всю эту государственную собственность и стали миллионерами, мультимиллионерами и мил-

лиардерами так просто, совершенно запросто. И естественные монополии - это один из каналов, даже самых мощных каналов вот такого обогащения. Почему? Потому что они неподконтрольны со стороны государства, они неподконтрольны со стороны общества, они находятся в полном распоряжении тех, кто считает себя собственником этих естественных монополий, то есть тех, кто ими управляет. Это, так сказать, азбука. И вот Немцов предпринимает шаги для того, чтобы здесь навести порядок, для того чтобы первое: все естественные монополии были под контролем государства и сохраняли контрольный пакет акций. Нормально это? Нормально. Может быть, скучно на эту тему? Я смотрю, на часы показывают - я могу прекратить тогда. (Шум в зале). Ну, пожалуйста, я могу, так сказать,... Мне просто было сказано, что это именно интересно, я поэтому так долго и рассказывал. (Продолжает). Значит, соответственно, предпринимая шаги, чтобы поставить под контроль этот процесс, и тут же начинается истерика, и тут же начинается, тут же Вяхирев выступает, ну, все вы знаете в Государственной Думе, и все, и коммунисты начинают кричать о том, что!, начинается процесс Немцовым раздробления естественных монополий. И никто не ставит вопрос - те же коммунисты - а почему на сегодняшний день Газпром располагает, государство располагает не 50 - больше 51 % акций, а только 40. И никто не ставит вопрос, почему из 40 % - 35 отдано в управление Вяхиревым. А потом выясняется вот тот факт, который уже опубликован и о котором можно говорить, что договор по доверительному правлению, по которому 35 % государственных акций из оставшихся 40 передается Вяхиреву, был подписан со стороны правительства Сосковцом, так сказать, на составление этого договора нет распоряжения правительства, хотя в углу стоит штамп "Распоряжение правительства, № такой-то" и дальше пустое место. И дальше в этом договоре написано, что через три года Вяхирев имеет право приватизировать за выполнение этого договора 30 % акций Газпрома. Это, по ценам нью-йоркской биржи, 30 млрд. долларов. Вот вам, штучки. 30 млрд. долларов имеет право приватизировать Вяхирев по незаконному ...(?) договору. И уверяю вас, что это и было бы сделано, об этом никто бы не знал, если бы не пришел Немцов и вовремя, за полгода до истечения срока этого договора, и начал наводить там порядок. Он начал наводить там порядок - кого стали защищать коммунисты в Думе? Крупный капитал, крупный чиновничий капитал. Партия, которая призвана по своему статусу защищать социально обездоленных. Я могу много на эту тему, много рассказывать, но могу сказать только одно: что можно спорить о нюансах этого подхода, но то, что я убедился, в принципе, в том, что этот подход верен - и по отношению к коммунальной реформе дело обстоит совершенно не так, совершенно не так, как написано вот с самого начала заявления, которое предлагается, что сущность реформ в том, чтобы переложить все бремя содержания жилища на население, совершенно не в том. Это тоже блеф. А сущность в том, что более тридцати триллионов, сектор экономики более тридцати триллионов, совершенно монополизирован, отдан бесконтрольно, на откуп различным структурам. И уже сейчас известно, что 30 % примерно разворовывается, то есть тридцать триллионов, 30 % примерно просто гибнет в силу того, что система неэффективна, ну, знаете, там вода течет, так сказать, отопление слишком сжигается, ну, и так далее и так далее. Предлагается система, которая эффективна, заводит процесс как бы эффективной работы вот всей этой системы. И только вследствие повышения эффективности работы этой системы будет перераспределение оплаты жилищно-коммунального комплекса, и только тогда встанет вопрос о повышении заработной платы. Может быть, с этим можно спорить, но ведь дело в том, что невозможно, это не сводится к тому, что здесь написано. Совершенно другое! Соответственно, мы все можем это не поддержать, но тогда кого мы поддержим, ну, что мы поддержим? Мы поддержим те финансовые группы, могу сейчас сказать этот факт, что через две недели, после того, как Немцов был назначен на эту должность, группа очень влиятельных людей, представляющих собой самую влиятельную финансовую, так сказать, группу у нас в России, пришли, так сказать, и передали через команду Немцова следующее: что ведет себя человек не так, приехал в Москву, где все уже сбалансировано, где все уже установлено, и врывается, так сказать, в

перераспределения, которые его не касаются, пусть не лезет, иначе ему будет хуже. Он влез. И вот стало хуже. Совершенно очевидно. Началась массированная кампания в средствах информации, полная дискредитация всего, что делается, в том числе и тема монархии используется для полной дискредитации. И тех, кто этой темой занимается профессионально и подписывает разного рода документы, соответственно, я призываю задуматься и над этим тоже. Вот статья в сегодняшней газете, вы читали "Общую газету". Прежде всего, три материала в газете, три материала в газете включают материал о монархии. Антинемцовские. Один материал - "Немцов восстанавливает дом Романовых", второй - просто статья о его реформах, искажающая суть, и третья - на него, это самое, как это называется, карикатура. Так вот этот материал, так сказать, здесь обо мне пишется, что я делаю. Так вот полный блеф, абсолютно несоответствующий действительности вообще. Здесь соответствует действительности только один параграф, а именно то, что я ответил на вопрос о журналистах: "...Сам Аксючиц... - там, так, так, так - ...по-прежнему считает монархию идеалом общественного устройства, но попытки форсировать данный процесс расценивает как провокацию...". Я действительно так считаю, искренне так считаю, что говорить о восстановлении монархии сейчас - это крайне неактуально. Ну, как можно говорить о восстановлении монархии в обществе, где монархистов-то ноль-ноль сколько-то там процентов. Я совершенно согласен с авторами заявления, что наше нецерковное общество сегодня не готово совершенно к восприятию царя вообще, я совершенно с этим согласен. Но не согласен с тем, что кампании, которые поддерживаются вот в этих проектах заявления, и той кампании, которая поднимается уже и наверняка выплеснулась на телевидение, что якобы предпринимаются шаги по восстановлению монархии. Уверяю вас, что никакие шаги на эту тему не предпринимаются вообще. Ну, может быть, я вообще полный идиот, я там сижу и ничего не вижу, мимо меня все проходит и не вижу - это вряд ли. Это вряд ли - я что-нибудь бы знал. Не предпринимаются шаги по восстановлению монархии вообще. Вот тут написано скажем, что Аксючиц и Немцов послали проект Президенту, что состоялось обсуждение его тайно с участием представителей кремлевской администрации, правительства, ряда ведущих столичных банкиров и казачьих организаций - полный блеф. Ничего такого не только не было, но и быть по природе вещей не могло. Пишут, все верят, и в ответ пишут вот такого рода обращения. Так может быть прежде, чем писать обращение, скажем, выражения своего возмущения - а что мешает обратиться, например, ко мне, если, ну скажем, что я этим занимаюсь и выяснить вопрос, встретиться, обсудить, договориться... . Нет, мы занимаемся опять, так сказать, конфронтацией: давайте баррикадой на баррикаду, стенка на стенку, давайте будем искать то, что нас разъединяет. Ну, давайте. А я призываю как раз к противоположному. Мы здесь собираемся много лет в том числе и потому, что нас многое объединяет. Так давайте, так сказать, искать эти сегменты объединения не только в сфере религиозной деятельности, культурной деятельности, но и в сфере политической деятельности. Давайте выяснять проблему саму по себе, не демонизировать вопрос, как это демонизируется в прессе, и как уже, как отголосок этого демонизируется во всякого рода обращениях и подписях, которые разосланы уважаемыми нашими редакторами наших патриотических журналов. Он демонизирован, ничего этого вообще нет, это фантом, так же как это фантом - выступление по НТВ полгода назад Киселева - это провокация, которая в данном случае эта провокация нужна, этот вопрос очень болезненно нужен для того, чтобы потопить Немцова. Используется. Что было у Киселева - я не знаю, тогда не был там, я не знаю, может быть у него другие были мотивы. Так что я призываю понять, что наше недопонимание, наше недопонимание, в том числе и по этим вопросам - это не только частный фактор наших с вами личных взаимоотношений, что тоже конечно важно. Это есть феномен, отражающий, в общем-то нашу политическую реалию, реалии, в том числе в сфере православной общественности. Мы абсолютно, абсолютно конфронтационны в сфере политики. Всякий раз, когда мы начинаем политический разговор, мы прежде всего ищем, что нас разъединяет. Мы прежде всего ищем, а что нам дает повод друг друга лягнуть, против друг друга выступить и друг друга обвинить. Мы не

научились и не ставим перед собой задачи искать повод, а что же нас объединяет. Я согласен, естественно, что, вот как здесь написано, что должен решать конечно же Всероссийский Земский Собор. Конечно же, безусловно эти вопросы монархии должен решать Всероссийский Земский Собор, но он ведь может быть собран только тогда, когда общество к этому будет готово, то есть лет через десять, скажем, пятнадцать. Но для того, чтобы общество было готово, нам ведь надо что-то предпринимать не только, так сказать, рядом с церковной оградой, но и в сфере политики тоже. Если я не прав - давайте на эту тему дискуссировать, но не огульно же обвинять друг друга. Все, я закончил.

Ведущий: Спасибо, Виктор Владимирович. Вот у нас так получилось, что, конечно, вот это вот, так сказать, внеочередной проект обращения, а также публикации в газетах, - они заставляют нас, судя по всему, поскольку здесь все-таки присутствуют помимо вообще членов собрания, которым небезразличны формы будущего государственного строя России, что само собой разумеется, многие теоретики и практики и даже главные монархические организации и органы. Давайте, чтобы не превращать все это в сумятицу вопрос, а он появился вчера-позавчера прямо вот так вот, давайте примем поэтому - отложим пока коммунальную реформу - и примем какой-то - коротко выступим - и примем какое-то общесоборное решение. Вопрос накатился. Специально мы его не разрабатывали, неожиданно, у нас есть заявление, у нас есть программу расписали, у нас есть публикации из газет Виктора Владимировича - все это существует. У нас есть комиссия в нашем совещании и собрание, которое можно еще провести - я ни на что не намекаю. Давайте коротко выскажемся сейчас, прервемся - у нас там есть кое-какой план все-таки , вот, и решим, что делать нам вот с этой как бы монархической ситуацией. Кто хочет сказать? У меня просто предложение. Пожалуйста. Павел Анатольевич Евдокимов.

Евдокимов П.А.: Всероссийский Монархический Центр

Я с болью читал это заявление, выдержанное в возмутительных тонах и по форме и по содержанию. Дело в том, что вопрос настолько дискуссионный, я бы просто пригласил автора этого заявления в наш Монархический Центр. Конечно, специалисты по конкретным позициям с ними переговорили. Я думаю, надеюсь, по крайней мере, что его точка зрения бы изменилась. Опять же, здесь намекается на то, что с одобрения патриарха нашего, Алексия II, проводится вся эта кампания. Не добра (?) Алексия II, заявляю вам (ведущий поправляет: Алексея), Алексея, заявляю вам со всей очевидностью. Это не соответствует действительности. Что касается акции, которая якобы проводится - я присоединяюсь к тому, что сказал Виктор Аксючиц. И на наш взгляд, и на нашу конкретную цель по дискредитации Владимира Немцова, как бы мы к нему с той или иной позиции не относились. Поэтому я бы предложил не принимать это заявление в силу того, что оно написано эмоционально, и мне кажется автор этого заявления не владеет ситуацией, которая сложилась на данный момент. Поэтому я предлагаю его отложить.

Назаров М.В.:

Нужно собрать специальное совещание по этой проблеме, в котором я тоже готов участвовать как автор специальной книги на эту тему. Если мы сейчас начнем предлагать аргументы "за" и "против", то я не знаю что получится.

В.Л.Махнач:

Я тут попробую перечислить проблемы, которые, к сожалению, были поставлены этим обсуждением. Хочу заверить, что я разделяю точку зрения ушедшего отца Кирилла и господина Назарова с тем, что тема эта требует специального обсуждения. Я согласен с Натальей Алексеевной, что резкости определенного рода следует избегать, и, следовательно, поднимать вопрос о воцарении Гогенцоллерна, если таковой Гогенцоллерн себя Гогенцоллерном не считает, и насколько я знаю, и другие Гогенцоллерны тоже не следу-

ют, почему, зачем же ... Я почтительно отношусь к этому королевскому прусскому дому, зачем же человека обкладывать Гогенцоллерном? Он же себя таковым кажется не признал. Однако, есть некоторые вещи, которые историка заставляют высказаться. Они есть в обращении, они есть в высказываниях сегодня. Во-первых, никакого высочайшего благословения подобного рода быть не может. Я никогда не критикую Патриарха не потому, что он Патриарх, а потому, что он - мой епископ. Я, как христианин, не имею права ругать своего епископа. Тверич может. Однако высочайшего благословения в православии не бывает. Это вкрадывается в наши речи - папизм, прискорбный в этом помещении. Патриарх - наш первый иерарх - есть председатель в соборе епископов, не более того. Он не может благословить епископа сделать то или иное в пределах епархии. Напомню, у нас действует канон Собора 1918 года, что ничье политическое решение - а это политическое - не может быть названо церковным. Если, предположим, его святейшеству будет благоугодно посчитать великого князя Георгия действительно наследником престола со всеми прочими титулатурами - это будет частное мнение его святейшества. Покуда другой Собор не изменил канон, слово патриарха стоит здесь столько же в данном вопросе, в политическом вопросе, сколько слово тети Дуси - члена церкви. Об этом никогда не следует забывать в Союзе православных граждан. Я не думаю, что такой глубокий и мудрый человек, как наш первый иерарх, мог бы позволить себе что бы то ни было такое, кроме того он знает историю и помнит, что - батюшка об этом не напомнил, хотя зачем-то причислил Годунова к деятелям смуты, когда Борис Федорович был совершенно законный царь. Но есть ведь и другой момент: было неосторожное поведение одного иерарха во времена смуты. Он навсегда вычеркнут из списка патриархов и архиереев: звали его Игнатий. И не думаю, чтоб какой-нибудь архиерей не знал этой истории и рискнул подобные акции связать со своим именем. Меня бы не беспокоило все, кроме одного. Действительно есть вопросы о том, существует ли императорский дом, существует ли глава императорского дома? Этот вопрос теоретический, серьезный для юристов и историков. Может ли кто-нибудь претендовать в настоящий момент в соответствии с законом о престолонаследии на титул Его Императорского Высочества? Это вопросы, и я согласен с господином Назаровым: проведем чтение подобного содержания.

Ведущий: Обратимся к розданным документам Первое у вас идет письмо в Коллегию телевидения и радиовещания - это продолжение нашей работы по борьбе за нравственность на телевидении. Второе - по общеполитическим вопросам: реформа и вот то самое письмо господина Селезнева, в котором мы говорили о деятельности Якунина. Вот четыре их. Прошу поискать на столах. Их по пятьдесят сделано каждого, народу меньше. У них шапка в отличие от монархического проекта, еще не отработанного, "Союз православных граждан" и они напечатаны на ксероксе. Не навязываюсь пока же, чтоб было время, посылаю, четыре должны обойти - по два посланы. Они вернутся, на каждом обозначено какое. Продолжая наше плановое выступление, видите, по первому вопросу сколько возникло, так сказать, разных замечаний, выступлений, и даже мы организовали уже и комиссию и следующее совещание. Мы упоминали о том, что члены нашего совещания и даже организации присутствовали на не совсем однозначном Конгрессе русской интеллигенции. Само собрание это, конечно, отрадно было, но отталкиваясь от слов первого нашего выступающего, Виктора Владимировича, о непонимании даже среди людей близких, и наоборот, о понимании среди тех, кто, казалось бы, так сказать, не совсем разделяет наше мировоззрение, мы попросили рассказать подробнее об этом форуме, а это значительное по количеству для посвящения, (Голос из зала: Нет), по крайней мере собрания, Конгресс русской интеллигенции, который прошел недавно, Владимира Александровича Кудрявцева, нашего социолога, члена православно-политического совещания.

Кудрявцев В.А.:

Когда это я был социологом, кто меня все социологом зовет? Я всегда был философом, занимался русской религиозной философией. Социология для меня вообще ругательное слово.

Я вообще не думал рассказывать об этом Конгрессе, но все-таки прошу сейчас как-то переиначить свое сознание, потому что еще раз предупреждаю, что вбрасывание таких вопросов, тем более неподготовленных вопросов в любую аудиторию о монархизме, о престолонаследии вызывает немедленную отрицательную реакцию, так сказать, различную и вносит раскол. Это уже неоднократно проверено. Поэтому прошу все-таки переориентироваться, так сказать, и вот на какую-то позитивную такую работу. Я буду говорить шире, я буду говорить - можно я сидя, да, - я буду говорить не только о Конгрессе русской интеллигенции, но и о тех событиях, которые происходят сейчас в России, и которые, на мой взгляд, могут перерасти в чрезвычайно серьезные тенденции. Может быть это будет рискованно с моей стороны заявлять, но уж я прошу .... наших меня тут подправить. Что касается Конгресса русской интеллигенции. Ну, вы знаете, накануне собирался другой Конгресс русской интеллигенции. Этот Конгресс был организован Народно-Патриотическим Союзом России и - какая-то странная обстановка, странная обстановка (Шум в зале), Валентин Викторович, я для кого вообще говорю, вот все ходят, говорят - не понимаю. (Шум). Да, чрезвычайно невыгодная конечно ситуация.

Что касается Конгресса русской интеллигенции. Три четверти там, конечно, была атеистов. Тест провел в своих выступлениях Василий Белов. Когда речь заходит о православии, это является сразу оселковым вопросом, который, так сказать, абсолютно будоражит зал. И вот Белов взрыв аудитории на себя принял. Потому что, в принципе, атеистическое сознание не воспринимает православие, и даже упоминание и, и тем более тех методов, которые, ну, я их методами не называю, воцерковление.

Я говорил на Конгрессе о воцерковлении - за Беловым сразу, меня спасло только то, что он передо мной выступал.....Ему как-то не так возражали, а меня бы просто с трибуны согнали. Когда дошло до семнадцатого года, сразу начали шушукать, говорить “время!” и тому подобное.

Любого рода позиция, связанная с православием, всегда вызывает чрезвычайно отрицательную реакцию. И в этой связи я хотел бы рассказать не столько о съезде интеллигенции, сколько о тенденции и опасностях, которые нас сейчас по большому счету, я думаю, будут преследовать. Россия на сегодняшний день мне представляется множеством людей, хитросплетением сознаний всякого рода. Но более 60 % граждан благосклонно относятся к православию. Их позицию можно выразить такими резолюциями: не возражаю, не против и так далее. На другом полюсе находится очень маленькое количество людей воцерковленных - всего 2-3 %. Не 5, и не 10, как пишут, а 2 или 3 %. Слабенькая ограда людей, пытающихся воцерковиться - я их "оглашенные" называю. И с другого края атеисты - их тоже достаточно значительное число, и я на съезде этому нашел подтверждение. Но также и на Всемирном Русском Соборе, где я входил в редакционную комиссию, писал документы.

Я имею представление о мировоззрении наших граждан. Основная тенденция в связи со структурой нашего общества, чрезвычайно неоднородной, очень плохая. Для меня лично попытка демонстрировать фильм Скорцезе "Последнее искушение Христа" является прямым показателем активности, агрессивности и наглости Зла как такового. Оно не остановится, конечно. Это первая серьезная провокация против Русской Православной Церкви и попытка заставить ее выйти из себя и высказаться по какому-то вопросу конкретному, это несомненно. Об этом же говорит и позиция Патриарха, которая в сущности резко изменилась. Например, письмо-приветствие, которое он писал на Конгресс морально оценивает ситуацию на сегодняшний день. Множество его высказываний, в том числе и после Конгресса и нежелание работать со средствами массовой информации говорит о том, что он, в принципе, находится тоже на пределе. Потому что пассивно власть поощря-

ет разгул, разврат, воровство, бандитизм, тотальное воровство, против чего церковь не может не протестовать. Активно она сбрасывает вот такого рода идеи, пытаясь спровоцировать Церковь. И для меня самым трагическим последствием такого рода провокаций будет тенденция объединения всех антиправославных сил - наших атеистов у власти. Там нет, в сущности, православных людей. Власть атеистическая! Она так культурологически, а не религиозно относится к церкви и антикультурно относится к культуре как к таковой. Так вот эта власть, которая провоцирует через средства массовой информации, или какая-то сила, которая провоцирует церковь православную выйти из себя, будет поддержана властью при резком выступлении церкви, потому что она вынуждена будет против режима выступить и его политики. Сюда же примкнут наши гуманисты-западники, которые ненавидят православие, если они еще более-менее нормально относятся к католицизму и протестантизму как к естественным типам религии, породившим вид современной хозяйственной деятельности - капитализм по Веберу, то они абсолютно плохо относятся к православию. Я могу сказать, что и в речи американского президента и при моих многочисленных контактах с либералами западными я вывел их тезис: "Самые главные враги сейчас отнюдь не коммунисты, самые главные враги в России, которых нужно преодолеть, - это традиционалисты, фундаменталисты: православные, мусульмане и прочие люди, которые, так сказать, придерживаются разных космов и концепций. Поэтому, так сказать, их основной удар - против русской православной церкви как смыслового ядра русского общества и центра мистического и смыслового Вселенной - несомненно. И вот тут спичка вот это вот чрезвычайно опасна, потому что к власти, еще раз, атеистической могут примкнуть не только наши западники-гуманисты, а я вам говорю, что это очень знаемые, начитанные люди, которые ненавидят православие. Это мне на дипломе стало ясно, когда я попытался покритиковать позицию дипломника, а им руководил тогда очень значимый наш человек абсолютно лживой интерпретацией православия, и просто я знаю позицию этих гуманистов. Сюда же может быть примкнуть и вся левая часть оппозиции, которая тоже, вот как мне показалось на съезде, очень настороженно относится к православию. Туда же могут все национал-языческие организации примкнуть. Сюда же может тут же Жириновский с его позицией, да и Лебедя команда против. Вот такого рода объединение антиправославных сил - чудовищное объединение. По большому счету это главная опасность. Если сейчас мы не выступим на защиту русской православной церкви при все увеличивающихся попытках провокаций, то я думаю, что эта ситуация перерастет очень скоро в трагическую ситуацию. Так что стык этот обозначившийся абсолютно понятен - дело только во времени. Когда они будут это муссировать уже по большому счету с тем, чтобы давить. Но это естественно, это сказано, так сказать, во всех источниках, которые говорят о том, что такие времена обязаны наступить. Вот это время. Сейчас пока такое отношение: стройте, ходите, там, ладно, на Пасхе постоим, транслируем там, из Иерусалима, пожалуйста, на кладбище где-то поют бабушки в платочках, ради бога. Вот я говорю, что эта позиция абсолютна. Теперь, не задерживая вашего внимания, - я понимаю, только что времени очень много прошло, - хочу сказать о двух конкретных инициативах, которые мы могли бы, в принципе, как Союз православных граждан инициировать. Мы давно, и отец Владислав это прекрасно знает, готовились и говорили, именно Союз православных граждан, и я сказал об этом на Конгрессе интеллигенции, и такие же предложения поступали в редакционную комиссию Всемирного Русского Народного Собора - мы говорили о создании нравственной комиссии или нравственного комитета, который должен был бы давать оценку всем влияниям власти во всех направлениях очень авторитетную. Для этого в этот нравственный комитет мы должны пригласить всех людей, старейшин таких нашей страны, мнение которых все-таки значимо для людей наших и дать им доступ к средствам массовой информации, что является утопией, конечно, на сегодняшний день. Но тем не менее, этот комитет поддерживает очень много организаций: мы инициировали его как Союз православных граждан, создание такого комитета поддерживает Всемирный Русский Народный Собор. Я говорил, на радио когда выступал, с Геннадием Николаевичем

Селезневым - он целиком и полностью за этот комитет. Совет Федерации за этот комитет, поэтому на стыке вот таких общественных и государственных структур мы этот комитет, в принципе, могли начать формировать. Еще раз повторяю: с приглашением всех значимых людей туда, и я уже говорил со многими людьми, которые входят сейчас в такого рода комитеты. Единственное, что хочу сказать здесь, надо приступить к разработке этого, единственное, хочу что сказать, что туда не должны входить политические деятели. То есть должны входить общественные деятели, ученые, писатели, - авторитетные в нашей стране, которые бы, так сказать, на стыке этих организаций могли бы, так сказать, вот... И второе. Я вот сейчас написал статью "Тайная неверия", меня возмущает то, что Конгресс интеллигенции в сущности меня, в каком-то смысле, потряс нежеланием просто поверить и отнестись к православию более-менее нормально до тех пор, пока ты не соприкасаешься с этим впрямую. Когда речь идет не о православии вообще, как о какой-то идеологии, которую власть пытается как антураж какой-то, реликтовое обрамление своего государственного фасада как бы создать, как службу быта, скажем так. А вот когда конкретно говорится о православии во всей его глубине, попытка, так сказать, людей вот так его провести, вот тут сразу противление идет страшное. Поэтому я предлагаю: мы давно разрабатывали с Николай Николаевичем такую вот проблему, что людям невозможно сбрасывать сразу идеи, которые они неспособны в принципе понять в силу вот такой оторванности, необразованности всей нашей по этому поводу. Я предлагаю подумать о серьезных, так сказать, вот с чего можно было бы начать, и я уверяю вас, что этим занимаются очень многие в интеллигентской среде, мы даже не ожидали столько много, поговорить о семинаре, который бы Виктор Николаевич Тростников мог возглавить, это все-таки член Союза православных граждан, да? "Наука и религия о происхождении мира" - вот на такие вот рода конференции мы могли бы очень много людей собрать, потому что очень большой в этом смысле, потребность такая большая в общем сейчас интеллектуальная. Потому что наука своими средствами доходит до того, что мир сотворен. Очень много естественнонаучных ученых, физиков есть и прочие. Если бы мы инициировали создание такого рода образования, то на вопрос, главное, нужно как можно больше людей заставить ответить на вопрос: что да, мир сотворен. Вот чего они не могут перейти, вот чего они не могут терпеть. Человек есть создание Божье. Они не могут этого перенести. Например, человек самодостаточный организм(?). Вот гордыня и так далее. Поэтому вот две таких конкретных инициативы я лично со своей стороны предлагаю. Пока что других таких серьезных мероприятий, которые мог бы инициировать Союз православных граждан, я не вижу. Я, в принципе, сам могу персонально заняться первым, то есть созданием этого нравственного комитета, в принципе, мною уже переговоры проведены на всех уровнях: и в Госдуме, и в Совете Федерации на самом высоком уровне, и с некоторыми представителями, которые могли бы войти, поэтому я прошу эту инициативу мою поддержать, несмотря на то, что она кажется утопической. Если серьезно ей заняться и выйти на средства массовой информации, то суждения такого рода людей и оценка деятельности правительства по всем ключевым вопросам государственного устройства, экономической деятельности и прочее, прочее на него бы подействовали. Вот все, что я хотел сказать.

Артемов И.В.:

Я постараюсь времени много не занимать, потому что тема-то понятная. Хотелось бы поддержать Владимира Кудрявцева в том, что он сказал, но поддержать каким образом. Я чувствую и вижу, что в течение последних, ну может быть, полугода-года действительно четко обозначается линия разлома в национальном движении. Православие и против православия. Причем те, кто против, многие сами еще не знают, что они выступят. Но есть некоторая духовная традиция советская, вот все время мы спорили, там, может быть коммунист русским или нет. Я же только могу сказать, что с моей точки зрения практически нет. Я знаю демократов, которые сейчас, так сказать, несколько лет пройдя через демократическое движение поменяли убеждения и стали православными русскими национа-

листами. Но я практически не знаю ни одного убежденного коммуниста, который бы вот за эти семь-восемь лет, что я занимаюсь общественной деятельностью, стал убежденным русским националистом. Может быть они и есть, но этот процент настолько ничтожен, что ... мы сейчас сталкивается с советской традицией, с рецидивом этой традиции. Естественно, стоит вопрос "что делать?." Я готов, наверное организация наша она поддержит, ну практически любую инициативу по созданию комитетов каких-то, мероприятий и прочее. Другой вопрос, что надо ведь не только что-то создавать, надо что-то делать. Очень часто, вот тут уважаемый председатель сказал о демонстрации 9 Мая, ведь фактически даже вот эта демонстрация, в которой Союз православных граждан как таковой не участвовал, но участвовали многие присутствующие здесь люди и отдельные организации - это ведь тоже чисто было спонтанное действие. Мы буквально за несколько дней, за 3-4 дня до 9 Мая решили: а почему, собственно говоря, отдавать коммунистам День Победы? У них есть 1 Мая, у них, так сказать, 8 Мая и масса других вполне атеистических праздников. Но 9 Мая это День Победы русских. Значит, что могли сделали, обзвонили кого могли, и вот фактически результат. Главный результат и вывод я бы хотел свой вывод, который я сделал, я бы хотел донести до присутствующих. От Белорусского вокзала начинало движение 200 человек примерно, колонна состояла из 200 человек. К Лубянке подошло около 2000 в нашей колонне. Откуда взялись эти, так сказать, люди, которые увеличили нашу численность ровно в десять раз? (Голос из зала: Больше). Нет, ну я минимальную оценку даю, потому что я всегда стараюсь занижать, а не завышать наши реальные возможности. Вот мы шли когда по Тверской, вдоль улиц стояли люди, эти люди, когда слышали колокольный звон - там была машина с колоколами - видели некоммунистические флаги - они вставали в нашу колонну. Но, в принципе, если бы мы постарались, эта колонна состояла бы не из 2000, а из десятков тысяч людей. Реально потенциал людей, готовых поддержать национальное православное движение он велик и в Москве и вообще по всей России. Но, конечно, мы не дорабатываем. Я не призываю всех ходить на демонстрации, сложное отношение к таким мероприятиям они есть и у церкви - в общем-то понятно. Но тем не менее, одна из наших ближайших задач - это какие-то практические действия, которые бы показывали, что православные политики - это не люди, которые сидят в закрытых помещениях и пишут резолюции, а люди, которые готовы защищать Россию и русские традиции так, как это делали наши предки. Я хотел бы рассказать еще об одной нашей инициативе, которую мы выдвинули и которая уже какое-то развитие получила. В конце мая правление Русского Общенационального Союза приняло такое решение, что приближается 12 число, 12 июня. Так называемый День независимости. Но на самом деле присутствующим-то наверное не надо объяснять, что это день позора, день, в общем-то катастрофы национальной. Мы при коммунизме имели много плохого, а этот день наши, в общем-то, позиции он еще ухудшил, откинул нас еще на какое-то время назад, вспять. И тем не менее вот страна отмечает: 12 июня. Будут какие-то официальные мероприятия, торжества, будет, так сказать, человек, который Президентом называется выступать, там, поздравлять. "Россияне, - скажет, - поздравляю вас с праздником". Ну, так вот, приняли мы решение следующее: во всех местах, где есть отделения РОНСа(?) и обратиться ко всем, и вот сейчас я практически обращаюсь к присутствующим и к православному политическому совещанию, как его член ППС и как просто русский человек. Первое: бойкотировать эти мероприятия как только можно - пикетами, статьями в средствах массовой информации, выступлениями по радио и телевидению, просто любыми действиями, на которые способен каждый человек. Раз. И второе: есть у нас в истории даты, которые куда как больше подходят под идею - День независимости. Есть дата 21 сентября, победа на Куликовом поле. 21 сентября. Практически, ну, отмечается она, ну, приезжает на Куликово поле несколько тысяч человек, но праздник-то это действительно общенациональный, общерусский. Он, так сказать, неспособен даже и у коммунистов наверно вызвать аллергию. Было принято такое решение, и первого числа, 1 июня мы выезжали на Куликово поле, это был День Дмитрия Донского, установили там два креста: монастырщинник, где похоронены

были русские, павшие в бою и в Епифании, где передовые литовские отряды были задержаны. Вот, и хотим мы эту инициативу развивать дальше. Вот, я собственно, мы сейчас, Михаил Иванович, ты дай мне, пожалуйста, пресс-релизы. Спасибо. Я раздам присутствующим наши пресс-релизы, и вот почему я сказал, что инициатива уже получила развитие. Нам удалось добиться того, что тульская областная дума эту идею поддержала. Фактически мы имеем уже сейчас законодательную инициативу тульской областной думы, и я думаю, что примет еще как минимум иркутская, нижегородская и, может быть, и архангельская с обращением к Президенту, к правительству, к гражданам и так далее, Государственной Думе. 12 июня, как праздник, унижающий русское национальное достоинство и раскалывающий нацию как минимум на две, а то и на большее количество частей, не праздновать и перенести этот праздник, если необходимость вообще есть, на 21 сентября. Вот такая вот есть инициатива, вот здесь кратко изложена вся фактура. Я прошу всех, особенно тех, у кого есть возможность это озвучить через средства массовой информации, через газеты - взять вот эти материалы и в дальнейшем как-то координировать действия. Просто Православное политическое совещание может быть может даже это как организация поддержать, вот такую инициативу. Вот очень коротко о тех делах, которые мы сделали за прошедшее время, и дай Бог, чтобы дела эти и дальше развивались и чтобы какая-то была поддержка. Это все, о чем я хотел сказать.

Семенов Т.Е.

Розданный вам документ может быть составлен в таком, вы сразу не заметили, несколько чиновничьем духе. Это образец того документа, который может, так сказать, циркулировать в структурах власти. Это то, что сейчас позволяет закон. Закон позволяет очень мало в этой области, о которой говорилось сейчас. И то положение, даже структура этих органов, которые регулируют телевидение и радиовещание, она в общем-то закрытая, очень такая жесткая. Единственный способ проникновения и влияния общественного позитивного на эту сферу, состоит в том, что по положению Федеральной Службы телевидения и радиовещания Коллегия ФСР имеет право создавать экспертные комиссии при своей службе с участием экспертов, представителей общественности и так далее. Предлагается этим вариантом воспользоваться, хотя конечно вы понимаете, что полномочий у этой комиссии практически не будет никаких. Но по крайней мере это единственный на настоящий момент легитимный способ влияния на эту сферу, предлагается им воспользоваться Союзу православных граждан и другим возможно патриотическим организациям. То, что касается каких-то более серьезных вещей из создания органов с какими-то реальными полномочиями, то я думаю, что все мы вместе обратим через какое-то время взоры уже к законодательному процессу. Сейчас в Государственной Думе находится на рассмотрении на разных стадиях, уже официально они разосланы, поправки к Закону о средствах массовой информации, проект Закона о Высшем Совете по этике и нравственности и еще ряд проектов законов, которые эту сферу напрямую затрагивают. У них будет очень трудная судьба, это уже видно сейчас по самым первым шагам и потребуется серьезное участие, в том числе и православных граждан.

Автор проекта о жилищно-коммунальной реформе:

Да, я автор этого проекта, и поэтому несколько слов. 7 мая 1997 года была опубликована концепция проведения жилищно-коммунальной реформы, или реформы жилищно-коммунального хозяйства. Она утверждена Указом Президента и является директивным документом для того, чтобы принять соответствующие решения в разных сферах управления. Действительно, господин Аксючиц высказался в несколько слов, ссылаясь на какие-то там издания, на полемику в прессе. Я не читал полемики в прессе по этому поводу - я читал саму концепцию. Так вот если посмотреть на этот документ, то он касается всех граждан Российской Федерации. Прежде всего, проживающих в городах, то есть пользующихся услугами жилищно-коммунального хозяйства. Это не касается сельских жите-

лей, у которых традиционно имеется свое собственное подворье. Их это не касается. Но так как большинство жителей Российской Федерации живут в городах, эта реформа касается от 70 до 80 % населения. Поэтому в принципе отреагировать на подобный очень важный документ было бы принципиально важно. Это первый пункт относительно того, стоит ли вообще реагировать. Мне кажется, очень стоит, ибо то, что сейчас предлагается на мой взгляд рано или поздно ударит экономически и не только экономически по населению Российской Федерации. На мой взгляд, это крайне опасная инициатива, и поэтому, в целом, предлагается на нее обратить внимание. В чем ее опасность? Ее опасность в том, что формально она вроде бы правильно все декларирует. Раз общество перешло к так называемым рыночным отношениям, оно отказалось от общественных фондов потребления, и система распределения, которая отдавала гражданам минимум в форме заработной платы, а все аккумулировала в общественных фондах и содержание всей жилищной сферы, в основном, было за счет этих фондов, теперь, когда их нет, вроде бы логично перенести бремя затрат на жилищную сферу на частных лиц. Вроде бы логично. В чем нет логики? В том, что при отказе от общественных фондов потребления, эти фонды были, по сути дела, расхищены. Они не вернулись гражданам в виде конкретного материального капитала, и теперь у них, у большинства из них нет сейчас экономических условий, чтобы содержать эту самую жилищно-коммунальную сферу. То есть, какая-то естественно часть получила эти условия. От 1 до 10 % граждан эта реформа достаточно логична, у них есть средства на содержание жилищно-коммунальной сферы. У 90 % городского населения такой возможности экономической на самом деле нет. Поэтому когда говорят о том, что вот теперь государство будет отказываться от содержания всего этого большого хозяйства, то формально - правильно, по существу - издевательство. Кроме того, вся городская среда была создана в течение практически существования вот этой обобществленной экономики. И естественно, она сделана очень затратно. То есть сейчас гражданам передается жилищно-коммунальный фонд, который не рассчитан на экономное содержание. Он был запланирован, спроектирован, построен так, что там нужны огромные затраты на воспроизводство. Это крупные котельные, крупные магистральные сети и так далее, и так далее... То есть если бы с самого начала жилищный фонд городов строился из расчета, что он будет содержаться гражданами за счет их средств, то наши города были бы не такими, какими мы их сейчас видим. То есть даже объективно, они сейчас не по силам при нормальной даже среде, уж не говоря о той ситуации, которая у нас возникла. Кроме того, у нас нет самоуправления. Ведь в сущности жилищное хозяйство это низовой уровень, это конкретная жизнь, и она могла бы реально осуществляться в том случае, если бы у нас были развитые гражданские институты, в том числе институты местного самоуправления. Но: в 93-м году они были уничтожены в результате государственного переворота и на сегодняшний день практически не существуют. Поэтому результат этой реформы будет присвоение жилищного фонда уголовной средой, криминальным миром, который в результате того, что общество неорганизованно, захватит эти средства существования граждан, раз государство говорит: "А мы теперь ими не будем руководить." Свято место пусто не бывает, это будет захвачено уголовной средой. Вот, на мой взгляд, ну как бы, самоочевидные результаты того, что декларирует господин Немцов, которого здесь почему-то хвалили, и что будет на самом деле - я считаю, что просто, что дорога в ад вымощена благими намерениями. Вот это концепция - одна из таких дорог в ад, и мне кажется православное сообщество могло бы выступить с предупреждением общества о том, что ему грозит. Поэтому в данном случае я предлагал другое: предупредить, вот если вы посмотрите на текст, предупредить общественность об опасности этой реформы, обратиться к Президенту с просьбой приостановить реализацию Указа, отдать концепцию на общественное обсуждение. В Государственной Думе рассмотреть вопрос о принятии Федерального закона вообще о жилищно-коммунальной сфере, чтобы уже в рамках этого уже что-то решать. Решать все равно нужно.

Заявление
Православного политического совещания
и Союза православных граждан
О реформе жилищно-коммунального хозяйства

В связи с тем, что в Российской Федерации объявлено о проведении в течение ближайших семи лет реформы жилищно-коммунального хозяйства, и президентом страны издан указ, одобряющий соотвествующую Концепцию, Православное политическоен совещание и Союз православных граждан считают необходимыс сделать следующее заявление:

Сущность намеченной реформы практически сводится к тому, чтобы переложить все бремя содержания созданной ранее жилищно-коммунальной отрасли на население страны. Одновременно с этим прекратятся бюджетные ассигнования, резко увеличатся государственные тарифы, размеры которых должны покрыть все издержки и при этом обеспечить безубыточное функционирование коммерческих предприятий, обслуживающих жилищно-коммунальные потребности.

Реформирование жилищно-коммунальной сферы, как и большинство прежде объявленных реформ, обязательно приведут к дальнейшему ухудшению жизненных условий. Основная часть городского населения, и без того обнищавщее, будет вынуждено распродавать ранее приватизированное жилище, ухудшать жилищные условия, попадать в кабальную зависимость к ростовщикам. Появится все возрастающая масса бездомных, а вместе с ними - будет рости преступность, проституция, детская смертность, иные социальные бедствия.

Предпринимая столь циничную по своим целям реформу, правительствующие круги стремятся в действительности решить свои финансовые проблемы самым простым, доступным им методом - фискальными изъятиями средств законопослушных граждан, которые никогда не будут в состоянии создать насыщенный предложениями жилищный рынок. Все разговоры о нем являются блефом. При очевидном дефиците жилой площади в стране никакого доброкачественного рынка жилья не может быть создано. Финансовый механизм реформы будет выгоден лишь финансовым спекулянтам.

Учитывая депрессивное состояние, в котором находятся все отрасли национального хозяйства, многократное снижение денежных доходов городского населения, неплатежи заработной платы работникам наемного труда и иные смежные проблемы, лишены основания предположения о том, что в стране существуют условия для “создания конкурентной среды в системе управления и обслуживания жилищной сферы”. Все подобные декларации, записанные в Концепции, иллюзорны и приведут лишь к одному - проникновению в область жилищно-коммунальных услуг уголовного мира, который превратит оказание услуг в форму, прикрывающую организованный грабеж.

Православное политическое совещание и Союз православных граждан

предупреждают общественное мнение страны, гражданские, политические и гуманитарные организации о негуманном, циничном характере и неизбежно отрицательных для населения Российской Федерации последствиях намеченной жилищно-коммунальной реформы в том виде, как она изложена в опубликованной Концепции;

обращаются к Президенту РФ с призывом приостановить действие своего указа от 28 апреля 1997 года № 425, придав разработанной правительством Концепции реформы статус проекта, который надлежит вынести на тщательное общественное обсуждение;

призывают депутатов Государственной Думы, представленные в ней политические партии выступить с законодательной инициативой, предотвращающей возможность проведения любого рода реформ в жилищно-коммунальной сфере без принятия спецального федерального закона о жилищно-коммунальном хозяйстве в Российской Федерации;

считают необходимым напомнить о личной отвественности за инициативу проведения неподготовленной, непродуманной, подрывающей социальную безопасность Рос-

сии жилищно-коммунальной реформы гг. Ельцина,Черномырдина, Чубайса, Немцова, иных работников президентской администрации, членов Правительства РФ;

отмечают насущную неоходимость самоорганизации активных, самодеятельных граждан страны и создания ими самостоятельных учреждений местного самоуправления в городах, поселках, станицах и иных населенных местностях, чтобы обеспечивать интересы территориальных общин, как составной части единой общенациональной общности.

Заявления СПГ 1997 года

Заявление

Союз православных граждан выражает удовлетворение по поводу введения в действие Закона “О свободе совести и религиозных объединениях”, который упорядочивает деятельность религиозных объединений в обществе, содействует социально значимой деятельности религиозных объединений, создает благоприятные условия для их духовно-нравственного служения. Закон создает серьезные предпосылки для ограждения личности и общества от разрушительной псевдорелигиозной и псевдомиссионерской деятельности, наносящей очевидный вред духовному и физическому здоровью человека, национальной самобытности нашего народа, стабильности и гражданскому миру в России. Он не противоречит международным правовым актам, в том числе Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Международному пакту о гражданских и политических правах, полностью соответствует обязательствам России.

Вместе с тем, Союз православных граждан, содействовавший мобилизации всех сил православной общественности на поддержку нового Закона “О свободе совести...”, не может не отметить недостаточность и неполноту этого Закона в части, касающейся церковно-государственных отношений. Русская Православная Церковь уже участвует в миротворческих и дипломатических акциях, образовательных и благотворительных программах, в сохранении культурных ценностей, взаимодействует с российской армией и правоохранительными органами(заключены соглашения между РПЦ и отдельными министерствами и ведомствами). Область взаимодействия расширяется, и потому все острее ощущается потребность подготовить законодательную базу **сотрудничества** государства и Церкви**.**

Союз православных граждан готов поддерживать усилия тех трезвомыслящих политиков, которые понимают, что Россия имеет достаточно богатый правовой опыт, чтобы юридически оформить **социальное партнерство** Церкви и государства, сделав очередное усилие в достижении гармонии светской и духовной жизни.

30 сентября 1997 г.

Заявление

Обострившийся экономический кризис вынудил правителей России ради сохранения своих постов пойти на уступки во внешней политике, а все тяготы хозяйственной разрухи переложить на плечи обнищавшего народа.

Продолжая исход из Европы, начатый с бегства из Германии и перечеркивания результатов Второй мировой войны, кремлевское руководство фактически уступило давлению НАТО, не получив никаких гарантий безопасности для страны.

Продолжая политику уступок сепаратистам и бандитам, кремлевское руководство подписало мирный договор с главой террористов Масхадовым, не получив никаких гарантий безопасности русского населения Чечни, никаких гарантий от распространения нестабильности по всему Северному Кавказу, никаких гарантий сохранения территориальной целостности России.

Кремлевское руководство не смогло выдержать упрямого нежелания украинских властей считаться с интересами России, фактически простило Украине колоссальные долги, признало Севастополь украинским городом, предав севастопольцев, всех русских Крыма, никогда не отделявших себя от России.

Наконец, кремлевское руководство свело начавшийся было процесс воссоединения Российской Федерации и Белоруссии к пустым разговорам и подписанию ничего не значащих документов. Реальное воссоединение снова подменено бессодержательно “интеграцией”.

В внутренней политике правительство перешло к урезанию всех социальных программ и взвинчиванию квартплаты. При этом до сих пор не решена проблема выплаты десятков триллионов рублей зарплат и пенсий. Правительство собирается внедрить режим экономии за счет граждан, обобранных этим же правительством по всем статьям.

Необходимо отметить в данной ситуации роль коммунистической оппозиции, которая на словах упрекает режим, но не совершает никаких жестких шагов по ключевым проблемам, которые могла бы предпринять контролируемая коммунистами Государственная Дума. Сговор этой оппозиции с режимом налицо.

Из сказанного следует заключить, что власть и левая оппозиция, неразрывно связанные между собой эгоистическими мотивами и психологическими установками советской номенклатуры, перешли к неприкрытой торговле интересами государства и его граждан. Такая власть и такая оппозиция не имеют права на существование.

Союз православных граждан заявляет, что возрождение России возможно только в том случае, если российская политика будет наполнена носителями православного мировоззрения, людьми, которые знают, что такое совесть и чувство ответственности перед страной.

Заявление
в связи с очередной попыткой НТВ показать фильм,
оскорбляющий религиозные чувства граждан

Руководством телеканала НТВ на 9 ноября 1997 года вновь запланирован показ богохульного фильма американского режиссера Мартина Скорсезе “Последнее искушение Христа”.

Попытки демонстрации этого фильма на Западе в свое время вызвали решительный протест всего христианского мира, поскольку фильм содержит оскорбительную для религиозного чувства христиан хулу на Господа Иисуса Христа и представляет собой кощунственное глумление над священным Писанием.

В некоторых странах для предотвращения общественного возмущения фильм был запрещен в судебном порядке. В других - сами владельцы кинотеатров не пожелали рисковать своим имуществом и сняли его с проката. Ни в одной стране мира лента М.Скорсезе не была показана по телеканалам национального телевидения.

Полгода назад, когда фильм впервые был заявлен в телепрограмме, к руководству НТВ обратился Святейший Патриарх Алексий II с просьбой от имени всех православных христиан отказаться от демонстрации этой ленты.

С аналогичными просьбами и протестами выступили многие государственные и общественные организации, в том числе и Союз православных граждан. Фильм тогда был снят с показа, хотя это сопровождалось заявлениями о нарушении свободы творчества и информации.

При этом СМИ совершенно не упоминали о том, что в правовом демократическом обществе Закон защищает свободу личности от насилия другой личности и государства. Именно Закон защищает и религиозное чувство граждан, ограничивая свободу тех, кто желает их оскорбить. В Законе о свободе совести (ст. 3, п.6) говорится: “...Умышленное оскорбление чувств граждан в связи с их отношением к религии запрещается и преследуется в соответствии с Федеральным Законом”, а Уголовный Кодекс (ст. 282 “Возбуждение национальной, расовой и религиозной розни”) предусматривает наказание за подобные действия, совершенные публично или с использованием СМИ - вплоть до лишения свободы на срок до 4 лет.

То упорство, с которым НТВ пытается осуществить свое намерение является свидетельством того, что речь идет о сознательной, обдуманной провокации, направленной на дестабилизацию нашего общества.

Национальное законодательство признает особую роль христианства в становлении Российской государственности и культуры, и глумление над национальными святынями, представимое только по отношению к населению оккупированной территории, а не к народу суверенного государства, - должно быть решительно пресечено Законом. Государство должно защищать народ России от повторения подобных провокаций в будущем.

3 ноября 1997 г.

Заявление

Планируемое властями введение оплаты за внутригородские телефонные разговоры является прямым, касающимся каждого гражданина, посягательством на принятый в России образ жизни, очередным шагом по разрушению устоявшихся у нас в стране культурных традиций.

Наряду с непомерно высокими и постоянно увеличивающимися тарифами за проезд в городском транспорте и квартирную плату, невиданное доселе увеличение оплаты за телефонные разговоры призвано, как видно, либо окончательно разорвать информационные связи российских граждан, либо разорить и без того скудный семейный бюджет. Эта акция властей несомненно станет той последней каплей, которая переполнит и без того полную чашу терпения десятков миллионов людей.

Последствия введения телефонных счетчиков вполне предсказуемы: повышение и без того высокого уровня неврозов и психозов, связанное с резким сокращением родственно-дружеского общения по телефону; снижение количества и качества профессиональных контактов; фактическое устранение из нашей жизни воспитательного, медицинского, психотерапевтического контроля за огромной частью населения, поскольку во многом исчезнет возможность общения учителей, врачей, психологов с учениками, пациентами и друг с другом, что вызовет, в частности, и рост детской и подростковой преступности. Всех негативных последствий перечислить невозможно, но несомненно, что только экономический “эффект” от телефонного нововведения во много раз превысит суммы, которыми власти и монополисты связи планируют решить все свои проблемы.

В связи с вышеизложенным, Союз православных граждан призывает власти всех ветвей и уровней, профессиональные союзы, политические партии, правозащитные и другие организации не допустить введения телефонных счетчиков у нас в стране и не поощрять монополистские амбиции корпораций и учреждений, желающих решить свои финансовые проблемы за счет и без того малоимущих, неплатежеспособных и крайне раздраженных российских граждан.

18 декабря 1997 г.

Христианская политика, или “политическое христианство”?

Союз православных граждан как реальная возможность осуществления симфонии Церкви и общества

Валентин Лебедев
главный редактор духовно-просветительского журнала “Православная беседа”, секретарь-координатор Союза православных граждан

Крупная подборка в “НГ-Религиях” от 12 апреля, посвященная истории “христианской демократии” в России, вновь ставит перед нами вопрос о смысле и возможностях участия верующих в политической жизни страны. Поскольку я являюсь секретарем-координатором Союза православных граждан, то буду говорить только о проблемах, связанных с осуществлением политических прав именно православных — тем более, что и в РХДД и однотипных с ней организациях иные конфессии существенной роли не играли.

Из “отцов — основателей” РХДД, являвшейся на определенный момент крупнейшей российской партией с ярко выраженной христианской ориентацией, каждый пытается по-своему объяснить причины очевидной несостоятельности христианских демократов образца 1989-93 годов. Вместе с тем, существование и успешное функционирование такой организации, как Союз православных граждан , само по себе дает нам основания утверждать возможность и перспективность христианского участия в российском государственном строительстве.

Представленное в “НГ-Религиях” изложение основных событий, связанных с историей существования РХДД, говорит само за себя. То, что после активного начального этапа своей деятельности партия так и не сумела занять подобающее место в российской политике, связанно прежде всего с тем, что положенные в основу ее программы представления организаторов о христианских ценностях не несли, как выяснилось, в себе конкретного позитивного содержания. В самом деле, как легко и хорошо было отменять, упразднять, распускать — короче говоря, ликвидировать советские механизмы регулирования, а точнее — удушения религиозной жизни в стране. Тут все были единомышленниками, и казалось, что так будет и дальше. Проблемы появились, когда началась реальная деятельность по созданию законов, по формированию и реализации концепции взаимоотношений государства и Церкви, когда появилась необходимость четкого определения того, чем, собственно говоря, должна являться российская христианская политика, и какие вопросы могут и должны решаться с ее участием.

Оказалось, что партия, войти в ряды и руководство которой мог фактически любой, кто называл свои убеждения “христианско-демократическими” (как пишет Анищенко, “мы были вынуждены ориентироваться на все без исключения общественно активные круги христианской направленности”), неспособна к конструктивной работе, требующей согласованной стратегической позиции. Выяснилось, что представления лидеров и участников движения, мягко говоря, были не всегда одинаковы. Фактически почти что каждый мог разработать для себя свою доктрину, назвав ее “христианской демократией”. Отсюда — бесконечные разногласия и расколы между “западниками” и “почвенниками”, между патриотами и либерал-демократами, отсюда же — метание руководства от одних “союзников” к другим в попытке “обратить в христианство” различные политические течения. Эта ситуация способствовала еще и тому, что наряду с теми, кто действительно стремился принести в политику христианские идеалы, к руководству движения, увы, получили доступ люди, видевшие в своей деятельности лишь средство к достижению личных целей.

Наиболее выдающимся из такого рода деятелей является, конечно же, вероотступник Вячеслав Полосин — бывший православный священник, перешедший в итоге своей политической карьеры в мусульманство. История его грехопадения заслуживает отдельного описания — и то сказать, в российской церковной истории бывало, конечно, всякое, но не такое — тем более, что перемена бывшим протоиереем веры напрямую связана с его

политической деятельностью. В опубликованной в “НГ-Религиях” статье Полосин предваряет оправдание отступничества нудным перечнем различных эпизодов своей политической карьеры. Там где другие пишут “мы” — у него все чаще “я”: “мне удалось”, “мне предложили”, “я устроил”... Дальше выясняется, что соратники его не оценили, в правительство его не взяли, а единая идеология у движения отсутствует.

Православие вообще плохо приспособлено для того, чтобы помогать Полосину делать карьеру, к тому же еще и Священноначалие в последние годы запрещает священнослужителям участвовать в выборах. Отсюда вывод: эта религия непрактична. Вывалив на прощание все, что на душе накипело — жалкую подборку нелепых обвинений в адрес Церкви, уровнем ниже даже советской пропаганды, Полосин удаляется “изучать источники” мировых религий — то есть, собственно говоря, Библию, которую он, будучи протоиереем, очевидно не удосужился изучить как должно. Он ли работал с источниками, или с ним работали какие-то грамотные менеджеры (именно их потурчившийся протоиерей считает основным двигателем реальной политики), но в результате Русская Православная Церковь потеряла не больше, чем мусульмане приобрели.

Наивно было бы, конечно, объяснять неудачи РХДД присутствием в руководстве людей типа Полосина. Очевидно, что сама концепция, на основе которой создавалось движение, непригодна для современной российской политической жизни. Христианские демократы в постсоветской России взялись на пустом месте копировать западный образец — обособленное от конфессий общественно-политическое движение, включающее в свою идеологию элементы вероучения. Пословица о том, что “что русскому здорово, то немцу смерть” имеет, видимо, и обратную силу — неудивительно, что наши граждане упорно не голосуют за христианскую демократию. Дело тут, однако, не в отсутствии “социальной базы” — об этом мы поговорим ниже — а в том, что представление о христианстве у наших соотечественников, признаемся, хотя и не всегда четкое, но ассоциируется оно, конечно же, ни в коем случае не с политической партией, а с Православием, точнее с Русской Православной Церковью. Идеологи РХДД, однако, не могли (да и не все, к сожалению, хотели) позволить себе четкой конфессиональной определенности. Как пишет Глеб Анищенко, “от слова “православный” мы вынуждены были отказаться: для наших потенциальных сторонников оно было не объединяющим, а разъединяющим фактором”. Непонятно, правда, так ли уж были нужны такие сторонники — ради количества участников неизбежно приходилось жертвовать качеством самого движения: ведь “христианство вообще” — выражение ни к чему, в сущности, не обязывающее — так же, как и “вообще демократия” (вот современные “демократы” — они все за демократию, но договориться между собой не могут никак).

Давайте, однако, говорить не об абстрактных терминах, а о конкретных вещах — мировоззрение подавляющего большинства христиан России определяет их принадлежность к Русской Православной Церкви, и это мировоззрение находит свое выражение в том числе и в политике, в осуществлении ими своих гражданских прав. Церковь, разумеется, организационно отделена от партийной борьбы, и это правильно — ее задачи принципиально другие; нельзя, однако же, забывать о том, что участие христиан в политике — это участие членов Церкви, принадлежность к которой не разъединяла, по-моему, еще никого. Это и есть реальный принцип объединения христианских политических сил, в отличие от интеллектуализированных сторонников “общехристианских ценностей” — предмета бесконечных споров; члены Православной Церкви имеют несравненно меньше поводов для разногласий в осознании целей христианской политики и выборе способов их осуществления, если осознают свою принадлежность к Церкви основным фактором своей политической деятельности. Тогда отпадает необходимость в поисках “социальной базы”, пресловутого “среднего класса” и вообще употребления всякой марксистской лексики (“крупная буржуазия”, “беднейшие слои населения”, “реформировать капитализм”) для объяснения реалий и перспектив христианской политики — практика показывает, что от-

ношение к Церкви вряд ли зависит от социального и имущественного положения человека.

Не надо думать, что в РХДД эти вопросы никого не волновали. Напротив, значительная часть участников движения начала, когда очевиден стал кризис христианской демократии в ее существовавших формах, искать пути создания организации, построенной на вышеизложенных принципах. Результатом их деятельности стало создание Православного Политического Совещания, у истоков которого стояли такие известные общественные и политические деятели, как известный историк и публицист Владимир Махнач, прот. Владислав Свешников, и многие другие. ППС задумывалось, как структура, выполняющая сразу несколько функций.

Это, во-первых, поиск и консолидация общественно-политических сил, готовых консолидироваться для защиты ценностей Православной Церкви, культуры, российской государственности.

Во-вторых, это отработка средств и методов христианской деятельности в политике, имеющая принципиальное значение не только для нашей организации. Опыт осмысления этих вопросов отражен прежде всего в работах о. Владислава "О русском национализме — истинном и ложном" и Вл. Махнача "Параметры христианской политики", "Основы православной культуры" и "Долг мирянина", которые, на наш взгляд, дают представление о том комплексе идей, который может (и с нашей точки зрения должен) лечь в основу национального и духовного возрождения России. Своеобразным рупором идей ППС стал редактируемый мной журнал "Православная Беседа".

Третьей задачей ППС является православное миссионерство среди постсоветской политической элиты — мы никого не "вербуем" в наши ряды, но люди, у которых за спиной такая страна, как Россия должны знать не только православные основы нашей государственности и культуры, но и те закономерности происходящей жизни общества, понимание которых немыслимо без знакомства с глубинами церковной жизни, православного вероучения, богословия и православной социальной мысли, до сих пор, к сожалению, востребованной крайне мало. Поверьте, имея труды таких выдающихся мыслителей, как прот. Сергий Булгаков ("Философия хозяйства"), Георгий Федотов ("Будет ли существовать Россия"), Иван Ильин, Лев Тихомиров, священномученик прот. Иоанн Восторгов и многие другие, или, например, такие источники православной социальной мысли, как Определения Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917-18 годов, посвященные церковно-государственным взаимоотношениям, мы отнюдь не нуждаемся в изысках типа предлагаемого нам Щипковым протестантско-католического гибрида. Разумеется, с момента опубликования этих работ, большинство из которых создано в начале века, многое изменилось, но общее направление в них, без сомнения, верно, это то, на что мы можем и должны опираться. Нами велась и ведется большая работа в этом направлении, мы можем сказать, что в результате наших усилий значительная часть современных политиков по крайней мере имеет представление о том, что есть Православие и христианская политика, а как это знание повлияет на их духовную жизнь и политическую деятельность — этого предугадать нам не дано, однако некоторые конкретные результаты есть уже сейчас.

Православное Политическое Совещание было необходимо как своеобразный клуб, как то место, где, встретившись, православные политические деятели могли совместными усилиями подготовить ту самую мировоззренческую, идеологическую, организационную базу, без которой любое православное политическое движение обречено было повторить путь РХДД. Между тем, поскольку его деятельность была эффективной, появилась возможность создания такой структуры, и в итоге в начале 1997 года церковными и общественными деятелями и организациями — участниками ППС — был создан Союз Православных Граждан.

Сам принцип союза — конфедеративен; нас объединяет, как уже говорилось выше, принадлежность к Церкви, соработничества на благо ее и Отечества. Православное веро-

учение предоставляет свободу исповедания любых политических убеждений, ему не противоречащих. Наши цели отличны от целей РХДД, и многообразие включенных в союз организаций является не поводом к плюралистическим разногласиям, но напротив, осуществляя на практике многообразие служения Церкви, дает различные возможности политической защиты ее интересов. Методика деятельности Союза включает в себя и метод “молекулярной интеграции” наших единомышленников в самые разные общественно-политические структуры, их творческое “оплодотворение” идеями и ценностями правосланой культуры.

Мы знаем, что многие хотели бы приписать православным тупую покорность перед любой “богоданной”, хотя бы даже и антихристовой властью. Многие были бы довольны, если бы верующие не лезли в политику со своею моралью и идеалами, оставили бы “грязных” политиков делать свое грязное дело. Многие политические деятели с удовольствием объявляют себя “прагматиками” — реально это означает откровенно декларируемую беспринципность. Мы же не стесняемся называть себя идеалистами, брезгливый уход от жизни государства и общества, как “нецерковной, грешной и мирской” был бы для нас фарисейским оправданием собственной бездеятельности, говоря церковным языком — ересью, сродни монофизитской, отрицающей богосозданное достоинство земного мира. “Долг православного — это выход в мир, живая тревога за судьбы человечества и даже больше — живой интерес к социальным и политическим вопросам своей страны и всего мира. Но всем этим православный христианин должен жить и интересоваться совершенно иначе, чем партийный политик, на иной глубине и в ином измерении. За всякий смертный приговор и даже за каждое пагубное парламентское решение он должен чувствовать себя лично ответственным перед Богом, Церковью и людьми, ибо подлинно верно, что каждый за все и за всех виноват” (Карташев). Тем же, кто упрекает нас в стремлении “обожествить” государство — мы отвечаем: не обожествить, а христианизировать. Именно нам, православным, не к лицу пренебрегать тем, к чему мы призваны — возможностью христианизации того, несовершенного, но необходимого, устройства взаимоотношений между людьми, которое называется государством. Беспринципным, ничем не оправданным идиотизмом, предательством того, во что мы верим, было бы с нашей стороны самоустранение от жизни общества, которое доставило бы радость лишь сторонникам ценностей “нетрадиционных”.

О свободе совести говорят часто и много, но почти всегда при этом забывают, что совесть — это не абстрактная убежденность, но “глас Божий в человеке”, сила, побуждающая к действию, к воплощению своих убеждений в жизнь. Поэтому реальная свобода совести предполагает реальные же механизмы, с помощью которых эти религиозные, христианские, православные убеждения находят свое выражение в действиях, направленных на благо общества. Аморально для верующих было бы читать неверующим мораль, и этим ограничиться — о недостатке ценностей говорят все; те , кто их исповедает — действуют.

Современные институты государственного устройства, при всех своих многочисленных недостатках, предоставляют гражданам, в том числе и православным гражданам России реальную возможность действий. Приверженность своей вере, своей Родине, своей национальной культуре — основа для таких действий. Для нас очевидно, что та нетерпимая ситуация, в которой сегодня пребывает наше отечество, обусловлена последствиями национальной катастрофы начала века, которая, в свою очередь, явилась закономерным и неизбежным следствием отступления граждан тогдашней России от норм и принципов, составлявших тогда основу ее государственности. Большевики, дорвавшиеся до власти, вынуждены были копировать традиционное государственное устройство России, но это созданное ими устройство держалось лишь подпертое силой , не будучи органичным, естественным — тысячелетний опыт учит нас, что Россия без Православия не стоит. Поэтому (и не только поэтому) к признанию общественно, а значит, и государственно значимой роли Православия нас должно подтолкнуть и то, что естественное (а значит, эффективное) взаимодействие государства и общества; следующее отсюда естественное (а значит,

эффективное) функционирование государства, естественное воссоздание исторической России — великой России — без этой духовной, религиозной, конкретно говоря — православной составляющей невозможно. Отсюда следует, что реальное и законодательно предписанное нормами демократического общества закрепление роли Церкви в совершении общественных дел — есть не восстановление какой-то давнишней справедливости, но, во-первых, необходимое условие для реальной, а не фантомной национальной самореализации, для воплощения в жизнь реальной, а не фантомной национальной идеи. Процессу разрушения государственности, уцелевших от советского погрома остатков российской державности мы можем и должны противопоставить волю и решимость к использованию представляющихся нам возможностей к обустройству жизни в своей стране, чтобы воссоединение с Россией отпадших земель (“самостийное” существование которых в любом случае обусловлено лишь фактором времени — вопрос в том, к кому они присоединятся) — направлялся в соответствии с христианскими, православными нормами — мы говорим об этом не только в силу нашей глубокой убежденности в их правоте, но в силу исторического опыта, свидетельствующего нам, что формирование российской государственности шло на основе этих норм, сначала как фактора, объединяющего конгломерат разрозненных племен, впоследствии — как регулятора взаимоотношений суверенных княжеств, наконец — как способа интеграции русских и околорусских земель в единое российское государство.

Еще раз повторю: христианские нормы в политике — не наша прихоть, но действительно необходимое условие выживания для всех. Еще раз повторю: мы не собираемся их никому навязывать — мы ведем работу по осуществления того принципа, который позволяет дать писаным и неписаным нормам общественной жизни реальное наполнение: не за страх, а за совесть выполняются законы в ориентированном на христианские ценности обществе; в той мере, в которой оно на них ориентировано, этот принцип действенен. Не стоит дом, построенный на песке, не имеет перспектив общество, построенное на страхе и принуждении. Само понятие о ценности, уникальности, Богосозданности человеческой личности дано миру именно христианством. Отказ от признания этой уникальности и приводит к разным видам языческого в своей сущности тоталитаризма. Обожествление твари — идолопоклонство — пагубно в любом виде: “обожествление” класса, расы; даже обожествление идеи права приводит, как мы видим, “гуманитарным” бомбардировкам и поддержке озверевших сепаратистов. Именно православный подход к ценностной иерархии позволяет гармонизировать индивидуальные, групповые, социальные интересы, национальные и универсальные ценности. Свобода совести, свобода правды, истины, веры в нее; свобода реального действия. Правда Церкви — для всех, значит, сама сущность ее не позволяет противопоставлять свои интересы интересам других. Поэтому и Союз Православных Граждан надпартиен — наша задача собирать. Собирать, помогать собираться тем, кто реально может поддержать лишенное предвзятости осознание и неизбежно из этого следующее возрождение российских традиций; поддерживать тех, кто понимает, что мало говорить о безнравственности — православное обоснование нравственности есть единственное, что мы можем ей противопоставить не на бумаге; как говорил Св. Иларион (Троицкий), “если отнять у людей Христа, то они просто перережут друг друга”. Согласитесь, сейчас это уже не просто слова. Поэтому же мы морально обязаны не просто противодействовать каждому конкретному проявлению антихристианских — а значит, антирусских, антироссийских, антигосударственных, антиобщественных сил на российской политической арене — но всячески способствовать отработке законодательного механизма, поставленного на защиту интересов общества от подобных проявлений агрессивной нетерпимости.

Еще раз повторю: существующие механизмы народовластия предоставляют гражданам России, в том числе и православным ее гражданам все возможности не только для продолжения ведущейся Союзом работы, но и для работы масштаба намного большего — мобилизации мирян для воплощения в жизнь социального аспекта служения Церкви. Это

есть специфическое призвание мирян, их миссия, их служение. Христианизация, освящение, творческое осмысление и преображение отношений в обществе, жизни государства — словом то, что о. Сергий Булгаков определял, как теургию. Это путь к созданию новой теократии, не той, что пытается подмять государство под себя, но той, что духовными средствами, средствами обращения к личности позволяет Церкви вести личность, общество, нацию именно к тому внутреннему и внешнему устройству, которое соответствует человеческой природе не в худших, а в лучших ее проявлениях. Такая работа предполагает своим результатом конечно не построение Царствия Божия на земле, но реальную симфонию, симфонию Церкви и общества в условиях правового государства.

Отработка этих механизмов в действии еще идет, в теории все предусмотреть невозможно. За три прошедших года от ситуативных политических действий, вызывавшихся прежде всего нетерпимыми нападками на Церковь со стороны различных политиков и СМИ, мы перешли к решению стратегических вопросов взаимодействия и взаимоотношений государства, общества и Церкви. Существует ряд важнейших проблем в жизни нации и государства, разрешение которых без активного участия Церкви практически невозможно. В первую очередь, это проблема демографического коллапса России и русского народа. Если «отрицательное сальдо» (сокращение населения на 2млн. — это катастрофа) в этом вопросе не будет преодолено, мы не сможем не только добиться статуса ведущей державы, но и удержать наши азиатские и кавказские территории. В этом вопросе помощь Церкви может быть огромна — православные христиане являются единственной многодетной прослойкой нашего народа, возрождением института семьи, борьбой с массовым убийством наших детей — абортами, в нашей стране масштабно занимается только Церковь.

Близко связанным с этой проблемой является вопрос «битвы за молодежь» И здесь многие пастыри «полагают жизни за други своя», спасая от наркомании, ставшей бичем наших мегаполисов, молодых людей. Вспомним, что в последнее десятилетие, когда слово патриотизм благодаря усилиям доморощенной «образованщины» стало ругательным, именно Церковь воспитывала его в душах своих молодых прихожан. Убежден, ныне пора поддержать эти усилия на государственном и общественном уровне, законодательно закрепить их. Другой немаловажной проблемой является информационная безопасность нашей страны. Об опасности тоталитарных форм воздействия на общественное мнение, которые стали активно использоваться т.н. «олигархами», неоднократно предупреждал наш Патриарх Алексий. Вообще, эта проблема стоит шире — речь идет о морально-нравственном состоянии общества, его базовых ценностях и приоритетах. И возвращению к нормам христианской морали альтернативы не просматривается.

Важнейшим фактором совместных действий Церкви и государства является политика централизации России, нового «собирания русских земель». В этой области исторический опыт Русской Православной Церкви огромен. В этой связи следует отметить, что Русская Православная Церковь является единственным институтом, успешно противостоявшим дезинтеграционным тенденциям и в России и на всей территории бывшего СССР в последнее десятилетие, когда были разбазарены территории, собиравшиеся веками. Факт единства и целостности РПЦ практически на всем постсоветском пространстве еще сыграет свою весомую роль в деле возрождения России.

Систематизируя вышеперечисленные факты и тенденции, мы пришли к выводу о необходимости разработки целостной концепции церковно-государственных, церковно-общественных взаимоотношений, иначе говоря — социального партнерства Церкви, государства и общества. Нами подготовлен законопроект “О социальном партнерстве Церкви и государства”, потребность в котором давно назрела — подобного рода нормы давно уже действуют в большинстве европейских стран. Наиболее близкой нам является модель церковно-государственных взаимоотношений, принятая в Греции — ее пример убедительно показывает, что конституционное закрепление государственного статуса Православной Церкви прекрасно сочетается с демократическими принципами общественной жизни. На-

ше же законодательство в этой области, построенное на принципах религиозного эгалитаризма не отвечает тем самым запросам большинства граждан, так как количество сторонников Православной Церкви и иных конфессий у нас несопоставимо. До сих пор нам приходится доказывать, что в России Закону Божьему детей должен учить компетентный в данном вопросе священник, а не религиовед-атеист, что богословие в вузе — это нормальный, уважаемый предмет, такая же дисциплина, как и любая другая. В Англии, в Оксфорде есть кафедра православного богословия, где преподавал о. Георгий Флоровский, преподает известный современный богослов еп. Каллист (Уэр) и другие православные богословы, можно вспомнить и о знаменитых православных факультетах в Афинском и Бухарестском университетах — там это не смущает никого. У нас же робкие попытки ввести в наших вузах эти очевидные нормы натолкнулись на беспрецедентное сопротивление “образованщины”. Сексуальное просвещение в школе, или омерзительные выходки Тер-Оганяна этих, с позволения сказать, “защитников культуры” почему-то не смущают.

Законодательно закрепленный механизм осуществления социального партнерства Церкви и государства для того и нужен, чтобы не только государству могло защищать Церковь, но и Церковь получила возможность защищать моральные, нравственные, семейные, культурные ценности, и в конце концов — саму государственность. Это и будет реальной, а не натянутой симфонией Церкви и общества. Как отмечено выше, Союз Православных граждан является консолидирующей структурой сторонников традиционных российских ценностей, однако защита этих ценностей требует, в том числе, нормальной парламентской деятельности — миллионы православных верующих России, являющихся весьма значительной группой налогоплательщиков, нуждаются в адекватном представительстве на всех уровнях и во всех ветвях власти. С этой целью должен быть проанализирован и востребован опыт как отечественной, так и европейской христианской политики, в том числе и опыт СПГ.

Помимо прямых результатов усилия СПГ по защите Православия привели еще и к заметному численному росту нашей организации — как в России (в крупных городах, но и не только) — но и, что принципиально важно, в ближнем зарубежье. Русская Православная Церковь является единственной нерасчлененной структурой на пространстве Исторической России. Этот факт вызывает неприятие со стороны этнонационалистических режимов во многих бывших “союзных республиках”. Так, в последнее десятилетие беспрецедентные гонения на каноническую Православную Церковь обрушились на Украине. При полном молчании “профессиональных правозащитников” сотни храмов и епархиальных управлений были захвачены боевиками УНА-УНСО и прочих нацистских организаций Украины. При захватах нормой были массовые избиения православных верующих, применение газов, железных дубинок и т.д.

В этой ситуации миллионы православных граждан Украины обратились за защитой к России, и мы обязаны сделать все от себя зависящее, чтобы не оставить своих единоверцев в беде. Именно на нас легла и миссия правозащитной деятельности т. к. нарушение прав и свобод миллионов верующих Украинской Православной Церкви Московского Патриархата стало для “незалежной” Украины нормой, и миссия мобилизации общественного мнения в России и за рубежом по этому злободневному вопросу. Это привело к созданию наших структур в Крыму, на Донбассе, Новороссии, Киеве и Подкарпатской Руси, принявшее в последнее время массовый характер. Кстати, к нам за помощью обратились московские историки и публицисты, объединившиеся в “Общество друзей Карпатской Руси имени Ф.Ф.Аристова” с целью помочь уникальному **острову русского мира** в Закарпатье уберечься от ассимиляции и латинизации воинствующим галицийским униатским шовинизмом, идеология и практика которого приобрели откровенно тоталитарные, человеконенавистнические, нацистские формы. К сожалению, мало кто знает, что практически миллион подкарпатских русинов не желает играть в “бандеровские” игры, рвать со своими русскими корнями. В Закарпатье более 500 приходов и 20 монастырей Московского Патриархата. Однако, официальные власти Украины, не говоря уже о националистиче-

ской львовской шпане, просто отказывают русинам в праве на собственную национальную идентичность.

Все эти вещи привели нас к активному неприятию печально известного Договора о дружбе с Украиной, ратифицированного год назад Федеральным Собранием России. Против этого документа, предательского по отношению к 12 миллионам великороссов Украины, 30 миллионам верующих Украинской Православной Церкви Московского Патриархата, закарпатским русинам, выступили практически все организации Великой, Малой и Белой Руси, входящие в СПГ. К сожалению, продолжающаяся политика Украины по отношению к Каноническому Православию подтвердила самые худшие опасения.

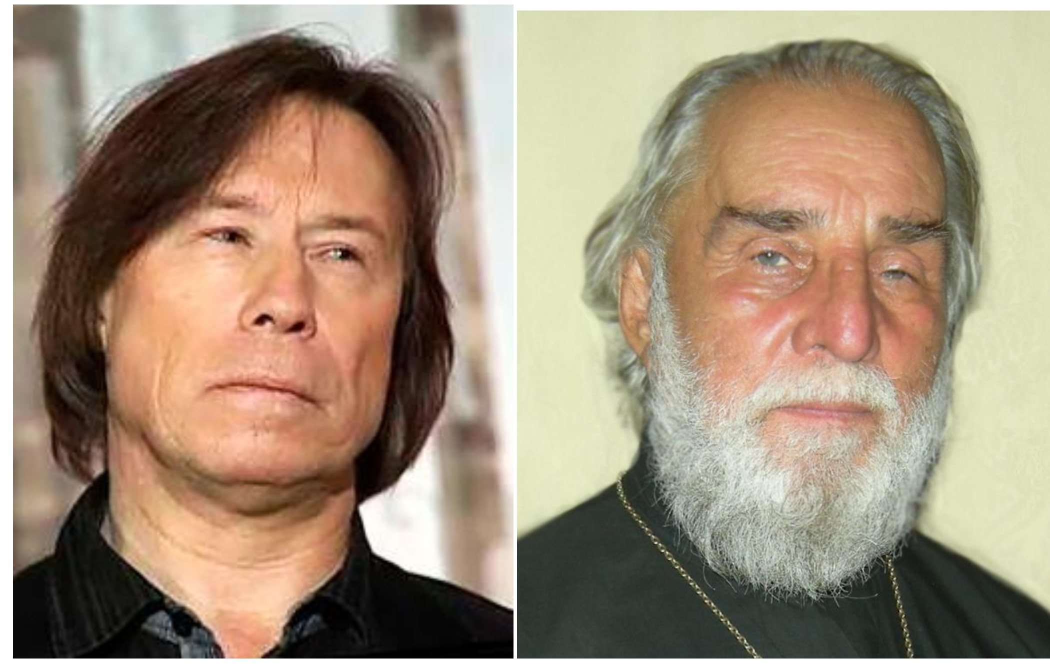
Передо мной лежит “Аналитическая записка о необходимости создания Украинской Поместной Церкви”, подготовленная в недрах парламентской группы “За единую Поместную Церковь”, состоящую, в основном , из руховцев и греко-католиков. Помимо демонстрации своего невежества в исторических и церковно-канонических вопросах, авторы “Записки” призывают к грубому и беспрецедентному вмешательству государства в дела Церкви. Так, на 7-8 января 2001 года авторы уже назначили некий “Всеукраинский Объединительный Собор”, который, по их мнению, должен привести к слиянию канонической Украинской Православной Церкви Московского Патриархата со самосвятскими сборищами Филарета Денисенко и т.н. УАПЦ. К этому процессу призывается подключить госструктуры, в частности, МИД Украины. Местным органам власти предписывается активно участвовать в создании “Украинской Поместной Церкви” путем воззваний и т.д. Естественно, мнение большинства православных христиан Украины, не желающих выходить из юрисдикции Московского Патриархата и тот факт, что подобный “Собор” будет абсолютно нелегитимен с канонической точки зрения, авторов не волнует. То, что такие документы разрабатываются в структурах украинской власти вынуждает нас и впредь держать руку на пульсе вопроса защиты Православия на Украине. Естественно, мы являемся последовательными сторонниками создания Российско-Белорусского Союзного государства, а точнее, процесса воссоединения Западной, или Белой и Восточной, Московской Руси — историческая топонимика является отнюдь не маловажным вопросом. Каркасом этого воссоединения является единство Русской Православной Церкви, важнейшей идеологической составляющей — тысячелетняя православная традиция России.

Решение этого вопроса, вопроса воссоединения русских земель, вообще вопросов устройства нашего государства именно как России без христианского участия немыслимо. Неудачи РХДД, кризис “политического христианства” отнюдь не означает, как думают, или, по крайней мере говорят некоторые, кризис российской христианской политики. Союз Православных граждан уже делает реальное дело, сделано уже много и должно быть сделано больше. Как уже отмечалось, встает вопрос о том, что для решения масштабных задач государственного устройства необходимо непосредственное участие в законодательной работе, необходимо представительство в парламенте. Возможность создания такого движения представляется вполне реальной; она явилась бы закономерным продолжением эволюции христианских политических организаций России. Есть конструктивная идеология, построенная на основе объединяющих ценностей, есть политики, осознающие важность этих принципов для страны. В последнее время признаки такого понимания проявляет и высшая государственная власть — если это так, то есть и реальные основы для продвижения дела воссоздания России на качественно новый уровень. Моральное состояние сегодняшней политики, сегодняшнего общества обязывает нас к активной деятельности. Для нас неудивительно, что наряду с пониманием она встречает и противодействие — что показательно, с разных концов политического спектра: в своем неприятии идей православной церковной политики солидарны ультралибералы прозападного толка — и оголтелые нацисты, фанатики “чистоты крови” и неоязычества; показательно, что и те и другие видят в нас не просто политических конкурентов, но силу, угрожающую их равно разрушительным для страны идеям. Они разделяют; мы хотим объединить — не проповедовать какое-то новое учение, но акцентировать внимание на христианских идеа-

лах, потенциально близких любому русскому человеку, как бы он не относился к вопросам, скажем, экономики или конституционного устройства.

С тем, что основные общественные ценности, ценности, которые могут и должны стать основой для общественного согласия, построены именно на принципах христианской морали, христианского учения — с этим согласны практически все. Не все, однако, понимают, что это учение имеет свое основание именно в Церкви, она его разработала, именно она имеет право определять верность его понимания. Там, где речь идет о ценностях, базовых для общества, важно знать их истоки, понимать, что то, что Россия создана Православием — это исторический факт, пренебрегать которым — значит лишать себя возможности реального осознания исторического пути своей страны. Россия без Православия — это не Россия; политик, не сознающий этого, бесперспективен, опасен для общества, и в первую очередь — для себя самого. Для определения будущего России христианская политика должна сыграть роль того фактора, который позволил бы перестать считать политику “грязным делом”. У Церкви есть, что сказать обществу и власти; наша задача — помочь ей это сделать.

Инициаторы создания Православного Политического Совещания

Валентин Владимирович Лубедев журналист, публицист, общественный деятель. Главный редактор журнала «Православная беседа».

Протоиерей Владислав Свешников - настоятель Храма Трех Святителей на Кулишках (Москва), доктор богословия (2001).

Владимир Леонидович Махнач (1948-2009), историк, православный публицист

Савельев Андрей Николаевич, политолог, политик, публицист